

**Лариса Григорьевна Михайлова Ким Стэнли
Робинсон Брюс Стерлинг Иэн Уотсон Грегор
Хартманн Дафна де Джонг Айзек Азимов Ив
Жилли Роберт Килхеффер Рудольфо Анайя
Алексис де Токвиль Пол Андерсон Иван Ефремов**

**Сверхновая американская фантастика, 1997 № 01-
02**

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 25

1-2

Fantasy & Science Fiction

1997

СВЕРХНОВАЯ

Ким Стэили Робинсон

Брюс Стерлинг

Нэн Уотсон

Рудольфо Анайя

Пол Андерсон

- Ивану Ефремову

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/488685>

Колонка редактора

От Москвы до самых до окраин

Здравствуйтесь, дорогие читатели «Сверхновой», — и те, кто читает

наш журнал со времени его возникновения в 1994 году, и те, кто подписался на «Сверхновую» впервые в 1997 году, и те, кому этот номер подарил случай. Мы рады, что вы держите в руках первые два номера 1997 года и надеемся, что и остальные шесть успеют выйти в этом году. Теперь журнал называется «Сверхновая. F&SF», как и задумывалось с самого начала, ибо наша цель — держать вас в курсе событий отнюдь не только в американской фантастике, но рассказывать также о том, что примечательного происходит в фантастике других стран, не оставляя при этом за скобками и Россию.

В начале нашего века фантастам виделось объединение государств и народов в масштабе планеты как залог всеобщего процветания. Далекий от безудержного оптимизма Герберт Джордж Уэллс объездил многие страны в период между двумя мировыми войнами в тщетных попытках убедить разнообразных правителей в необходимости создать Всемирное Правительство, где экспертами и лицами, за которыми будет оставаться последнее слово в принятии решений, будут ученые. На рубеже шестидесятых и семидесятых (начало космической эры, освобождение Африки, конец «холодной войны») многих отрезвили выводы Римского клуба, привлечшего внимание к экологическим и демографическим проблемам в масштабах планеты. С приближением конца второго тысячелетия эсхатологические настроения начали набирать истерический накал. И одной из причин обострения сделались разногласия, причиной которых выступают не только политические претензии и агрессивные аппетиты современных режимов, но и различия менталитетов конфликтующих сторон. Это дало толчок бурному развитию культурологии. А в фантастике, где тема Контакта — первого, последнего, с инопланетным или искусственным разумом, в космосе и на Земле — всегда была одной из центральных, писатели стали пристальнее всматриваться в корни различий между мировосприятием жителей разных стран и континентов.

В первом номере за 1997 год мы решили собрать произведения, где используются и исследуются национальные стереотипы восприятия: может быть, не везде с одинаковой глубиной, иногда пародийно, но каждый раз своеобразно передавая понимание иностранцем коренной культуры. Или обыгрывая уже анекдотические стереотипы. Избушка Бабы Яги на шести курьих ногах из рассказа «Непредставимое» как раз демонстрирует пример последней категории. Для нас — дикость, конечно, но весьма характерная: от этих сумасшедших русских (а в последние пять лет репутация «mad Russians» — странных до безумия — заметно упрочилась за русскими) можно ожидать чего угодно. Русская тема обыгрывается частично и в рассказе английского фантаста Иэна Уотсона «Янтарная комната». А также это одна из заметных тем в переписке Пола Андерсона и И.А. Ефремова, девяносто лет со дня рождения которого и двадцать лет со дня смерти исполняется в апреле этого года. В N 7 за 1996 год мы помещали уже одно из писем, переданное нам Т.И.Ефремовой, и получили заинтересованные отклики, теперь, заручившись также согласием самого Андерсона, продолжаем публикацию. Перевод писем (и очерка Азимова) осуществлен при активном участии студентов факультета иностранных языков и международного колледжа МГУ Сергея Цыпина, Натальи Рягузовой, Антона Авдеева, Марины Глазковой, Полины Антоновой.

Французский исследователь Флоран Монтаклер из Сорбонны по

просьбе редакции написал краткий очерк о наиболее примечательных чертах современной фантастики Франции. Мы помещаем его вместе с довольно своеобразной новеллой писателя из Ниццы Ива Жилли «Катен», которая выполнена в манере, напоминающей стилистику французского авангардизма 60-х годов, с присущим авангарду релятивизмом, обилием малосущественных для читателя, не бывавшего в тех местах, деталей. Но данное произведение дает пример той атмосферы безразличия и предательства, о которой пишет Монтаклер. Остается только надеяться, что конформизм, свойственный мельком обрисованному герою, читающему повествование о Катен, не станет всеобщим.

Перспектива застояния оболочки души соединительной тканью самодовольства беспокоит Кима Стэнли Робинсона (автора нашумевших книг о терраформировании Марса «Красный Марс» и «Зеленый Марс») в рассказе «Цюрих», где пресловутая швейцарская аккуратность видится стороннему взгляду американца воплощением неестественности. Старый Свет и Новый Свет, будучи связаны сотнями культурных и экономических связей, все же при сопоставлении выявляют как намного более существенную ценность открытость, демократичность общения, в чем большую традицию прибрали обитатели Света Нового. А пример связанности судеб людей на нашей планете, ставшей сегодня такой маленькой, показывает героиня новеллы новозеландской писательницы Дафны де Джонг «Роймата». Кстати, фантастика в Австралии и Новой Зеландии явно набирает силу, надеемся шире познакомить вас с творчеством наиболее заметных авторов. Для начала знакомства помещаем рецензию на вышедшие в США антологии рассказов канадских и австралийских фантастов.

Продолжаем публикацию романа американца мексиканского происхождения Родольфо Анайи «Благослови меня, Ультима», — романа, который благодаря своей обращенности к силам Земли, вполне созвучен лейтмотиву данного номера. Глава X «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля, еще одной продолжающейся публикации, также, как нарочно, посвящена мировосприятию и национальному своеобразию менталитетов.

Давние наши читатели знают, но для новых стоит повторить еще раз, что на протяжении долгих лет колонку «Из записной книжки ученого» в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», откуда мы берем многие наши материалы, вел Айзек Азимов. Один из его 399 очерков мы предлагаем в рубрике «Теперь вы знаете...» На этот раз он посвящен сверхновым звездам, давшим имя нашему журналу. Но, как выясняется из данного очерка, — *частица сверхновой звезды таится в сердце каждого из нас!*

Одной из постоянных рубрик на наших страницах будет и «Cyberspace» — «Киберпространство», которая поможет вжиться в мировую информационную сеть. Нашу страничку можно там посетить по адресу <http://www.netclub.ru/supernova>.

Если Вас интересует какой-либо из прежних выпусков — пишите письма, электронные и простые.

Лариса Михайлова

Проза

Ким Стэнли Робинсон Цюрих¹

Когда мы готовились к отъезду из Цюриха, я решил оставить нашу квартиру в таком же идеальном порядке, в каком мы ее получили, когда въехали два года назад. Служащий Федерального института технологии, которому принадлежало здание, непременно приедет, чтобы осмотреть квартиру. Эти ревизии, которых иностранцы, снимающие тут квартиры, ожидали с трепетом, неизменно отличались особой строгостью. Я хотел стать первым Auslander², который произведет благоприятное впечатление на инспектора.

Достичь этого было не так просто: стены были белыми, столы были белыми, книжные полки, шкафы и тумбочки около кроватей тоже были выкрашены в белый цвет. Одним словом, все поверхности в квартире сверкали белизной, за исключением полов, выполненных из прекрасного светлого дерева. Но я уже приобрел неплохие навыки уборщика и, поскольку прожил в Швейцарии уже два года, имел ясное представление о том, какие требования будет предъявлять инспектор. Я решил принять вызов и самонадеянно поклялся, что когда мы будем уезжать, квартира будет выглядеть *безукоризненно*.

Вскоре я понял, насколько трудную задачу предстояло решить. Каждый шаг в непротертых ботинках, каждая капля пролитого кофе, каждое прикосновение потной ладони, да просто неосторожный выдох оставляли повсюду следы. Мы с Лайзой жили в обстановке приятного домашнего беспорядка, и это принесло свои плоды. В стенах красовались дырки от гвоздей, на которые мы вешали картины. Мы никогда не вытирали пыль под кроватями. Прежний жилец выехал в спешке, поэтому привлечь его к ответственности не было никакой возможности. Да, привести эту квартиру в надлежащий вид будет очень непросто.

Мне сразу стало ясно, что главной проблемой будет духовка. Вспоминаю, как наши американские друзья как-то пригласили нас на барбекю³. Гриль стоял на балконе, на пятом этаже дома в Дюбендорфе, окруженного другими жилыми домами, и соблазнительный запах жареного цыпленка и гамбургеров устремлялся во влажное летнее небо, когда внизу вдруг раздался вой сирен и целая вереница пожарных машин остановилась под окнами. Из них выскочили десятки пожарных, готовые сражаться до последнего с нашим огнедышащим грилем. Какой-то сосед позвонил в полицию и сообщил, что на нашем балконе возгорание. Мы все объяснили пожарным. Они кивали, мрачно глядя на клубы густого дыма, тогда и нам уже показалось, что разводить барбекю в городских условиях просто безумие.

Поэтому я не стал покупать гриль для нашего балкона. Вместо этого я жарил кебаб под соусом терияки в духовке, и вкус у него был отличный.

1 © Kim Stanley Robinson. Zurich. F&SF, March 1990.

2 Auslander — иностранец (нем.).

3 Американский пикник с жаркой мяса на вертеле.

Мы любим соус терияки, моя мать вычитала рецепт этого соуса много лет назад в журнале, но туда нужно добавлять тростниковый сахар, в этом и заключается самая большая сложность. При нагревании жидкий тростниковый сахар «карамелизуется» (как выражается Лайза и ее коллеги-химики). В результате на всех стенках духовки появляются коричневые пятнышки, которые невозможно отчистить. На них не действует ни чистящий порошок, ни жидкость «Джонсон и Джонсон». Сейчас я уже понимаю, что «карамелизация» это нечто вроде отверждения керамики. Снять капли со стенок мог разве что лазер, я же вооружен был только проволочной мочалкой. Но я пошел на приступ.

И началось сореживание. Что окажется более стойким: мои пальцы или пятна? Конечно, я сразу содрал себе пальцы. Но кожа нарастет, а вот пятен больше не будет. Только чудо регенерации плоти помогло мне выиграть эту грандиозную битву. В течение следующих двух дней (только представьте, что значит провести 15 часов не отрывая взгляда от куба объемом в два фута!) я отчистил все пятна, одно за другим, час за часом все более распаляясь от упорства моего врага.

Наконец можно было торжествовать: стальной куб духовки блистал чистотой. Теперь ей не страшна никакая инспекция. Я гордо ходил по квартире, полный ярости и торжества, готовый разделаться таким же образом со всей оставшейся грязью.

Затем я развернул наступление на кухню. Остатки пищи в каждом уголке, в каждой щели. Но, к счастью, пища не карамелизуется. Пятна исчезали моментально. Я был сам мистер Чистота, моя душа была чиста, а руки всесильны. Я включил стереозаписи Бетховена, те фрагменты его произведений, в которых звучит дикая, слепая энергия Вселенной: Большую Фугу, вторую часть Девятой симфонии, финал Седьмой симфонии и Hammerklavier. Я был еще одним воплощением этой неукротимой энергии Вселенной, я чистил, танцуя, черпая силы в причудливой музыке Чарли Паркера, групп «Йес», «Соленые Орехи» и «Постоянное Изменение». Очень скоро кухня засверкала, как экспонат промышленной выставки. Она пройдет любую инспекцию.

Остальные комнаты практически не оказали никакого сопротивления. Пыль? Что мне какая-то пыль! Я — дикая, слепая энергия Вселенной! Сейчас вся пыль под кроватями исчезнет! Когда я вычищал пух из пылесоса, то срезал себе кончик правого указательного пальца, и пришлось следить, чтобы кровь не попала на стены. Но это был единственный ответный удар. Вскоре и здесь все сияло чистотой.

После этого, вдохновленный достигнутыми успехами, я решил, что пришло время отработать мелочи. Сейчас я добьюсь идеального порядка! Сначала я решил не заниматься полами, потому что они выглядели вполне чистыми и не вызвали бы замечаний у инспектора, но теперь, когда все так блестело, я заметил, что около дверей остались небольшие темные отметины, маленькие, почти незаметные неровности деревянного пола, в которых бесстыдно скопилась грязь. Я купил полироль для дерева и принялся за полы. Когда я закончил, пол блестел под стать льду.

Вслед за этим я вытер пыль с книжных полок, которые поднимались к самому потолку. Зашпаклевал дырки от гвоздей в стенах. Стены стали совершенно гладкими, но мне показалось, что в тех местах, где нанесена шпаклевка, появились светлые пятна. Я несколько секунд походил по комнате, и вдруг мне в голову пришла замечательная мысль: я нашел в одном из ящиков жидкость для корректировки печатного текста и кое-что

подкрасил. Это было как раз то, что нужно. Щербинки около дверей, царапина на стене, оставленная спинкой стула, исчезли в мгновение ока. Корректирующая жидкость оказалась идеальным средством.

Всю ту неделю, когда мной владела страсть к наведению порядка, даже вечерами, когда я сидел с друзьями за бокалом вина, руки мои пульсировали жадной действия. Однажды вечером я случайно услышал, как одна знакомая из Израиля рассказывала о том, как ее подруга из Швейцарии развинтила рамы двойных окон в своей квартире, чтобы почистить их изнутри. Я вскочил со стула пораженный, с открытым ртом: как раз днем я заметил пыль внутри двойных рам и решил, что здесь-то уж не смогу ничего придумать. Мне даже в голову не приходило, что можно развинтить рамы! Но швейцарцы-то знают, как следует поступать в таких случаях! На следующий день я нашел отвертку, развинтил рамы и натирал их до тех пор, пока запястья не онемели. Оба стекла засияли с двух сторон. Теперь инспекции можно было не бояться.

В тот день, когда должен был прийти инспектор, я бродил по большим комнатам, со стульями и кушетками, обтянутыми кожей цвета дубовой коры, белыми стенами и книжными полками, и солнце струилось в комнаты золотыми потоками, а я стоял зачарованный, как в фантастической рекламе коньяка, погруженный в прозрачный, как минеральная вода, воздух.

Когда я бросил взгляд на длинное зеркало в фойе, что-то задержало мое внимание. Нахмутив брови, я подошел ближе, мне было не по себе (у меня часто возникает такое чувство перед зеркалом), и присмотрелся. Опять пыль. Я забыл протереть зеркало. Я принялся протирать его, упиваясь работой: сразу заметно, когда на зеркале пыль. Если даже — тут я посмотрел на бумажное полотенце в руке — пыли почти нет, только тоненькая полоска, напоминающая едва заметный карандашный штрих. Так мало пыли на такой большой поверхности — и все же мы ее видим. Да, возможности человеческого глаза поразительны. Подумалось: если мы можем видеть даже такую малость, почему мы не можем все постичь?

Я в экстазе мерил шагами рекламно-коньячный интерьер до тех пор, пока не вспомнил о простынях, забытых в стиральной машине. Если бы не простыни, все было бы в полном порядке. Целую неделю я стирал эти простыни внизу, в подвале. Красная пластмассовая корзина, заполненная бельем: у нас было 7 простыней, 7 наволочек, 7 больших пододеяльников. С пододеяльниками все в порядке. Но простыни и наволочки — увы! — пожелтели. На них были пятна. Неприятные следы наших тел, нашего физического существования: пот, жидкости, невидимые кусочки наших телесных оболочек, несмываемые, вьевавшиеся в ткань, как масло.

Конечно, подумал я, швейцарцы должны знать методы устранения даже таких серьезных дефектов. Я пошел в магазин и купил отбеливатель. Я вспомнил рекламу американских отбеливателей и был уверен, что после одной стирки с отбеливателем все пятна отойдут и белье станет белоснежным. Но ничего подобного. Сколько я ни перестирывал, цвет оставался прежним. Тогда я снова пошел в магазин и купил другой отбеливатель, потом еще один. Два в порошке, один жидкий. Загрузил в машину сначала одного, потом второго и третьего. Ничего не получалось.

И вот наступило утро того дня, на который была назначена инспекция. Я вдруг вспомнил о простынях внизу, и моего радужного настроения как не бывало. Поспешно спустился вниз, прошел через длинный бетонированный вестибюль в прачечную. Это здание простоит

еще тысячу лет. Оно сможет выдержать десять мегатонн. Стиральная машина была здоровой, как грузовик. Инструкция на трех языках. Я включил ее, проверил, нормально ли работает машина, и предпринял последнюю попытку, выстроив мои отбеливатели в боевые порядки на крышке стиральной машины. На протяжении этой недели я перестирывал белье уже в четырнадцатый раз и знал всю процедуру как свои пять пальцев, но вдруг призадумался. При виде трех сортов отбеливателей, которые стояли на крышке, мне пришла в голову блестящая мысль. Я взял самый большой колпачок и заполнил его наполовину жидким отбеливателем. Потом досыпал доверху порошком из коробок.

Должна сработать синергетика. Напевая песенку, прославляющую таинственную силу синергетики, я взял карандаш из записной книжки и решительно размешал содержимое колпачка. Сначала появились пузыри, потом пена.

Тут я вспомнил, как моя жена, химик, ругала меня, когда я смешал два чистящих средства для ванн. «От смешения аммиака с порошком „Аякс“ выделяется смертельный газообразный хлорамин!» — кричала она. — «Никогда не смешивай такие вещи!»

Я оставил колпачок с отбеливателями на сушилке и выбежал из комнаты. Из бетонного вестибюля осторожно заглянул обратно и принялся. Опустив глаза, я заметил, что все еще зажимаю в руке карандаш; нижняя часть карандаша стала белой, как мел. «Ого! Вот это да!» — воскликнул я и отошел в глубину вестибюля. Ну и мощь в этой синергетике!

Рассмотрев карандаш с белоснежным ластиком, я после некоторого раздумья вернулся в прачечную. Дышать можно. Отступить было некуда, нельзя ударить в грязь лицом перед швейцарцами. Поэтому я осторожно вылил колпачок в отверстие в верхней части машины и набил машину нашими пожелтевшими простынями и наволочками. После чего закрыл машину и включил режим самой горячей стирки, 90°C. Поднявшись наверх, я заметил на самом кончике моего левого указательного пальца белое пятнышко. Я попробовал отмыть его, но ничего не получилось. «Надо же — отбелил себе палец!» — воскликнул я. Наконец-то смесь действует как положено!

Через час я вошел в прачечную с тревожным чувством, надеясь, что простыни не расползлись. Но, когда я открыл дверцу машины, в комнате распространилось такое сияние, как будто одновременно сверкнуло несколько фотовспышек, как в рекламном ролике. И, что самое интересное, простыни стали белыми, как свежеснеженный снег.

Я завопил от радости и положил их в сушилку И ко времени, когда инспектор позвонил в дверь, белье было уже высушено, выглажено и аккуратно сложено в ящиках шкафа в спальне.

Я беззаботно напевал, впуская инспектора. Инспектор оказался молодым человеком, даже, вероятно, моложе меня. На безупречном английском он сразу извинился за свое вторжение.

— Все в порядке. Не беспокойтесь, — ответил я и провел его в квартиру. Он кивнул, слегка нахмурился.

— Мне нужно будет проверить кухонные принадлежности, — сказал он, предъявив список.

Это заняло уйму времени. Когда он закончил, то неодобрительно покачал головой:

— Не хватает четырех стаканов, одной ложки и крышки заварочного

чайника.

— Да, вы правы, — сказал я радостно. — Мы разбили стаканы, потеряли ложку и, по-моему, повредили чайник, хотя я никак не припомню, когда это случилось.

Все это были такие пустяки по сравнению с качеством уборки и порядком; прежде всего чистота, а потом уже все остальное.

И инспектор был согласен со мной — он слушал меня и кивал с серьезным видом. Наконец он сказал:

— Конечно, все, что вы говорите, прекрасно, а вот *это* что такое?

И с довольным видом извлек с верхней полки кладовки несколько грязных кухонных полотенец.

Тогда я понял, что инспектор жаждет грязи, как полицейский жаждет преступлений, ведь это единственное, что придает смысл его работе. Я про эти полотенца совсем забыл.

— Не имею представления, что это за полотенца, — сказал я. — Мы ими не пользовались, я совершенно забыл, что они там лежат. Это, наверное, прежний жилец постарался.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Чем же вы вытирали посуду?

— Мы ставили ее на сушилку.

Он покачал головой, просто не в силах поверить, что кто-то пользуется подобными методами. Но тут я вспомнил нашу швейцарскую приятельницу, которая вытирала ванну полотенцем каждый раз после принятия душа. Я упрямо пожал плечами, инспектор *также* упрямо покачал головой. Он опять повернулся к кладовке, надеясь найти там еще какие-нибудь запрятанные сокровища. Недолго думая, я быстро дотронулся у него за спиной до запаченных кухонных полотенец моим побеленным указательным пальцем.

Они стали абсолютно белыми.

Когда инспектор закончил пристрастный осмотр, я сказал небрежно:

— Посмотрите, они не такие уж грязные.

Он бросил взгляд на полотенца, и его глаза приняли удивленное выражение. Инспектор подозрительно посмотрел на меня; я с невинным видом пожал плечами и вышел из кухни.

— Вы еще не закончили? — спросил я. — Мне пора ехать в город.

Он собрался уходить.

— Придется все же как-то решить вопрос со стаканами, — сказал он очень недовольным тоном.

— И с ложкой, — сказал я. — И с крышечкой от чайника.

Он ушел.

В сверкающем воздухе опустевшей квартиры я выделял па. Работа выполнена, я прошел инспекцию, моя душа чиста, ее переполняла благодать. Солнечные лучи еле пробивались сквозь низкие облака, и на балконе воздух был холодным. Я надел пуховик и отправился в центр, чтобы посмотреть на мой Цюрих в последний раз.

По старым заросшим ступенькам и через неприветливый сад Немецкого Федерального института технологии, мимо большого здания, где живут китайские студенты. По крутой пешеходной улице к Волташтрассе, мимо японского огненного клена и магазина, где предлагают варианты отделки интерьера. Я дотронулся до красной розы и не очень удивился, когда она побелела. Теперь вся верхняя фаланга просвечивала, как парафин.

Потом я двинулся к остановке трамвая на Волташтрассе. Было ветрено. На другой стороне улицы стоял заброшенный дом, полуразвалившийся, по розоватым стенам змеились широкие трещины. Мы с Лайзой всегда восхищались им: во всем аккуратном Цюрихе не было другого такого — настоящий дом с привидениями. Аномалия, нечто чуждое для этого города, как и мы сами, поэтому этот дом нам так и нравился.

— Тебя я не трону, — сказал я ему.

Трамвай номер 6 бесшумно спустился с холма от Кирхе Флютерн и со свистом остановился около меня. Нужно лишь нажать на кнопку, чтобы двери открылись. Стоило дотронуться до него, как он стал белым. Обычно они покрашены в синий цвет, но некоторые трамваи разноцветные, на них реклама городских музеев. Встречаются и белые трамваи, рекламирующие Музей Востока в Райтберге; теперь и этот примут за такой. Я поднялся на ступеньки.

Мы поехали вниз по направлению к Платте, Институту Технологии и Центральному вокзалу. Я сидел у задней двери и наблюдал за швейцарцами, которые входили и выходили. Большинство пожилых. Никто не садился рядом с другими, пока оставались свободные места. Если освобождалось место, предназначенное для одного человека, пассажиры, которые сидели на скамеечках для двоих, вставали и пересаживались на освободившееся. Все молчали, хотя изредка взглядывали друг на друга. Большей частью смотрели в окно. Окна были чистые. Трамваи, которые ходят по маршруту номер 6, выпущены в 1952 году, но до сих пор в отличном состоянии, они прошли все инспекции.

Опустив глаза, я вдруг заметил, что на обуви пассажиров не было ни пятнышка. Потом обратил внимание на то, как безукоризненно все причесаны. Даже у двух панков прическа была безупречной в своем роде. Обувь и волосы, подумал я, вот главные символы благосостояния нации. Отражение ее души.

На остановке «Институт» в трамвай вошел латиноамериканец. Он был в ярком пончо, в тонких черных хлопчатобумажных брюках, и казался страшно замерзшим. Он держал странный предмет, напоминающий лук; предмет был разрисован кричащими цветами, к нему была привешена раскрашенная тыква, в той части «лука», за которую держатся, когда стреляют. У нового пассажира были длинные прямые черные волосы, которые в беспорядке падали на плечи и на спину. Лицо крупное, с широкими скулами; метис, наверное, а может даже чистокровный индеец из Боливии, Перу или Эквадора. Их было довольно много в Цюрихе. Нам с Лайзой приходилось видеть целые группы латиноамериканцев на Банхофштрассе, они играли и пели на улице для заработка. Свирели, гитары, барабаны, погремушки из пустотелых тыкв с фасолинами внутри; уличные музыканты играли и зимой, на заснеженной улице, дрожа от холода вместе со своими слушателями.

Когда трамвай поехал дальше, латиноамериканец прошел вперед и повернулся к нам лицом. Он что-то громко сказал по-испански и потом принялся играть на своем инструменте, быстро пощипывая струну. Передвигая большой палец вверх и вниз по струне, он менял высоту тона, и звук отдавался в тыкве, звенел и дребезжал. Отвратительный звук: громкий, немелодичный, навязчивый.

Швейцарцы неодобрительно смотрели на это беспардонное

вмешательство в их жизнь. Так просто не принято было поступать, и ни мне, ни другим пассажирам не случалось никогда сталкиваться с подобным вторжением. Звук этого примитивного инструмента был таким неотвязным, таким чужим. Неодобрение висело в воздухе столь же осязаемо, как и сам звук, можно было ясно почувствовать напряжение, вызываемое борьбой этих двух вибраций.

Трамвай остановился у Халденегг, и несколько человек вышли, больше, чем обычно: вероятно, хотели убежать от музыканта. Они поедут на следующем трамвае. Вновь вошедшие пассажиры с удивлением и неудовольствием смотрели на терзающего свой инструмент музыканта. Двери закрылись, и мы снова двинулись в направлении Центрального вокзала. Слушатели, которым деваться было некуда, смотрели на музыканта так же зло, как бодливые коровы смотрят на проезжающую машину.

Потом он принялся петь. Это была одна из баллад горцев Боливии или Перу, печальная история, исполняемая в драматической манере. Он пел ее под бряцанье своего нелепого инструмента хриплым голосом. Выпущенный на волю, он выражал всю муку изгнанника, заброшенного в холодную чужую страну. Но что это был за голос! Вдруг нелепый дребезжащий звук струны наполнился смыслом, возникла гармония: этот голос, поющий на чужом языке, пробился через все барьеры и начал говорить с нами, с каждым из нас. Это пение нельзя было слушать равнодушно, от него нельзя было отмахнуться: мы точно знали, что чувствовал певец, и в тот момент осознавали себя маленьким, но единым сообществом. Но ведь мы не понимали ни единого слова! Что за сила заключена в голосе, способном выразить то, что волнует всех! Люди зашевелились, выпрямились в креслах, они не отрываясь смотрели на певца, улыбались. Когда он проходил по трамваю, протянув черную фетровую шляпу, пассажиры вытаскивали из карманов и кошельков мелочь и бросали в шляпу, улыбаясь и говоря с ним на немецком диалекте, на котором обычно говорят в Швейцарии, или даже старательно выговаривая слова на настоящем немецком, чтобы он мог понять. Когда двери с шипением открылись около Центрального вокзала, все удивились: мы даже не заметили, как доехали.

Вот тебе и швейцарцы! Смех да и только. Такие замкнутые и такие великодушные...

Потом, когда каждый пассажир дотрагивался, сходя, до какой-нибудь части моего белого трамвая, он становился белым. Не важно, к чему они прикасались: к спинке сидения, к поручням или к чему-нибудь другому, они делались похожими на фигурки из белого фарфора. Но никто на Центральном вокзале не обратил на это никакого внимания.

Когда мы выходили из трамвая, я дотронулся до плеча музыканта. Это было приветствие, а может быть, и эксперимент. Певец только мельком взглянул на меня черными, как обсидиан, глазами, и мне показалось, что яркая цветная нить, которая вызывающе сверкала в его пончо, засияла еще более сочным цветом: небольшие поперечные штрихи всех цветов радуги — алые, шафранные, зеленые, фиолетовые, розовые и небесно-голубые — сверкали на фоне грубой коричневой шерстяной ткани. Не оглядываясь, музыкант направился к Нидердорфу, средневековому району Цюриха.

Я перешел мост, взглянув на белых лебедей, плавающих на серой глади Лиммат. На пронизывающем ветру меня не оставляло возбуждение

от воспоминаний о музыке и об идеальной чистоте нашей квартиры. Я пошел по Банхофштрассе и увидел все снова как будто в первый раз за долгое время и одновременно в последний раз, возможно в самый последний. И от полноты сердца сказал: «О, прекрасный Цюрих, город мой, я тоже один из твоих приёмных сыновей». Я нежно ласкал гранитные блоки флегматичных прекрасных зданий, и они становились белыми, как свадебный пирог, издавая от моего прикосновения пронзительный звук хорошо накинфоленной струны. Когда еще я увижу этот город именно так, как сейчас, с его низким перламутрово-серым небом, по которому стремительно неслись облака, с Альпами, как будто вырезанными из картона, там, где кончается Цюрихское море — Цюрихзее, — я никогда нигде не видел такой крутизны! Я дотронулся до трамвайных путей, и они побежали белым золотом по глазированной улице. Потом побрел по этой белой улице, заглядывая в сверкающие витрины фешенебельных магазинов: украшения, одежда, часы, все начинало сверкать совершенной белизной от одного касания моих белоснежных, словно дымчатые опалы, пальцев.

И так я бродил по узким аллеям средневекового города, дотрагиваясь до каждого здания, до тех пор, пока мне не стало казаться, что я погрузился в неподвижный молочно-содовый мир и каждое мое прикосновение — это прощание. Вы только представьте себе, каково сознавать, что делаешь то, что больше всего любишь, в последний раз! Вот я иду мимо Собора Святого Петра, который уже стал алебастровым, прежде чем я дотронулся до него, мимо стен Фраумюнстер и через реку к Гросс-мюнстер с его слишком пустынными комнатами, похожему на большой пакгауз из белого мрамора. Потом назад, снова через реку, по бумажному мосту. И, взглянув вниз по течению реки, я увидел, что большая часть Цюриха стала белой от моего прикосновения.

Я подошел к озеру на Бюрклиплац, дотронулся до ступеней, и весь красивый маленький парк и доки заблестели, как будто они были вырезаны из мыла. Прекрасная статуя Ганимеда и орла была словно фарфоровая, и мне показалось, что руки Ганимеда обнимают весь мир, стремительный мир серого неба и серой воды, где предметы проносятся мимо так быстро, что их невозможно подержать в руках, нельзя до них дотронуться, завладеть ими. Неужели ничего нельзя удержать! Все эти годы мы были так счастливы, мы здесь бывали, а теперь все это белое, чистое и неподвижное, все, чего я касаюсь, превращается в мрамор. Итак, охваченный восторгом при виде всего, что я вижу в последний раз, я спустился по бетонной дамбе к плещущей воде. Я нагнулся и коснулся ее. Вдруг озеро успокоилось и стало белым, как будто это было не озеро, а огромная бочка белого шоколада, а вдалеке сияли белизной величественные Альпы; над моей головой неслись сверкающие белые облака и блестели, как стекло. Обернувшись, я увидел, что трансформация Цюриха завершилась: передо мной застыл город из снега, белого мрамора, белого шоколада, фарфора, соли, молока и сливок.

Но издали по-прежнему доносились настойчивые звуки натянутой струны.

Брюс Стерлинг Непредставимое⁴

К середине 1990 года международные комментаторы выглядели растерянно. Холодная война пошла на убыль. Советский блок рассекретил свои спутники, и мир заметно потеплел. Иногда появлялось такое ощущение, будто мы все ступили в альтернативную реальность... по крайней мере, до того момента, пока Ирак не вторгся в Кувейт. Рассказ Брюса Стерлинга «Непредставимое» вновь воскрешает то время, когда холодная война уже дала необратимую трещину — в поистине альтернативной реальности, наполненной своими собственными демонами и кошмарами.

Еще со времен переговоров по вопросам стратегического вооружения в начале семидесятых политикой Советов стало проведение переговоров в собственных апартаментах — причиной, как подозревали американцы, был страх перед новой, ранее неизвестной техникой подслушивания.

Избушка Бабы-Яги, где размещалась штаб-квартира д-ра Цыганова, присела на краешке по-швейцарски тщательно подстриженной лужайки. Д-р Элвуд Даути зажал в руке карты и посмотрел в окно избушки. Немного выше подоконника торчало громадное чешуйчатое колено одной из шести гигантских курьих ног — чудовищная узловатая конечность в обхват толщиной. Как раз в этот момент курье колено согнулось, избушка под ними покачнулась, и затем под скрип бревен и шорох соломенной крыши вновь приняла прежнее положение.

Цыганов сбросил карту, взял еще две из колоды и принялся их изучать, пощипывая профессионально неухоженными руками с грязью под ногтями редкую бородку; его голубые глаза хитро поглядывали из-под сальных прядей длинных седеющих волос.

К своему приятному удивлению, Даути удалось собрать полную масть Жезлов. Изящным движением он выдернул из кучки банкнот две десятидолларовые бумажки и обронил их на стол подле себя.

Взглядом, полным славянского фатализма, Цыганов смерил свой истощающийся запас твердой валюты. Затем что-то проворчал, почесался и бросил карты на стол лицом вверх. Смерть. Башня. Двойка, тройка, пятерка Денариев⁵.

— Может, в шахматы? — предложил Цыганов, поднимаясь.

— В другой раз, — отозвался Даути. Хотя, из соображений безопасности, он не добивался официального признания в шахматном мире, фактически Даути достиг совершенства в шахматной стратегии, особенно проявлявшегося под конец игры. Когда-то в знаменитых своей длительностью марафонских переговорах 83-го года они с Цыгановым поразили своих военных коллег турниром, который начался экспромтом, однако продлился почти четыре месяца, в то время как делегация ожидала (и напрасно) какого-либо сдвига в зашедших в тупик переговорах о контроле над вооружениями. Даути не смог переиграть поистине

4 © Bruce Sterling. The Unthinkable. F&SF August 1991.

5 Перечисляются названия карт для игры в Таро.

одаренного Цыганова, но зато ему удалось проникнуть в ход мыслей своего соперника.

Однако, главным образом, Даути испытывал смутное отвращение к хваленным шахматам Цыганова, где вместо черных с белыми сражались красные, как во времена гражданской войны в России. Атакуемые слонами-комиссарами и казаками, маленькие механические пешки издавали слабый, но довольно жуткий мученический писк.

— В другой раз? — пробормотал Цыганов, открывая небольшой шкафчик и вынимая бутылку «Столичной». Внутри холодильника маленький перетрудившийся морозильный демон сердито глянул из своего заточения среди спиралей и злобно выдохнул порцию густого, холодного тумана. — Другого раза может и не оказаться, Элвуд.

— Мне ли не знать. — Даути заметил, что экспортная этикетка на бутылке русской водки была напечатана по-английски. Было время, когда Даути побоялся бы пить у русских. Отрава в бокале. Губительное зелье. Это время уже вспоминалось с удивлением.

— Я имею в виду, что скоро нашей деятельности настанет конец. История продолжается. Все это, — Цыганов взмахнул своей мускулистой рукой так, будто хотел охватить не одну Женеву, а целое человечество, — станет всего лишь историческим эпизодом, не более.

— Я готов к этому, — мужественно заявил Даути. Водка расплескалась по стенкам его рюмки, стекая холодными, маслянистыми струйками. — Мне никогда не нравилась такая жизнь, Иван.

— Неужели?

— Все, что я делал, я делал из чувства долга.

— А, — улыбнулся Цыганов. — И уж, конечно, не ради командировочных?

— Я отправляюсь домой, — сказал Даути. — Навсегда. В окрестностях Форт Уэрта есть одно место, где я собираюсь выращивать скот.

— Обратно в Техас? — казалось, Цыганова это известие развеселило. — Главный теоретик стратегических вооружений становится фермером, Элвуд? Да вы второй римский Цинциннат⁶!

Даути пил водку небольшими глотками, вглядываясь в развешанные по грубым бревенчатым стенам выполненные в духе соцреализма позолоченные иконы. Он подумал о своем собственном офисе, расположенном в подвале Пентагона. Относительно просторном, хотя и низковатом, по подвальным стандартам. Уютно обитом коврами. Отстоящем всего на несколько ярдов от могущественнейших в мире центров военной власти. Совсем рядом министр Обороны. Объединенный комитет начальников штабов. Министры Сухопутных войск, ВМС и ВВС. Начальник Оборонных исследований и Некромантии. Лагуна, Потомак, Мемориал Джефферсона. Вспомнил розовый отблеск рассвета на куполе Капитолия после бессонной ночи. Будет ли ему не доставать всего этого? Нет.

— Вашингтон — неподходящее место для воспитания ребенка.

— А-а. — Цыганов приподнял брови. — Я слышал, вы наконец женились. — Конечно же, он читал досье Даути. — А ваш ребенок, Элвуд, с ним все в порядке, он крепок и здоров?

6 Цинциннат — римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор (458 и 459). Согласно преданию, был образцом скромности и верности гражданскому долгу.

Даути ничего не ответил. Было бы трудно скрыть нотки гордости в голосе. Вместо этого он открыл бумажник из кожи василиска и показал русскому портрет своей жены с новорожденным сыном. Цыганов откинул с глаз волосы и рассмотрел фотографию повнимательнее.

— А, — сказал он. — Мальчик очень похож на вас.

— Возможно, — ответил Даути.

— У вашей жены, — вежливо заметил Цыганов, — очень привлекательная внешность.

— В девичестве Джэйн Сейджел. Служащая Сенатского Комитета по международным отношениям.

— Понимаю. Оборонная интеллигенция?

— Она опубликовала книгу «Корея и теория ограниченной войны». Считается одной из первых работ по данной проблематике.

— Должно быть, она станет замечательной мамочкой. — Цыганов залпом выпил свою водку, жадно закусил коркой черного хлеба. — Мой сын уже совсем взрослый. Пишет для «Литературной газеты». Вы видели его статью по вопросу иракского вооружения? О кое-каких недавних очень серьезных разработках, касающихся исламских демонов.

— Я бы непременно ее прочел, — ответил Даути. — Но я выхожу из игры, Иван. К тому же, дела плохи. — Холодная водка ударила ему в голову. Он коротко рассмеялся. — Они собираются прикрыть нас в Штатах. Отобрать средства. Обчистить до костей. «Мир поделен». Мы все сгинем. Как Макартур⁷. Как Роберт Оппенгеймер⁸.

— «Я есмь Смерть, Разрушитель миров», — процитировал Цыганов.

— Да-а, — Даути задумался. — Бедняга Оппи плохо кончил, после того как заделался Смертью.

Цыганов сосредоточился на своих ногтях.

— Думаете, будут чистки?

— Прошу прощенья?

— Я слышал, граждане штата Юта подали в суд на ваше федеральное правительство. По поводу испытаний, которые проводились сорок лет назад...

— А, — перебил его Даути, — вы имеете в виду тех двухголовых овец... На старых полигонах еще до сих пор стелются ночные тени и раздаются стоны банши. Где-то в Скалистых горах... Неподходящее место для прогулок в полнолуние. — Он содрогнулся. — Но «чистки»? Нет. У нас действуют другими методами.

— Вы бы посмотрели на овец неподалеку от Чернобыля.

— «Полюнь горькая», — в свою очередь, процитировал Даут.

— Ни один «акт долга» не остается без воздаяния, — Цыганов открыл консервы с какой-то черной рыбой, пахнувшей наподобие пряной копченой сельди. — А как насчет Непредставимого? Какую цену пришлось заплатить в этом случае?

Голос Даути прозвучал ровно, без тени иронии.

7 Макартур, Дуглас (1880-1964) — американский генерал армии. Участник Второй мировой войны, командовал оккупационными войсками в Японии, руководил операциями американских вооруженных сил в Корее.

8 Оппенгеймер, Роберт (1904-67) — американский физик. Руководил созданием американской атомной бомбы. Противник создания водородной бомбы В 1953 обвинен в «нелояльности» и лишен допуска к секретным сведениям.

— Мы готовы нести любое бремя, сражаясь во имя свободы.

— А вот это, возможно, не лучшее в ряду ваших американских ценностей. — Трезубой вилкой Цыганов выудил из банки ломтик рыбы. — Осмелиться вступить в контакт с совершенно чуждым порождением бездны между мирами... Сверхдемоническим полубогом, сама пространственная структура которого противоречит всякому здравому смыслу... Этим Созданием безымянных времен и непостижимых измерений... — Цыганов промокнул губы и бороду салфеткой. — Этим ужасным Сиянием, бурлящим и бесчинствующим в самом центре бесконечности.

— Вы слишком сентиментальны, — возразил Даути, — мы должны вспомнить те исторические обстоятельства, в которых было принято решение создать Бомбу Азатот. Японских великанов Маджина и Годжиру, крушивших Азию. Бескрайние эскадроны нацистских Джаггернаутов⁹, громивших Европу... А также их подводных левиафанов, охотившихся за морскими судами...

— Вы когда-нибудь видели современного левиафана, Элвуд?

— Да, одного... когда он кормился. На базе в Сан-Диего. — Даути помнил его с ужасающей отчетливостью — огромное водное чудовище с плавниками; в поросших морскими желудями углублениях на его бочкообразной брюхе дремали отвратительные тощие духи с крыльями летучей мыши.

А по команде из Вашингтона пробудились бы низшие демоны, вырвались из чрева, взметнулись в небо и понеслись бы с ураганной скоростью и неумолимой точностью к указанным целям. В своих когтях они сжимали бы заклятия под тремя печатями, способные на несколько ужасных микросекунд распахнуть ворота между вселенными. И тогда в мгновение ока хлынуло бы Сияние Азатота. И на что бы оно ни пало, где бы ни коснулся его луч земного вещества, повсюду Земля начала бы корчиться в непредставимых муках. И сама пыль от взрыва покрыла бы все неземным налетом.

— Вы присутствовали при испытаниях той бомбы, Элвуд?

— Только при подземных. Воздушные испытания проводились задолго до меня...

— А как насчет отходов, Элвуд? Из-под стен десятков ядерных станций.

— С ними мы разберемся. Запустим их в космическую бездну, если нужно будет. — Даути с трудом скрывал свое раздражение. — К чему вы клоните?

— Трудно оставаться спокойным, друг мой. Я боюсь, что мы зашли чересчур далеко. Мы с вами были ответственными людьми. В своих трудах мы следовали распоряжениям осознающего ответственность руководства. Прошло пятьдесят долгих лет, и ни разу Непредставимое не сорвалось с цепи по безрассудству. Мы потревожили Вечность ради своих преходящих целей. Но что наши жалкие пятьдесят лет перед вечностью Старших Богов? Мы думаем, что теперь нам удастся отказаться от неразумного применения этого ужасного знания. Но очистимся ли мы когда-нибудь?

— Это задача следующего поколения. Сделав все, что в моих силах,

⁹ Джаггернаут — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну.

силах смертного, я смирился.

— Не думаю, чтобы это можно было просто так взять и бросить. Слишком близко мы подошли. Мы прожили слишком долго в его тени, и оно затронуло наши души.

— Мой долг исполнен, — настаивал Даути, — до конца. Я устал от бремени. Устал от попыток осмыслить происходящее, представить грядущие кошмары, постоянно бороться со страхом и искушением, превосходящими пределы представимого. Я заработал свой отдых, Иван. И у меня есть право на человеческую жизнь.

— Непредставимое коснулось вас. Ведь от этого вы не сможете отмахнуться?

— Я профессионал, — ответил Даути. — Я всегда предпринимал необходимые меры предосторожности. Меня осматривали лучшие военные доктора-заклинатели духов... Я чист.

— Разве это можно знать наверняка?

— Они лучшие из наших специалистов; я верю в их заключение... Если я снова обнаружу тень в своей жизни, то отброшу ее прочь. Отсеку. Поверьте мне, я знаю вкус и запах Непредставимого — он больше никогда не найдет места в моей жизни...

Из правого кармана брюк Даути раздался мелодичный перезвон. Цыганов прищурился, затем продолжил:

— А что если оно обнаружится совсем рядом с вами?

Карман Даути снова зазвенел. Американец рассеянно встал.

— Вы знаете меня много лет, Иван, — проговорил он, опуская руку в карман. — Конечно, мы смертны, но мы всегда были готовы предпринять необходимые меры. Всегда. Неважно, какой ценой.

Даут извлек из кармана большей шелковый квадрат с изображением пентаграммы и размашистым жестом расстелил его перед собой.

Цыганов был поражен.

— Что это?

— Портативный телефон, — ответил Даути. — Модная безделушка... Я теперь постоянно ношу его с собой.

Цыганов возмутился.

— Вы принесли телефон ко мне в дом?

— Черт, — воскликнул Даути с неподдельным раскаяньем. — Простите меня, Иван. Я действительно забыл, что у меня с собой эта штука. Послушайте, я не стану отвечать отсюда. Выйду наружу. — Он открыл дверь, спустился по деревянной лестнице на траву, залитую швейцарским солнцем.

Позади него избушка Цыганова поднялась на своих чудовищных курьих ногах и важно удалилась, раскачиваясь, — как показалось Даути, с чувством оскорбленного достоинства. В отдаляющемся окне он увидел, что Цыганов украдкой подглядывает, не в силах подавить свое любопытство. Портативные телефоны. Еще одно достижение изобретательного Запада.

Даути разгладил звенящий шелк на железном столике посреди лужайки и пробормотал Заклинание. Над вытканной пентаграммой поднялось искрящееся изображение его жены по грудь.

С первого взгляда он тотчас догадался, что новости плохи.

— В чем дело, Джейн?

— Наш Томми, — произнесла она.

— Что случилось?

— О, — бодро отрапортовала она, — ничего. Ничего заметного. Но лабораторные исследования дали положительный результат. Заклинатели — они говорят, он помечен.

В одно мгновение самые фундаментальные основы жизни Даути беззвучно раскололись и разошлись.

— Помечен — повторил он опустошенно. — Да... я слышу тебя, дорогая...

— Они пришли в дом и осмотрели его. Они говорят, что он чудовище. На этот раз его охватила злоба.

— Чудовище. Откуда им знать? Это всего лишь четырехмесячный ребенок! Как, черт побери, они могут установить, что он чудовище? Что они вообще, черт подери, знают? Эта шайка зашоренных докторов-чернокнижников...

Теперь его жена открыто рыдала.

— Знаешь, Элвуд, что они порекомендовали... чтобы мы сделали?

— Но мы же ведь не можем взять... и бросить его, — с трудом выговорил Даути. — Он наш сын.

Тут он остановился, перевел дыхание и посмотрел вокруг. Аккуратно подстриженные лужайки, солнце, деревья. Весь мир. Будущее. Мимо пролетела птичка.

— погоди, давай подумаем, — сказал он. — Давай все хорошо обдумаем. Вообще, насколько он чудовищен?

Иэн Уотсон Янтарная комната¹⁰

И видел я, как она падает с неба.

Отказавший дельтаплан начал вращаться как кленовое семечко. Затем крыло резко изогнулось вверх и ринулось к земле. В этот момент она должна была дернуть за ручку парашюта. Парашют не отделялся от подвесной системы. Оранжевый нейлон раскрылся, но не оторвался.

Янтаринка падала. Так я любовно называл Изабеллу из-за бронзового цвета кожи и бусинок сосков ее груди. И вот она, беспомощно кувыряясь, несется к земле.

Позднее я рыдал по ней, как плакали сестры Фаэтона по своему брату, после того как он был низринут, безумный, с неба за то, что взялся вести солнечную колесницу. Но мои слезы — только соленая вода. Они не застыли и не превратились в янтарь. Еще нет.

Мне, наверное, было лет одиннадцать, когда я начал мечтать о полетах. В своих грезах я взмывал над спелыми хлебами. Крыло гладкое, перьев не видно. Я не был птицей.

В небе моей мечты солнце являло собой золотой шар — богатое теплое душистое светило, квинтэссенция плодородия. Я верил, что определил истинную субстанцию солнца, когда моя бабушка Энни показала мне большую бусину из янтаря.

Поля подо мной были разрисованы узорами, напоминавшими руны или астрологические знаки. Я часто не мог вспомнить, начали ли тогда

появляться так называемые «ведьмины круги» на настоящих полях. Память не похожа на лист, навечно замурованный в янтарь. Мы помним не прошедшее событие само по себе, а скорее нашу память о нем. Потом мы вспоминаем память памяти. Так наш разум постоянно видоизменяется. По существу, воспоминания — это вымысел. Каждый раз, когда мы предполагаем, что вспоминаем, эти выдумки перерабатываются в нашем сознании и мы становимся в них либо героями, либо жертвами.

К тому времени, когда начались мои сновидения, ведьмины круги уже, вполне вероятно, ложились на пшеничные поля за ночь. Может быть, это происходило в течение столетий, и не было никакого предвидения необыкновенного явления во сне. Позднее эти круги стали сенсацией на страницах газет.

Каких только диких историй не печаталось! Предполагали, что узоры служили таинственными средствами связи со стороны инопланетян! Или что на полях отпечатывались архетипические образы, посылаемые общим планетарным разумом...

Даже своим незрелым умом я понимал, что предположения такого сорта являются ненормальными. Несомненно, эти завихрения на полях совершались ветром, вдруг ставшим видимым. Вихри, спирали, турбулентия. Разве не ветер расчесывает колосья пшеницы, нежно или грубо? Весь воздух мира был сродни коже — гибкой, непрерывно перекачивающейся, покрывающейся испариной или трепещущей. Воздух — огромный жизненный орган, хотя и неразумный.

Разве с такого сонного неба можно упасть? Зачем кидаться с него на землю и умирать?

Курсы дельтапланеризма я прошел с большим увлечением. Вскоре получил специальность техника в области аэродинамики. Страсть перешла в профессию. С Максом Палмером, моим партнером, я создал компанию по конструированию новых дельтапланов высоких характеристик: летательный аппарат с широким размахом крыла, с большим количеством стрингеров для выдвижения профиля задних кромок крыла (так это называется, говоря специальным техническим языком).

Фирма «Максберн Эйрфойлз», первое слово названия которой состоит из имени Макса и моей фамилии, предлагает обучение феноменальному искусству полета на грани реальности. Макс Палмер и Питер Берн — два аса. Финансовая поддержка семьи Макса дала нам возможность начать дело. Поэтому его имя предшествовало моему. Компания оперялась и набирала высоту. Мы даже выполняли некоторые консультативные обязанности по проектированию для НАСА — мёд на хлеб с маслом нашего регулярного производства. Обычно я носил на шее кулон бабушки Энни вместо галстука.

Тогда и речи не могло идти о падении.

Пока я не пал жертвой любви к Изабелле Макса. Пока Изабелла, моя Янтаринка, не упала с небес.

Цель дельтапланериста — видеть невидимое. Он или она наблюдает за ветром. Для этого сначала нужно подбросить пучок сухой травы, кинуть горсть песка, наблюдать за трепетом ленты, за волнением вершин деревьев, за движением дыма и облаков. Со временем у некоторых из нас зарождается как бы дополнительное чувство.

В детстве предчувствие этой способности подсказало мне слова ветра, изображенные на полях. Яркая способность восприятия, возникавшая после ужасной смерти Изабеллы, позвала меня в Калининград на побережье Балтийского моря на поиски потерянной Янтарной комнаты — комнаты моей Янтаринки. Я начал мечтать о том, чтобы отыскать эту комнату вместе с моей утерянной любовью.

Целая комната из янтаря!

Помню сказку бабушки Энни. Главным светилом моих видений был шар из медленно горящего без дыма янтаря, так сильно я был увлечен. Я придумывал множество смелых мальчишеских подвигов на пути к этой комнате. Но только после смерти Изабеллы начал видеть сны, в которых находил сокровище с воздуха. Комната затмила всякие «ведьмины круги», место полей в снах заняли горы.

Моя немецкая бабушка умерла пять лет назад, но вскоре мне удалось отыскать множество деталей той легендарной истории.

Янтарную комнату начали создавать в 1702 году в Дании. Волокиты хватало, но в 1713 году Янтарная комната появилась на выставке в Берлине, возможно, ради славы, либо в связи с посещением Фредерика Петром Великим. Восторженный царь был так очарован, что Фредерику ничего не оставалось, кроме как подарить Петру комнату с полным набором вещей.

В Зимний дворец Санкт-Петербурга потянулись санные повозки с упакованными настенными панелями, цоколями, точеными уголками, украшениями, розетками и прочим.

В 1755 году императрица Елизавета перевезла комнату в Летний дворец в Царском селе. Нанесенные в 1763 году последние штрихи позволили достигнуть вершины великолепия — комната стала новым чудом света. Посетители ахали от восторга, входя в чудесный мир фантазии.

Изготовленная человеческими руками, эта комната воистину была не похожа ни на что. Такая золотая светоносность! Такие мозаичные контрасты желтого и медово-коричневого, цвета жженого сахара и ярко-красного. Такое богатство резной работы римские пейзажи, аллегорично изображающие человеческие чувства, цветы и гирлянды, мелкие фигурки (как бы с птичьего полета) и деревья. Такие зеркала, люстры, источающие сияние янтаря. Изумительный паркетный пол. Восхитительный плафон с аллегорией.

В 1941 году, восемь лет спустя после того, как родители бабушки Энни бежали с ней вместе из Германии, нацистская армия готовилась к осаде Ленинграда. Сокровища искусства эвакуировали в хранилища на Урале. Но немцы успели ограбить Летний дворец. Они демонтировали Янтарную комнату и переправили ее в Кенигсбергский замок. Там она была вновь собрана под наблюдением директора Прусского музея изобразительных искусств, некоего доктора Альфреда Роде. (Музей находился в семистах километрах к западу от Ганновера, откуда родители бабушки Энни эмигрировали в Англию).

В течение пары лет награбленные сокровища текли в Кенигсбергский замок, заполнив все его подвалы до потолка. Но тут посыпались английские бомбы. Вновь разобрannую комнату вывезли в сопровождении Роде. Кенигсберг был превращен в руины, захвачен советскими войсками,

а вскоре стал Калининградом, областным городом по административному делению России, но отдалённым от нее тремя прибалтийскими республиками.

Станным образом доктор Роде вернулся на свой пост. Он по своей воле стал сотрудничать с советской военной администрацией, однако отрицал какую-либо осведомленность о местонахождении янтарного чуда цвета. Вскоре после возвращения доктор Роде и его жена внезапно умерли. В свидетельствах о смерти указывалась причина — дизентерия. Документы были подписаны доктором Паулем Эрдманом, но при расследовании КГБ не нашел врача под этой фамилией.

Возможно, демонтированная Янтарная комната оказалась на дне Балтийского моря, примерно в двадцати морских милях от немецкого берега на судне, торпедированном советской подводной лодкой.

К тому же существует такая вещь, как дезинформация. Нацисты фетишизировали горы, как последнюю цитадель, Орлиное гнездо. Не самое ли это подходящее место, куда можно запрятать Янтарную комнату — горы, где самолет не может легко маневрировать и где не пройдут танки? Сны укрепляли во мне уверенность, что это действительно так, и что это место можно обнаружить только с воздуха, с птичьего полета, витая над горами подобно Богу. Думая, как отыскать пропавшую комнату, я опять становился восторженным мальчиком.

Таким образом, может, удастся изгнать смерть Изабеллы. Естественно, я не говорил с Максом об этом способе пересилить трагедию. Он по-своему преодолевал горе. Макс погружался в конструирование, особенно теперь, когда крыло отказало в полете, что привело к смерти Изабеллы. Я был абсолютно уверен, что его поиски причины напрасны. Он хуже моего чувствовал планер. Я всегда чуть опережал его в восприятии. Теперь же нужно достичь большего — добратся из Англии до бывшей Восточной Пруссии.

Мне просто необходимо было посетить последнее место, где видели Янтарную комнату. Я обязательно должен встретить там какого-нибудь любителя янтаря, знающего больше, чем можно узнать в Англии. Недалеко от Калининграда находился приморский городок Янтарный. Это источник девяноста процентов мировых поставок янтаря в настоящее время. Если потерять янтарь, он вырабатывает заряд статического электричества. Калининград притягивал меня как магнит.

Я сказал Максиму, что собираюсь в Германию навестить родственников моей бабушки и изучить возможность экспортирования дельтапланов. Его не удалось бы провести разговорами о перспективе торговли на этих болотистых прибалтийских равнинах, покрытых многочисленными озерами, где экономика так ненадежна! Благодаря бабушке Энни я свободно говорил по-немецки. Если бы в Калининграде не стали понимать по-английски, попробую перейти на немецкий. Конечно, после Второй мировой войны большинство немецкого населения Калининградской области либо погибло, либо было выслано в Сибирь, но после распада Советского Союза Калининград стал свободным портом, для будущего процветания которого могла быть полезной связь с ближайшей страной — Германией.

На «Рейнджровере» с притороченным на багажнике сверху дельтапланом я проехал Германию, затем Польшу. В Варшаве я вынужден был поставить в гараж свою технику. Свободный порт или нет, военные

Калининградской области были весьма чувствительны ко всему, поскольку она являлась самым западным оплотом России. Польская граница была закрыта для обычного гражданского дорожного движения, а я вряд ли желал соперничать с Маттиасом Рустом, или как там его, и стремиться пролететь на дельтаплане в эту зону.

О, эти прибалтийские равнины! Ближайшие горы Карпаты. Порядочный путь на юг, прогулка в тысячу километров от Польши через Словакию до Румынии. Янтарная комната должна быть где-то в Карпатах. Но без путеводной нити даже у человека с особым восприятием может уйти лет десять на поиски в этих горах с воздуха.

Я положил на это две недели. Длительное отсутствие было бы равнозначно предательству по отношению к Максусу, а также и к фирме «Максберн Эйрфоилз».

Я видел, как моя Янтаринка падала с неба.

В Калининград я полетел из Варшавы недавно открытым прямым маршрутом, и на пути через границу произошел эпизод, оказавшийся поворотным.

За столом сидели молодой румяный офицер и его старший коллега с болезненным лицом, широкие скулы и узкий разрез глаз которого выдавали татарских предков...

Надо сказать, что я решил взять туристскую визу, что означает необходимость заказать дорогой номер в гостинице с предварительной оплатой. Лондонский «Интурист» пытался поместить меня в так называемый «плавающий дворец» на реке в центре города Пара судов для морских путешествий постоянно стояла на якоре и использовалась как современные роскошные отели. Месяц май считался прекрасным временем для пребывания в одном из них.

Я не хотел, однако, чтобы любой мой приход и уход отслеживался. И причем тут месяц май? Дальнейшие расспросы служащей «Интуриста», бывавшей в Калининграде, обнаружили, что в мае погода не особенно жаркая, поэтому я мог держать иллюминатор в своей каюте закрытым. Видимо, река еще и припахивала. Я все же выбрал гостиницу на суше в нескольких километрах от центра города. Меня заверили, что «Балтика» очень популярна у туристских компаний.

Молодой иммиграционный офицер хотел знать, сколько у меня с собой денег. Как-то по-американски звучал такой вопрос в городе, где теперь законна любая валюта. Несмотря на предварительную оплату гостиницы, он осведомился далее, достаточно ли у меня денег на время проживания. Достаточно, более чем. Много больше.

Он обратил внимание на мой янтарный кулон.

— Вы приехали сюда покупать ювелирные изделия? — допрашивал он. — В вашем паспорте говорится, что вы инженер.

Мы разговаривали по-немецки. Пожилой мужчина перебил нас, заметив, что я очень свободно владею немецким, тогда как паспорт у меня английский.

— Моя Grossmutter¹¹ родом из Германии, — объяснил я.

— Из так называемой Северо-восточной Пруссии, герр Берн?

11 Grossmutter — бабушка (нем).

Не слышалась ли мне нотка предубеждения? Северо-восточной Пруссией немцы по-прежнему называют Калининградскую область.

— Нет, она из Ганновера. Она эмигрировала после прихода нацистов к власти в тридцать четвертом. Она ненавидела фашистов.

Тут мужчина улыбнулся.

— Инженер здесь собирается скупать драгоценности? — вёл свое младший офицер. Что он прицепился? Янтарь — не золото и не рубины И кто его будет провозить контрабандой? Как мне известно, западный рынок перенасыщен янтарем После распада сверхдержавы новоявленные русские рок-группы приезжают с рюкзаками, набитыми всякой янтарной мелочью для оплаты проезда. Может быть, остальные пассажиры, в основном поляки, не так им кажутся интересны, как я? Или это пережитки былого недружелюбия?

— Меня привлекает история Янтарной комнаты, — сказал я. Довольно безобидное признание и, безусловно, правдивое.

Взгляд молодого человека ничего не выражал.

— Янтарная комната?

Конечно, попадают лондонцы, не имеющие представления, где хранятся драгоценности королевского двора... Другой офицер быстро заговорил по-русски, информируя своего коллегу.

Чтобы оправиться от досады, молодой офицер спросил, в какой области я инженер, и, услышав, что моя специальность — дельтапланеризм, пожилой так резко протянул руку за паспортом и подтверждением из гостиницы, что смахнул остальные документы со стола. Я бы поднял их сам, но он успел опередить меня. Когда он поднялся, лацкан его мундира отвернулся, и я увидел значок, пристегнутый с внутренней стороны, чтобы его не было видно. На круглом значке, размером с мелкую монету, был изображен двуглавый орел. Старый имперский орел, эмблема царей... Он, наверное, националист типа наших оторванных от жизни, чудаковатых роялистов. Каких только странных существ не выползло из щелей, когда развалился Советский Союз.

Я был раздражен задержкой. Но внезапно на меня *накатило* чувство — точь-в-точь как во сне — меня неудержимо влекло куда-то, просто распирало. И я выпалил:

— Может быть, дельтапланеристу выпадет найти потерянную Янтарную комнату, где бы она ни была! — Затем смущенно рассмеялся.

По существу, молодой офицер старался мне помочь. Если у меня с собой много денег, будет разумно нанять шофера, переводчика, сопровождающего, надежного, выдержанного человека из частной компании по обеспечению безопасности. По сравнению с Москвой или Санкт-Петербургом, славившимися преступностью, Калининград относительно спокойный город. Пусть так! Осторожность не помешает. Он протянул маленькую отпечатанную карточку с адресом и номером телефона на обороте.

— Вот моя фамилия. Скажете, что я рекомендовал вас.

Не следует сомневаться в сумме вознаграждения, которую мне следовало заплатить...

Пожилой офицер не захотел дать мне свою карточку. Он ужасно раскричался по-русски. Может быть, наш разговор показался ему оскорбительным для страны. Думаю, он отобрал бы и карточку молодого, если бы это было в его власти.

Так и случилось, что я нанял Павла помощником и гидом по Калининграду.

Парень очень походил на меня, но это получилось чисто случайно. Мы оба были среднего роста, широки в кости. Оба одарены веснушками, кудрявыми рыжеватыми волосами и светло-голубыми глазами. Среди предков Павла наверняка был какой-то викинг. Он мог бы сойти за моего двойника, если бы сменил свою дешевую кожаную куртку на более модный анорак и надел янтарную подвеску. Он имел зарегистрированное огнестрельное оружие и являл собой самую осмотрительность относительно моего дела. Может быть, его снабдили брошюрой на тему «Как быть инструктором». Правило первое: сохраняйте спокойную внешность. На первый взгляд казалось, что он просто заботился о туристе, проявлявшем особый интерес к янтарю.

На следующий день он забрал меня из «Балтики» и посадил в темно-зеленый, выдавший виды «Мерседес». Кузов машины, пожалуй, некогда был зеленого цвета, но уж ее выхлопные газы теперь не пропустил бы ни один «зеленый». Собственно, виной тут был местный бензин. Улицы этого скучного города, выросшего из руин величественного старого Кенигсберга, заполнял смог. Река текла черная и мрачная, как старое машинное масло. Лишенные растительности пустыри перемежались удивительно уродливыми шедеврами советской архитектуры. От древнего кафедрального собора остался лишь каркас, хотя наличие лесов намекало на вероятность реставрации. Замок, где доктор Роде хранил Янтарную комнату, тоже стоял в руинах, пока не был взорван с целью прокладки дороги к Дому Советов, который, как заметил Павел, был слишком некрасив, чтобы кому-нибудь пришло в голову закончить его строительство.

Павел обратил внимание на одно здание розового цвета рядом с Северным вокзалом, где находилось Главное управление КГБ. Так вот где он работал до того, как занялся частной практикой. Думаю, что это признание должно было как бы реабилитировать его в моих глазах, подтвердить, что он не является осведомителем в настоящее время.

Мы посетили Музей янтаря, размещенный в красной кирпичной башне — одном из немногих уцелевших после войны бастионов города. По-моему, это был посредственный музей, выставивший слишком много современных ювелирных изделий. С помощью Павла я расспросил директора музея, унылую леди, не говорившую по-немецки, о Янтарной комнате.

Она верила в историю о подводной лодке.

Я спросил ее о смерти Роде. По этому вопросу у нее не было никакого мнения. Тогда я заметил, что расследую эту историю для сенсационной книги, которую уже давно жажду написать в память о моей немецкой бабушке. На эту легенду меня навел случай в аэропорту. Таким образом во весь голос я заявлю о своем стремлении, но под маской вымысла. Моя цель — написать историю о дельтапланеристе, разыскивавшем и нашедшем в горах запрятанную нацистами Янтарную комнату. Я заверил директрису, что мне интересна любая гипотеза, самая фантастическая.

Но фантастика не была ее коньком.

— Герр Берн, — выговаривала мне она через посредство Павла, — вы не заметили шторы на всех окнах? Вы не видели, какие толстые стекла на витринах? Солнечный свет разлагает янтарь в сравнительно короткий

срок. Янтарь имеет химический состав битума. Воздух окисляет его и делает таким ломким, что он может рассыпаться в пыль. Вы говорите о Янтарной комнате, находящейся где-то на открытом месте, полностью собранной, подвергаемой действию ветра и солнца. Какая чушь.

Но комната должна быть на открытом воздухе, под ясным небом, а не упакована в коробки где-то в пещере! Паркетный пол, великолепные стенные панели, плафон с аллегорией и люстрами — все должно быть соединено воедино, должно излучать и отражать золотой свет. Иначе она не могла бы сочетаться с моей мечтой. Как бы могла тогда Янтаринка дожидаться в этой комнате?

— *Абсолютная глупость.*

Мое интервью с директрисой закончилось.

Мы с Павлом направились в магазин янтарных ювелирных изделий на Ленинском проспекте, затем в другой — на проспекте Мира. Несмотря на близкое соседство Янтарного — столицы янтаря, — ничего достойного внимания на витринах магазинов заметить не удалось. Владелец первого магазина замкнулся, когда понял, что меня не интересуют никакие покупки, и он тратит свое драгоценное время, отвечая на странные вопросы. Управляющий второго потребовал записать его точный адрес в мою будущую книгу, которая, по его мнению, должна повествовать о попытке поднять затонувший торпедированный корабль — наподобие подъёма «Титаника», причём в качестве действующих лиц я обязательно должен ввести неонацистских заговорщиков. Он настаивал чтобы я посетил бункер-музей, расположенный рядом с университетом. По его словам, этот бункер был командным постом рейха Гитлера до того, как Красная Армия ворвалась в опустевший город. Часть его осталась совсем нетронутой, так как в нем была подписана капитуляция. Там такие призраки, герр Берн, такие отголоски прошлого. Прекрасная атмосфера для бестселлера.

Не полезу я в этот чертов бункер, но Янтарный — да, я поеду туда на следующий же день. У источника янтаря, может быть, обнаружится какой-нибудь интересный намек. Опять в машине, в нашем загазованном коконе, Павел объяснил, что посещение Янтарного — это несколько щепетильное дело.

— Видите ли, иностранцы могут купить билет на поезд в Янтарный, только если у них есть специальный документ.

У меня замерло сердце.

— Это закрытая зона?

— Нет, — заметил Павел, — просто в Балтийске, находящемся неподалеку от него на побережье, была большая морская база. Балтийск был запретной зоной, хотя теперь организуются посещения с целью осмотра достопримечательностей. В коммерческих целях Янтарный был отчасти вне пределов досягаемости для независимых путешественников.

— *Отчасти* вне пределов, — подчеркнул Павел. — Я могу отвезти вас туда, но лучше было бы присоединиться к группе туристов.

Он может устроить это. Может сопровождать меня. Но в любом случае, в Янтарном будет невозможно посетить выработки на берегу. Они уж полностью вне пределов. Я смогу только взглянуть на тянущийся через город трубопровод, по которому добытый янтарь вместе с землей перекачивался для последующей промывки.

Проклятье! Разве я собирался выведывать на выработках коммерческие тайны?

В Янтарном я так и не побывал. Вернувшись в «Балтику», к своему удивлению, обнаружил записку с просьбой позвонить по такому-то номеру.

Не хочет ли владелец янтарного магазина сделать новое предложение для моей книги о затонувшем сокровище? Или директриса музея, сменив гнев на милость, захотела поговорить со мной?

Ничего подобного. Оказалось, это старший иммиграционный офицер, знавший о моем местопребывании. Он спрашивал, не поужинаю ли я с ним и несколькими его друзьями в ресторане на Ленинском проспекте? Они хотят побеседовать на интересующую меня тему. Ну, конечно. Не последовал ли я совету его молодого коллеги относительно гида? Конечно. В этом случае мой помощник может остаться в автомобиле. Разговор будет конфиденциальный.

В ресторане было очень шумно из-за постоянно звучащей громкой танцевальной музыки. Такое развлечение делает абсолютно невозможным всякое подслушивание. Я сидел с Рыловым, иммиграционным офицером, Антоновым, офицером помоложе и безмянным джентльменом за нашим столом, уставленным кружками немецкого пива и тарелками с цыплятами табака, почти нос к носу.

Антонов отличался завидным здоровьем. Грудь обхватом сто пятьдесят сантиметров, а талия — сто десять, в подходящем его внешности костюме, красновато-коричневого цвета, помятом, но хорошо сшитом. Татарская кровь — и тонкая слащавая любезность. Скорее всего, он принадлежал к калининградской мафии. Сначала я подумал, что он был здесь в качестве силы, телохранителя для человека без имени. На самом деле Антонов хорошо говорил по-английски и был равноправным участником разговора, как и загадочный джентльмен или Рылов. Этот мистер Загадка был в возрасте, на седьмом десятке, быстрый, с коротко стриженными, посеребренными сединой волосами и тонкими чертами лица. Его очки с толстыми линзами придавали ему вид аристократа-следователя, хотя допрос он предоставил вести Антонову. Казалось, что мистер Загадка понимал и по-немецки, и по-английски, но разговаривал только по-русски. Во время нашей встречи он выкурил с дюжину пахучих сигарет, состоявших в основном из картонной трубки.

— Итак, вы верите, что дельтапланерист может найти потерянную комнату? — спросил Антонов.

— Где-нибудь в Карпатах, — ответил я. Мистер Загадка пососал сигарету, затем резко произнес что-то по-русски.

Собственная легенда несла меня, неудержимо. Я собирал материал для сенсационной книги.

Антонов смерил меня взглядом:

— И комната окажется незащищенной, в открытом месте? Ее ничто не будет поддерживать?

Грезы переполняли меня:

— Да, так должно быть. Так будет. Как еще может летчик сверху увидеть ее?

— О, — произнес Антонов. — А вы летчик?

— Я действительно летаю, это правда.

Его следующее замечание поразило меня:

— Может быть, требуется особое восприятие, чтобы обнаружить

комнату.

Тут у меня, верно, челюсть отвисла.

Рылов сказал на плохом английском:

— Вы не пишете вправду роман. Писать роман — ложь. Вы хотите найти комнату. — Танцевальная музыка гремела вокруг, изолируя нас в своем безумии. — Почему вы хотите найти комнату, герр Берн? Вас влекут сокровища?

— Нет!

Потому что Янтаринка упала с неба. Потому что она манила меня из золотой светелки. Я потрогал свой талисман.

— Это личное дело, — заметил я. — Предмет чувств. — Я колебался, прежде чем признаться. — Я мечтаю. Я мечтаю её отыскать.

— С помощью магии, — сказал Антонов. Я подумал, что он насмеяется надо мной. Но в следующий момент он начал рассуждать о Третьем рейхе и об экстрасенсах.

На какой-то момент я вообразил, что он может предложить новый сюжет для моего фантастического романа. Теперь, когда коммунизм и государственный атеизм развалились, не берет ли оккультизм верх в России?

Поощряемый кивками со стороны мистера Загадки, Антонов объяснил:

— Нацисты преследовали большинство оккультистов, мистер Берн, однако некоторых они баловали...

По-видимому, германский военно-морской флот финансировал большую научную экспедицию на Балтику в надежде определить с помощью радара место входа внутрь полости земли. Бесславный провал этого безрассудного проекта не остановил работников Военно-морского научно-исследовательского института в Берлине от расточения лучших вин и сигар экстрасенсам, пока прорицатели раскачивали свои маятники над картами Атлантики — чтобы объяснить растущие потери немецких подводных лодок. И кто знал, сколько было вложено средств в экспедицию экстрасенсов на Тибет?

Дело в том, что у Антонова и его товарищей было на руках свидетельство о ритуале, проводившемся внутри Янтарной комнаты в Кенигсбергском замке под надзором Альфреда Роде и высокопоставленного нациста с целью сокрытия местонахождения комнаты в будущем. Неземное сокровище должно быть, конечно, спрятано в горах — тут я был прав, — но в некоем сокрытом от обычных людских глаз месте до тех пор, пока человек, обладающий особым даром, не сможет обнаружить ее.

— Мистер Берн, фамилия доктора, отравившего Роде и его жену, — Эрдман, что означает «человек земли» в противоположность оккультному миру духов. — Антонов даже взмок от напряжения. — А также в противоположность небу?

— Почему? — спросил я. — Разве немцы так старались спрятать комнату?

— *Почему?* — возмущенный тон молодого человека говорил о том, что тут и сомнений никаких не может быть. Мистер Загадка взялся за лацкан своего пиджака. Я уловил отблеск двуглавого орла на значке. Это послужило сигналом для Антонова посвятить меня.

— Потому, — произнес здоровенный детина, — что Янтарная комната когда-то была предметом гордости царского летнего дворца, символом

Святой Руси, захваченной большевиками. Нацисты ненавидели всех русских. Русское имперское правительство сражалось с отцами этих нацистов в Первой мировой войне. — Он мог не понижать голоса благодаря оглушающей музыке. — Мистер Берн, повторное обнаружение Янтарной комнаты возвестит о... реставрации царского правления. Оно послужит верным знаком.

Рылов кивнул. Мистер Загадка выпустил голубой дым. По логике полоумного монархизма это, пожалуй, было правильно.

— Вы можете помочь нам, мистер Берн. А мы поможем вам осуществить вашу личную мечту! Мы знаем, где искать, и у нас есть средство помочь вам увидеть Мы только просим, чтобы вы купили у нас средство, в целях помощи нашему фонду. — Он назвал цифру в дойчемарках, которая ровно соответствовала той сумме, что, как было известно Рылову, имелась у меня.

Жульничество. Это, конечно, мошенническая проделка. Трюк на доверчивость.

Попытайся я сейчас подняться и уйти, стали бы они удерживать меня под страхом оружия, спрятанного под столом? Может, меня тут и ограбят, пока Павел будет сидеть терпеливо в машине? А то и того хуже — звуки этой музыки заглушат любой выстрел.

О, но это трио не знало наверняка, что деньги в тот момент были со мной.

— Покажите мне это ваше *средство*, — потребовал я.

Антонов нахмурился.

— Мы не берем его с собой в рестораны. Завтра после обеда я приду к вам в гостиницу. Мы обменяемся... по доброй воле.

Когда Павел вез меня по Московскому к «Балтике», он заметил:

— Мистер Берн, я заглянул в ресторан и узнал крупного мужчину, сидевшего с вами. Это преступник.

Я полагаю, его любопытство может быть оправдано, имея в виду мои таинственные встречи с незнакомцами, хотя и дня еще не прошло, как я прибыл в Калининград. Может быть, Павел вообразил, что я тоже уголовник. Или что я вовлечен в шпионаж? Что мой интерес к янтарю был только предлогом?

— Все в порядке, — успокоил я его. — Антонов предложил продать мне информацию о Янтарной комнате, которой я интересовался.

— Да, Антонов — его настоящая фамилия или, по крайней мере, он ею пользуется постоянно.

Ну, прямо умница Павел.

— А пожилого мужчину в очках вы узнали?

Мой помощник покачал головой.

— Павел, завтра после полудня Антонов придет в отель с информацией. Я подозреваю, что это будет Bauernfangerie¹².

«Ловушка для простаков». Какой яркий немецкий термин. — Я бы хотел, чтобы вы присутствовали при нашей встрече. Обещаю вам прибавку на выпивку.

Теперь мы уже пересекли кольцевую дорогу, и в темноте слева смутно вырисовывались десять этажей «Балтики».

12 Bauernfangerie — мошенничество (нем.)

Мой номер находился на шестом этаже. Мы прождали почти до вечера. Я глазел на пустырь сквозь густой смог, когда вдруг увидел белый «Мерседес», на полной скорости рывками заруливающий на стоянку. Машина едва не задела такси и автобус и не наехала на немецких туристов.

Крепкий мужчина, несомненно Антонов, вывалился из автомобиля. Схватившись за бок, он тяжело проковылял к входу. Он ранен?

Мы с Павлом ожидали у лифта. Вот и Антонов. К счастью, в коридоре никого больше не было. Нам пришлось дотащить его до моей комнаты и усадить в старое мягкое кресло. В него *стреляли*. Казалось, этот человек-буйвол умирает, хотя кровотечения почти не было. Должно быть кровь изливалась внутрь.

Я видел, как Янтаринка умирала от кровоизлияния, хотя внешне ее красота оставалась нетронутой.

Антонов неровно дышал.

Видимо, двойник, — пробормотал он по-английски, посмотрев на меня и на Павла. Павел сказал что-то по-русски, и его взгляд прояснился. — Телохранитель... — Рылов говорил...

— Это Павел. Не беспокойтесь. Он не знает английского.

— Вы встретили своего двойника, мистер Берн... *Сходство особого рода...* Павел, а вот вы — Петр. Оба святых помогают мне. — Мистика хлынула из него вместе с остатками жизненных сил.

Какой же простак попал в ловушку, если стреляли в Антонова, пытаюсь предотвратить его встречу со мной?

— Что случилось? — взмолился я.

Кровь пузырилась на его губах, освящая сказанные им слова.

— Поспорили... Тот, у кого на хранении это средство... Ненавидит иностранцев... Если даже иностранец обладает видением... — Он закашлялся. — Излишняя трата времени... Ищите в сердце Высоких Татр, мистер Берн.

Высокие Татры в Словакии...

Он прошептал название города, которое я поспешил нацарапать на клочке бумаги. Антонов с трудом добрался до внутреннего кармана пиджака и вытащил стальной футляр для очков.

— Смотрите в них...

Я открыл футляр. Очки были очень старые. Оправа, бортики, дужки состояли из тонкого потускневшего металла. Линзы, несомненно, были янтарные и в то же время чистые и прозрачные. Несмотря на очевидный долгий срок службы, они выглядели удивительно похожими на очки Джона Леннона.

Это и было средство обнаружения Янтарной комнаты?

— Их сделал человек из Кенигсбергской гильдии, мистер Берн... Кристиан Поршин... в 1670 году... осторожно нагревая янтарь в... — он не мог подобрать английских слов и перешел на немецкий. — *Leinol*... Синий цветок, — он бормотал что-то, объясняя, но я хорошо знал, что значит *Leinol*, то есть льняное масло. Нагревать янтарь в льняном масле для очистки, затем шлифовать линзы.

А потом, мистер Берн, помните тот нацистский магический обряд...

Обряд с целью заколдовать очки? Настроить их на Янтарную комнату! Когда человек, наделенный видением, наденет их, он сможет разыскать потерянную комнату...

Наверное, было что-то магическое в этих очках уже в давнем семнадцатом столетии. Тогда еще наука и магия были неловкими компаньонами. Эти очки хранились где-то в Калининградской области при советской аннексии в этом твердом стальном футляре, но не фашистами. Здесь не должно таиться ни одного нациста. Ведь почти все немцы были убиты или сосланы в Сибирь, не так ли? Тайные русские монархисты стали хранителями.

На мое счастье, — а может это судьба? — Рылов оказался новичком в этом безумном деле националистического меньшинства, и мой поиск как бы послан Богом рехнувшимся поклонникам царизма. Хотя не всем так показалось! На белый свет выползли и те, кто глубоко ненавидит иностранцев. Святая Русь, священная отчизна, сохрани и восстанови свою силу. Не дай Западу осквернить свою душу. В монархистской клике произошла отчаянная ссора. Некоторым очень бы хотелось передать очки личности наподобие Распутина, но ни в коем случае не иностранцу.

Нет, речь уже не шла о простом мошенничестве, тут пахло убийством. И очки — тоже вряд ли подделка. Слишком большая вера была в них вложена, за которую заплатили смертью.

— Синие цветы, — повторял Антонов, будто призывая меня найти место в высокогорной долине, покрытое цветами небесного цвета. Этой незначительной детали придалась вся энергия ускользающего сознания.

Наконец он невнятно произнес что-то по-русски, Павел даже затаил дыхание. Конечно, в последние минуты Антонов перешел на родной язык — ведь любой из нас перед смертью позовет на помощь маму, которая его родила. А может, эти последние слова были молитвой?

Он умер. Его широкоскулое лицо осунулось. Раскосые глаза застыли.

Мне казалось, что падение с неба должно было убить Изабеллу сразу, прервать ее жизнь одним милостивым ударом. Сознание не возвращалось к ней более в минуты угасания. Ведь она ни разу не открыла глаз и не остановила взгляда на мне.

Павел с недоумением рассматривал очки. Единственное слово в разговоре между мной и Антоновым, которое он мог понять, было *Leinol*. Льняное масло и пара старинных очков. Почему я хотел потратить так много денег на старые очки? Каков был мотив убийства?

— Помогите мне вытащить его отсюда! — Я достал из бумажника две сотни марок и протянул их Павлу:

— Ему теперь не нужны деньги. Это небольшой денежный подарок для вас. — *Ein wenig Trinkingeld*. Немного на чай.

— Но ЭТО много.

— Когда приедем в аэропорт, получите еще.

Выглянув в коридор мы протащили тело до небольшого служебного помещения. Пылесос, белье, куски мыла. Пока я там скрывался, Павел вызвал ближайший лифт. Коридор оставался пустым. В лифте — никого. Павел задержал лифт, а я втащил тело внутрь, затем выпрыгнул, как и он, нажав на кнопку верхнего этажа.

— *Wir haben Glück, Herr Burn*¹³.

Да, можно сказать, удачно отделались, хотя нам еще нужно было убрать полосы, оставленные на ковре телом Антонова, когда мы его

13 *Wir haben Glück, Herr Burn* — нам повезло (нем).

тащили, замыть пятна в моем номере, затереть их. Пришлось еще перевернуть подушки на кресле. Крови вытекло совсем немного.

Труп скоро обнаружат. Начнется суета. Но в это либеральное время сотрудники КГБ нечасто появлялись в вестибюле, а Антонов знал, куда идти, и поднялся ко мне прямо в номер.

— Между прочим, — спросил я, — что он сказал по-русски в последний момент?

Павел поморщился:

— Глупость какую-то. Он сказал: «Боже, царя храни».

Я едва мог скрыть свое возбуждение, последние слова окончательно подтверждали честность Антонова, тем не менее, я согласился, что это — Dummkopf¹⁴. Если Павел еще считал, что я был связным между роялистами в России и на Западе, что ж, придется ему еще приплатить за благоразумие.

О, я видел, как моя любимая падала с неба. И теперь могу снова её отыскать.

Что касается дельтапланов, то в их конструкции всегда наблюдается тонкая грань между устойчивостью и неустойчивостью, и так же было с Изабеллой.

Неустойчивый летательный аппарат с режущей кромкой крыла может непредсказуемо отреагировать на попытки пилота заложить вираж, хотя, с другой стороны, на слишком устойчивой машине страшно скучно летать. В некоторой нестабильности есть своя прелесть. У Янтаринки была масса прелестей. Яркая, страстная, безрассудно смелая.

Однако опасность волновала ее слишком сильно. Она играла на краю бездны, но не в полетах. Для этого она была слишком опытной летчицей. Умение отвергает глупость. Ей вовсе не импонировало залетать в грозовые облака, чтобы поразвлечься, но в своей обычной жизни она всегда рисковала навлечь на себя гром и молнии.

Муж-рогоносец часто узнает последним, что обманут и предан, а я оказался последним из горстки сообщников в измене — этаким неуклюжий большой палец. Неловкость от близости, положение друга дома не умаляла, однако, моего нетерпения.

Изабелла знала, как вести себя в любовной связи, поэтому она сопротивлялась первые недели моим ухаживаниям. Подозревал ли Макс что-нибудь о Симоне Ли, ее предыдущем завоевании? Или о Пэррише, предшественнике Ли?

До тех пор и я ничего не предполагал о Ли или Пэррише Ли был местным гонщиком и агентом по продаже спортивных машин Пэрриш, как стало известно, выращивал грибы на ферме и был секретарем небольшой федерации спелеологов.

Бросало ли знание о моих бывших соперниках тень на страсть, которую я испытывал к ней? Думаю, я ревновал и одновременно испытывал тайное удовлетворение, что меня предпочли другим мужчинам.

Рогоношество — слово устаревшее, но именно эту роль я уготовил Максусу. Ввиду наших близких отношений я нашел этот термин соответствующим Изабелла и раньше изменяла, но ее любовники не были

14 Dummkopf — совершенная глупость (нем.).

так дружны с Максом, как я. Макс, на деньги чьей семьи мы существуем.

Признаться, я страстно желал Изабеллу и раньше, но и не мечтал предпринимать что-либо в этом направлении. Тут мне трудно было оторваться от реальной почвы, вопреки моим парящим грезам! Я так и не сблизился с женщинами ни во время учебы в университете, ни позже. В компании, навеселе, я скорее мог в шутку обнять парня, которого хорошо знал, или знакомую пожилую женщину, к которой не чувствовал особой страсти, чем девушку, вызвавшую во мне вожделение. Смещение внимания — вот название этому явлению.

Когда в конце концов мой самоконтроль ослаб, вернее был сброшен с помощью Изабеллы, я воистину поддался эротическому безумию с ней до пределов, удививших и восхитивших ее. Такая услада могла привести к нашей гибели и разорению фирмы «Максберн Эйрfoilз». Она начала подумывать об уходе от скучного Макса ко мне. Сначала восхищение полета связывало ее с Максом (и, думаю, его будущее наследство играло тут роль), но муж, казалось, не мог полностью ее удовлетворить, материнство также не приближало к цели. Как могла она летать на грани реального, отягощенная будущим ребенком?

На людях — притворство, в уединении со мной — какое безумство!

Вспоминаю отдых после любовных игр в нашем гнездышке, коттедже, который я переименовал в «Крылья». Уединенное место. Лесной пейзаж со всех сторон. Тенистая аллея к дому. Южное и западное крыло, за домом — дикий сад, обнесенный высокой живой изгородью.

Золотой загар Янтаринки от ультрафиолетовой лампы не оставлял никаких светлых полосок на теле. Белый пушок на ее коже, как на крепком сладком плоде. Эти янтарные кружки на грудях и сочные бусинки сосков. Веснушки на верхней части рук и плечах. Ее точеный нос, беспокойные голубые глаза, вызывающе оттененные фиолетовым. Соломенные волосы заплетены в длинную косу, открывая лоб и давая возможность мне держаться за нее, как за хвост.

В нашей постельной беседе я был Большим пальцем. Большой палец твердо выставлен, чтобы поймать попутку.

— Большой палец вверх, — обычно говорила она. Это считалось ее шуткой, сомнительной и опасной, когда бы мы ни отправлялись в полет — я, она и Макс, каждый на своих крыльях.

Она еще и тут выдумывала: могут ли двое заниматься любовью в полете — высоко в небе, прикрытые облаком, летя рядом, бок-о-бок. Или привязные ремни все же не дадут это осуществить? Одному придется вылезти из сбруи, так или иначе. Как неистово будет управляться летательный аппарат движением тел! Она долго хохотала.

— Мне всегда хотелось отправиться отдохнуть на Занзибар, — сказала Изабелла. — Туда мало кто ездит. А Максу неинтересно.

— Ну, мы едва ли можем ускользнуть на Занзибар вместе.

— Нет конечно. Я только хочу побывать где-нибудь невидимкой.

— Думаю, что ты будешь очень видима в Занзибаре.

— Где-нибудь в моем секретном месте. И твоём.

— Сейчас мы как раз в нем, не так ли?

— Джим любил меня в пещере.

Я не хотел слышать о моих бывших соперниках.

Изабелла номинально была серебряных дел мастер. По указке родителей она обучалась этой специальности. Благодаря Максу имела

собственную небольшую мастерскую, снабженную сверлами, режущим инструментом, тиглем, струйной горелкой, волочильным станком, молотками, гладилками и полировальными устройствами. Она умела делать вычурные серьги. Миниатюрные дельтапланчики, чьи крылья, касались шеи хозяйки подобно серебряным крылышкам насекомых. Она сотворила изящные серебряные уши в натуральную величину, для подвески под чьими-то собственными ушами. Было ли это остроумие или просто каприз? Дорогие игрушки служили ей предлогом, чтобы на выставках ремесленников и художников, принимать восхищение и встречать поклонников, таких как Симон и Джим.

Изабелла начала изводить меня просьбами уехать вместе.

Уехать? Прочь от моей жизни?

В другой раз, на крыльях, я рассказал ей о Янтарной комнате, и немедленно эта комната была предназначена для нашей любви. Чтобы поразить ее, в следующий солнечный день я повесил золотистую целлофановую пленку на окно спальни. Заменяло ли мое световое приспособление подсвечники со свечами? Может ли ковер стать паркетным полом цвета красного золота и карамели? Янтарь на моей шее был единственным в этой комнате. И еще рядом со мной в постели! Кожа Янтаринки едва ли нуждалась в целлофановой подсветке, но я и сам на пару часов засветился золотом.

Да, мы ступили на тонкую грань между стабильностью и нестабильностью. Если бы только Макс обнаружил, какие обломки останутся от моей когда-то устойчивой жизни. Может быть, именно это подзадоривало Изабеллу? В «Крыльях» весь мой самоконтроль испарился. Что если коллапс управления продолжится и далее, погребая под собой и «Максберн Эйрфоилз», что тогда?

Изабелла сказала мне:

— Конечно, если бы Макс потерпел аварию в полете, я бы так горевала и так печалилась! Хуже, — мы с тобой едва ли смогли бы продолжать любить друг друга. А если бы не перестали, то подозрение упало бы на нас. Однако, как мы можем не любить? Вот почему нам нужно уехать. Почему бы не в Америку, где они летают по небу на досках для серфинга?

В финансовом отношении эта затея казалась абсолютно нереальной. Затеять все заново на новом месте? Мне работать с конструкторами, которые могут наложить запрет на мое предложение? Оставив Макса, Изабелла лишится своей чековой книжки. Мог бы я снабдить ее новой серебряной кузницей?

Я окажусь между двух огней! Последствия измены будут ужасны. Холод пробежал у меня по спине. Большие пальцы вниз.

Мне не составило особого труда выехать из Калининграда. Убийство произошло, очевидно, из-за разборок в преступном мире. Несмотря на явное отсутствие преследования, жертва могла скорее прятаться в отеле, чем иметь какое-то дело в Балтике, которая, конечно, не платила защитной взятки рэкетирами. Нет, найн, эбсолютли нот.

Никто из поклонников царизма не мешал мне сесть на самолет, отправлявшийся в Варшаву.

Не был украден мой дельтаплан и польскими бандитами по дороге южнее Кракова.

Охранники на словацкой стороне границы с Польшей проверяли в основном, нет ли польских сигарет и мигрирующих румын, особенно румынских цыган, добравшихся до обетованной Германии. Я сам, мой «Рейнджровер» и дельтаплан прошли проверку. Таким образом я попал в сердце Высоких Татр. Вскоре я находился в приятном курортном городе, заполненном туристами.

Туристы, туристы! Теперь, когда снег таял на всех южных склонах, лыжный сезон закончился, все же до жарких летних дней с грозами было не менее двух месяцев. Несмотря на затянувшиеся холода, стояли прекрасные дни. Можно было восхищаться снежными вершинами, бродить по живописным тропинкам, пробовать совершать мини-восхождения и потягивать крепкое татрское пиво. Многие немцы так проводили время.

Высоко вверху воздух обычно резко холодный. Даже летом склоны высоких гор нагреваются только до нескольких градусов выше нуля. Видимость должна быть замечательная. Это летом почти каждое утро небо покрывается облаками, предвестниками грозы, проясняется только к вечеру и остается ясным до конца дня. А пока — никаких облаков.

Мне следовало объявиться на ближайшем аэродроме аэроклуба Словакии. Янтарная комната может оставаться невидимой, мне же следовало вести себя открыто. Необходимо было продемонстрировать свое крыло и свое мастерство, добиться разрешения на полеты, подписать заранее документ об отказе от иска, приобрести дорогой страховой полис на случай, если потребуется привлечь горноспасательную службу. Я дал обязательство не дрейфовать над гребнями гор, избегать любых грозовых облачных формирований, вести себя благоразумно.

В гостинице, в которой я остановился все блюда, казалось готовились совершенно без овощей. Утка с мучными клецками, свинина с беконом в тесте. Неужели эти люди никогда не слышали о горохе или о моркови? О, официант объяснил, что тут виной преждее неправильное коммунистическое управление сельским хозяйством. Я вообразил многочисленные поля, отданные под монокультуру развесистые клецки.

Изабелле здесь понравилось бы. Моя Янтаринка была плотоядна.

Она конечно, не кусалась и не царапалась, когда мы ссорились по поводу ее ухода от Макса. Нет, она принималась ласкать себя, — будто зализывала рану любви, не стесняясь моих глаз, отгораживаясь от моего существования в царстве собственных чувств, и такое себялюбие леденило и поражало меня больше, чем любая вспышка ярости. Тогда уже хотелось обещать ей что угодно, только бы она вернулась из своего самовольного одиночного заключения.

Как могла она, обычно такая открытая, вдруг так уходить в себя? Я чувствовал, что в ней жило безумие — порожденное не гневом, не капризами, не горечью неисполненного желания безумие безрассудства.

Вовсе не такую Янтаринку я знал до сих пор. Хотя может быть, именно так проявлялась ее любовь ко мне — со всепоглощающей страстью, испытать которую толкала ее жажда острых ощущений. Та страсть, которая должна была неизбежно захватить меня в плен. (И я был пленен, да, был, тогда почему я отвергал ее?)

В тот день она ушла как сомнамбула, а не как женщина, горящая страстью.

Помню, что в ту самую ночь я видел зловещий сон о том, как проехал несколько миль до ангара и сделал что-то на крыле с режущей кромкой

при свете фонаря, при фантастическом свете. Во сне детали неуловимы. Подстрекемое травмой, мое подсознание интуитивно постигло конструкционный дефект в последней модели. От этого я и проснулся.

На следующее утро Изабелла была сама улыбка — тиха и спокойна, как воды после грозы.

Стоя на излюбленной вершине низкого холма, мы с Максом внимательно наблюдали, как Изабелла разминалась и тянулась перед полетом. Опустившись на колени, натянула ремни и пристегнула их к крылу. Все тщательно проверила. На одной из носовых стоек трепетала красная шерстяная ниточка, показывая направление ветра. Взявшись за стойки тяги управления, Изабелла стала под крыло. Посмотрела далеко вперед и ринулась вниз. Янтаринка тут же легла на ветер, тянувший вверх по склону. Идеально.

Я поднимался над высокими елями, будто взбираясь все выше и выше вслед за ними. Смотрите-ка — внизу семья оленей!

Вверху несколько перисто-кучевых облаков распустили тонкие веера, подобно белоснежным кружевным кораллам, слегка подкрашенным моими янтарными очками. Мне было пока еще жарко в теплом нижнем белье, шерстяных носках, перчатках и куртке. Даже слишком. Ничего, скоро промерзну.

Вскоре ели начали редеть, уступая место карликовым соснам. Еще выше — и сосны исчезли. Остались только скалы и снег. Но ведь летишь, собственно, по воздуху. А воздух все холодел, но и холодный воздух должен переваливать через холмы и самые высокие горы по законам физики. Прежде время от времени виднелись шесты, помечающие тропы. Теперь, когда растительность осталась ниже, исчезли и они. Всего четверть часа назад внизу двигались фигурки десятков туристов. Но теперь весь мир опустел или может, заместился иным, альтернативным. Слева возникло лазурное горное озеро. Неужели на нем еще не до конца стоял лед? Но вот и озеро позади.

Пульс глухо стучал в янтарной подвеске, спрятанной у сердца. Я чувствовал, что напрасно ищу голубые цветы среди снега и скал.

И тут в ущелье я вдруг разглядел сквозь свои старинные очки комнату — всю целиком, пылающую золотом среди лысых валунов, обросших снежными бородами и уткнувшихся в снежные воротники. Отняв руку от тяги управления, я быстро снял очки. Конечно, комната спряталась Хамелеон из царства янтаря.

Но сквозь янтарь огня увидел ее опять очень ясно. Приладившись, сквозь потолок я рассмотрел люстры, будто отражения в горном озере. Комната ни на что не опиралась, кругом никаких следов брошенных ящиков — как я и ожидал. Комната в равной мере отражала блеск иного мира и вещественность нашего.

О, я колебался. Я чуть было не кинулся бежать из этих гор в мир «Рейнджровера» и Крыльев, пустых Крыльев, и Макса, стойко справлявшегося с горем. Но сны и мечты переполняли меня, заменяя действительность более тонким видом бытия, и взяли верх.

Я начал опускаться восьмеркой — внутрь ущелья. Сесть намеревался последним решительным броском, неподалеку от комнаты. Либо меня снесло порывом ветра, или магнетизм такой массы янтаря притягивал

меня как листок, но вдруг я налетел на потолок и был уверен, что разбил его вдребезги.

Я распростерся на янтарном паркетном полу. Однако плафон с аллегориями над головой был нетронут. Не помню, чтобы я отцеплял ремни, но в окне вдруг увидел свое крыло, уносимое ветром вверх, прочь из ущелья, будто большую птицу выпустили на волю.

Вскочив на ноги, я сорвал с себя перчатки, привязные ремни и куртку. Внутри комнаты было тепло. Да-да, внутри! Я стоял в той самой таинственной комнате, обители царей.

Не в силах сосредоточиться на какой-либо одной детали, я скользил взглядом по стенным мозаикам и сложным сплетениям деревьев, гирлянд и раковин в орнаментах. Как много картин природы. Божества, богини и другие персонажи. Как мерцали многогранные янтарные капли люстр. Как рдели красные янтарные диски в окружении желтых и коричневых узоров. В двух обрамленных позолоченными рамами гигантских зеркалах по обе стороны я видел себя, удаляющегося в бесконечность. Три окна доходили до самого пола, их рамы тоже украшены богатой резьбой.

А ущелье уже исчезло. Густой туман заволакивал окна. Тонкие струйки воды стекали вниз. Облако село прямо на нас, и ничего не было видно снаружи.

Там было три складных двери с изукрашенными рамами. Я поспешил к одной из них, но она не поддавалась. Не открылась ни другая, ни третья.

Янтаринка. Где она?

Да вот же, в зеркале — стоит рядом с одним из моих дальних отражений. Изабелла была в тех же джинсах и черной водолазке, как и в день гибели. Ее соломенная коса свешивалась на грудь, наводя на мысль о еще не затянутой петле. Выражение ее лица — странное. Янтаринка сделала шаг вперед.

Она не порождала бесконечной череды двойников в зеркале. Стояла одна, сама по себе. Я оглянулся, но в другом зеркале ее не было вовсе. Янтаринка переместилась ближе. Теперь до меня оставалось только четыре отражения. Видела ли она меня здесь в мерцающей комнате?

— Почему ты убил меня? — воскликнула она, подходя ближе. — Почему, Питер, почему?

— Мне это приснилось, — признался я. — Но как я мог сделать это? Как я мог?

Я оставался у зеркала. Теперь она была так близко ко мне. Янтаринка покачала головой на мой ответ. Соломенная коса качнулась.

— Посмотри вокруг, — умолял я. — Это Янтарная комната.

Какое великолепие убранства! Какое множество аллегорий!

На мне еще были мои антикварные очки, заколдованные каким-то психоаналитиком при распаде гитлеровской империи смерти. А если бы я снял очки, — Янтаринка исчезла бы, и драгоценная комната тоже? Осталось бы только ущелье и безжизненные отроги гор?

Мог ли я обнять ее здесь, в последнем всепрощающем сумасшедшем порыве? Я раскрыл объятия. Она шагнула ко мне, странно улыбаясь, держа в руке свою косу. Она же собирается обвить ее вокруг моей шеи, чтобы довершить идеальное отмщение внутри этой замкнутой комнаты! Следствие ни за что не догадается, чем меня убили. Тут я закрыл глаза, чтобы не видеть ее карающего взгляда.

Я чувствовал, будто полностью сливаюсь со всем ее существом, как

не под силу было никому из возлюбленных прежде. Я стал Изабеллой. Причастился к ее воспоминаниям, отличным от моих.

Однако эта сущность уже отступала, освобождая меня от себя, но казалось, что от меня осталась только половина.

Я напрасно старался удержать в памяти хоть частицу этого мимолетного изумительного явления. Как будто Бог или Богиня быстро вошли в меня, даруя мне полную, особую жизнь, богатую происшествиями и страстями. Я встретил не смерть, а ее противоположность: дни моей жизни удвоились!

И вот все кончилось, совершилась окончательная опустошающая кража!

Янтарики в комнате не было. Теперь она виднелась в другом зеркале. Спинной ко мне. Она уходила прочь сквозь мои отражения.

— Изабелла, вернись! — вскричал я. Но ее отражение расплывалось вдали. И вот — никого, кроме меня, бесконечной вереницы моих двойником.

Ее нога, собственно, не ступала на пол этой комнаты. Лишь душа Изабеллы пролетела здесь, пронизав меня насквозь, удивив полнотой жизни, которую я погасил, покидая меня навсегда. О, тут, верно, запирали убийц, что за изощренная пытка! Как я рыдал по себе! И мои отражения рыдали вместе со мной.

Когда я снял очки, комната не исчезла. Но двери не открывались. Окна, окутанные облаками, нельзя было разбить.

И видел я, как она падает с неба. Отказавший дельтаплан начал вращаться как кленовое семечко...

Мне, наверное, было лет одиннадцать, когда я начал мечтать о полетах...

Благодаря иммиграционной службе произошла эта встреча...

Так случилось, что я нанял Павла помощником и гидом...

Ни голод, ни жажда не мучили меня.

Хотя я не заметил сразу, но после каждого переживания вновь событий моей жизни, одно из отражений исчезло с зеркала. Вначале вереницы двойников выглядели одинаково, но по мере того, как время повторялось, эти ряды начали заметно укорачиваться.

Теперь в одном зеркале остаются только три отражения и два — в другом. Значит после пяти повторов я останусь один.

Я продолжаю существовать ради мига соприкосновения с Изабеллой в самом конце каждого повторения, и мне никогда не удастся обнять и тысячной ее части. Она наполняет меня, затем колодец ее воспоминаний высыхает.

Когда исчезнет мое последнее отражение, я лягу на блестящий паркетный пол. Закрою глаза и буду просто ждать, когда тяжелая коса обовьет мне шею. Тогда, верно, я соединюсь с Изабеллой в смерти.

Не может быть, чтобы она не пришла! Неужели придется остаться здесь, в комнате моей мечты, навсегда, даже не видя своего отражения?

Скоро она опять появится.

Все ушло. Осталась только комната. Я сейчас лягу. Сначала разденусь, сниму кулон.

Но — что это?

В бусине бабушки Энни я вдруг вижу себя. Я жестикулирую, и крохотный Питер жестикулирует.

Я — лежу на паркетном полу, неподвижный, маленький, заключенный в янтарь.

Пожалуйста, подними меня, Изабелла. Пожалуйста, надень меня. Носи меня, в каком бы царстве ты не жила.

Грегор Хартманн Генри в деревьях¹⁵

Такамацу, 23 августа.

Дорогой дед!

Я не был до конца искренен с тобой, когда говорил о причинах отъезда в Японию. Тебе, мамочке и отцу нравилось слушать про «расширение горизонтов познания» и «изучение древних религий», на этом я и сыграл. На самом же деле мне было необходимо убраться ко всем ч... из Кентукки. Меня беспокоит наша вражда с Меткалфами. Я вынашиваю теорию, что добро и зло подобны положительным и отрицательным зарядам: в целом они должны уравнивать друг друга. То, что хорошо для нас, плохо для Меткалфов, и наоборот. И пусть на локальном уровне кажется, что наша магия нарушает баланс; готов поспорить, глобальная картина такова, что мы просто перемещаем энергию. Извини меня за некоторый сумбур — в моей теории смешались физика и даосизм: настоянные на бессонных ночах — но она схватила меня за горло и не отпустит до тех пор, пока я ее не разработаю.

Тебе видны ее следствия. Сделать добро в одном месте значит вызвать зло в другом. Что еще ужаснее, из моей теории следует, что злое деяние приводит к добру где-то в другом месте; понятно, какой муравейник я сразу разворошу. Меня очень смущает такое направление рассуждений, так как логическим заключением будет бесполезность любого действия, вследствие чего остается только сидеть сложа руки. Так или иначе, я дал себе зарок не применять чар, пока не разберусь в этом до конца. Отъезд из дома явился одним из способов борьбы с искушением. В Кентукки я был Генри Давом, внуком Ганнибала Дава, одним из тех странных Давов, что беседуют с деревьями и все такое прочее. Каждый день меня просили оказать какую-нибудь услугу. Здесь же для всех я просто учитель английского языка. Ко мне обращаются лишь с затруднениями в грамматике, а не с просьбами сотворить волшебство и отогнать злых духов. Я стал новым человеком!

Увы, последним смеяться будешь ты, так как твой Генри Дав и тут по уши влип в ведовские дела. Выслушай, что произошло, и дай мне свой мудрый совет, потому как я очень нуждаюсь в нем. (И ничего не говори моим родичам, лады? Я не хочу, чтобы они волновались.)

У меня было несколько предложений из школ английского языка. Я выбрал ту, что в Такамацу, так как это место наиболее удалено от Токио и крупных городов. Такамацу (что значит «Высокие Сосны»!) находится на

Сикоку, самом староукладном из четырех больших островов. Мне сказали, что такой была Япония пятьдесят лет назад. Деревья просто великолепны. Такие личности! В первую же ночь я несколько часов гулял, знакомился с соснами, дубами и кленами. У японцев великолепные сады. Единственное, что я не могу выносить, так это бонсай. Для того, чтобы заставить деревья оставаться маленькими, японцы морят их голодом, обрезают почти все ветви и обвязывают корни их проволокой. Деревья в путах. Всякий раз, когда я вижу такое дерево, мне хочется отнести его на свободу в лес. Возможно, мне придется основать «Фонд освобождения бонсай».

Неприятности начались с вечерних факультативных занятий, которые у меня по четвергам. Я очень переживал по поводу того, что мне предстоит учить взрослых. Я, едва закончивший колледж молокосос, и они, на двадцать лет старше и мудрее — ну ты понимаешь. В первый же вечер я вхожу в класс и — нате вам! — на меня набрасывается красивая женщина в летах. Нарико Кусахара. Обычно японцы кланяются, но эта крепко сжала обеими руками мою ладонь. Испытывая легкое головокружение от нахлынувших гормонов, я стоял, чувствуя, как от аромата ее духов першит у меня в горле, а женщина оглядев меня, примерилась, словно мясник, собирающийся отрубить кусок для отбивной, и сказала:

— Вы ведь не миссионер, правда?

— Простите?

— До вас у нас преподавал миссионер. Он хотел научить нас верить в Иисуса и называл нас язычниками.

— Что ж, формально буддизм и синтоизм действительно можно назвать «язычеством». Но в отношении меня можете быть спокойны. Я не поклонник Небесного Владыки и Плотника.

Судя по всему, экзамен я выдержал, так как госпожа Кусахара потащила меня знакомиться с остальными. Это была маленькая изящная женщина, похожая на куклу, и когда она вела меня за руку, я чувствовал себя огромным неуклюжим танкером, ведомым юрким крошечным буксиром.

И еще одна ученица привлекла мое внимание. В отличие от других домохозяек она была в джинсах и белой водолазке. Ее черные прямые волосы, зачесанные назад, были собраны голубой заколкой. Совсем как у студентки колледжа. Харуко Мори была не особенно приметная женщина, но веселая. Она с поклоном произнесла:

— Надеюсь, от вас мы узнаем множество замечательных идиом. Я поставила перед собой цель заучивать по десять идиом каждую неделю.

— Очень хорошо. И что принесла эта неделя?

— Я была очень занята на работе. Мы занимаемся регистрацией земельных сделок.

— Bravo! Прекрасно сформулировано по-английски, похвалил я.

Госпожа Мори улыбнулась, покраснев. Госпожа Кусахара закатила глаза. Как выяснилось, эти двое были лучшими ученицами в классе. Хобби госпожи Мори — чтение английских словарей. Чтобы закрепить навыки, она ведет свой дневник на английском, который попросила меня прочесть и исправить ошибки, и я насмотрелся на ее возлюбленные идиомы. Госпожа Кусахара одержима правилами. Всё, срывающееся с ее изящных алых уст, должно быть столь же безукоризненно, как и ее одежда, и слова она будто откусывает по одному, дозированно выпуская

на волю.

Худшим учеником оказался единственный мужчина в классе, господин Ишикава. Он содержит гостиницу и хочет выучить «ан-гу-ри-ски» чтобы иметь возможность разговаривать с посетителями-иностранцами. По крайней мере, так он уверяет. Но сам постоянно подначивает домохозяек и никогда не делает домашние задания, так что, по-видимому, у него какие-то другие тайные побуждения. Однако меня он принял дружелюбно. Это он отвел меня в сторону и преподал урок правил поведения в Японии. Например, объяснил, как опасно принимать любезности. Предположим, ты зашел в бар, и кто-то налил тебе стакан. Ты тотчас же становишься его должником, так что лучше всего сразу же схватить бутылку и наполнить стакан этому человеку, чтобы расквитаться с ним. Ишикава сказал, что «принимать любезность» и «получать ущерб» изображается одним и тем же иероглифом. Это очень беспокоило меня, так как ученики постоянно водят меня в пагоды, приглашают на вечеринки и так далее. Какой счет выставят мне? Ишикава попытался успокоить меня, но, как мне показалось, он ничего не упускает.

Месяца два назад у нас в школе объявили конкурс на лучшее знание разговорного языка. Я предложил госпоже Мори подать заявление на участие, так как у нее очень беглая речь, но она отказалась. В конце концов мне удалось уговорить ее.

— Попробую, тряхну стариной, — сказала она.

После занятий господин Ишикава предложил мне поспорить на тысячу иен (около восьми долларов), что госпожа Мори не примет участия в конкурсе.

— Это почему? — спросил я.

— Она бояться, — подмигнул он. — Бояться много много людей. Такое уже быть.

— Две тысячи иен, что вы ошибаетесь. Она утрет всем нос, — сказал я.

Но в день конкурса госпожа Мори заболела и не пришла в школу. Первый приз — какую-то безделушку с земным шаром — получила госпожа Кусахара. Твой покорный слуга сиял, так как победительница была его ученицей, но с каким тяжелым сердцем я расплачивался с этим самодовольным тупицей!

Через неделю после конкурса госпожа Мори снова появилась на занятиях.

— У меня жутко болел живот, — сказала она. — Просто зверски. Я ходила в больницу, но врачи ничего не нашли.

Все посочувствовали ей, побранив глупых врачей. В тот же день мы разбирали статью из журнала «Тайм». Нам встретилось слово «психосоматический», и я объяснил его значение, после чего все избегали смотреть на госпожу Мори. А господин Ишикава подмигнул мне, свинья!

Однако, позднее у меня появились сомнения. Внезапные боли, схватывающие и проходящие бесследно — странно для такой совершенно здоровой женщины. Упоминал ли я, что она — последовательница школы лечебного питания? Чтобы избежать контактов с искусственными химическими препаратами, госпожа Мори даже самостоятельно prepares зубную пасту (из соли и обжаренных баклажанов!) Я перечел ее дневник, внимательно изучая события последних шести месяцев. Боли дважды донимали госпожу Мори — и оба раза прямо

накануне конкурсов английского языка. На психосоматическое объяснение я не купился. Я почуял что-то нечистое. Так как боли начались только шесть месяцев назад, когда госпожа Мори поступила в эту школу, неизбежно, во всем виноват один из четырех оставшихся учеников. Тот, кто особенно завидует ее успехам в английском.

Угнетающее открытие. Понимаешь, до этого времени я устроил себе священное отдохновение от колдовства. (Игра слов преднамеренная.) Все было замечательно.

Нет необходимости беспокоиться о соблюдении ритуалов, мучительно решать, что подобает, что нет... С практической точки зрения, пребывание в Японии вдалеке от Меткалфов означало, что мне не нужно оглядываться всякий раз, когда я направляюсь в лес в гости к своим друзьям. С философской точки зрения, я проделывал неплохую работу. Думал о Вечном. К тому же, приобщался к дзен-буддизму: каждую вторую ночь усаживался медитировать. Казалось, вся моя жизнь замедляется. (Помогало и отсутствие автомобиля.) Мир и спокойствие! Однажды ночью я сел и представил себя плодоносящим грецким орехом. Никому не причиняю вреда. Просто занимаюсь своим делом, производжу кислород и вкусные съедобные вещи. Дед, я далеко продвинулся по пути обретения святости среди деревьев.

И вот теперь это. Передо мной лежал дневник госпожи Мори. Ее красиво выписанные синие строчки напоминали озеро. Если я войду в его воды, попытаюсь помочь ей, родится волна, которая породит другую волну и так далее, и весь мир наполнится смятением. Действием. Насилием.

Однако я не мог допустить, чтобы госпожа Мори страдала.

Опасаясь действовать опрометчиво, я решил сперва провести некоторые исследования. Как ты можешь себе представить, положение у меня было незавидное. Едва решив отправиться в Японию, я с головой погрузился в изучение языка, но познания мои по-прежнему весьма жалкие, так что я не мог отправиться в ближайший храм и расспросить священников о заклетьях. В единственном книжном магазине Такамацу имеются книги на английском языке, но Роберт Ладлэм и Агата Кристи мало что могут сообщить о японской магии. Что мне оставалось? Ученики. На ближайший урок я выбрал статью в «Ньюсуик» о «колдовском буме» в Калифорнии. Тебе известны статьи такого рода — выдумки и сенсационные сплетни — но, решил я, она заставит нас разговориться. В четверг вечером, когда я раздавал ксерокопии статьи, мне с трудом удавалось изображать беспристрастность; я чувствовал себя шулером с колодой крапленых карт.

Статья заинтересовала моих учеников.

— Американцы верят это? — спросил Ишикава. — Америка нация науки.

— Америка — большая страна. Множество религий. А как насчет Японии? Здесь люди верят в такие вещи?

— Разумеется, — небрежно ответил он.

— Разве японцы — не современная нация? Компьютеры, биотехнология?

— У нас тоже есть традиции, — ухмыльнулся он. — Долгая история.

— Приведите мне какие-нибудь примеры.

— У нас есть «амагой» — молитва, вызывающая дождь. Есть счастливые и несчастные дни. И «варанингё».

— Что это такое?

Они бегло и непонятно заспорили между собой по-японски.

— Ну же, — с укором обратился к ним я. — У нас же урок английского языка.

Заговорила госпожа Мори.

— Варанингё — это соломенная кукла. Если у вас есть враг, вы делаете варанингё и пишете на ней имя врага и дату его рождения. Затем прикрепляете куклу к дереву. Тремя гвоздями. Это причиняет жуткую боль до тех пор, пока гвозди не вынимаются. Это очень злобное и мерзкое деяние.

Её голос звучал легко и весело — современная женщина рассказывала о странном обычае. Я оглядел остальных: у всех вежливый интерес на лицах. Никакого беспокойства. Никаких виноватых взглядов. Я спросил:

Кому-нибудь из вас приходилось сталкиваться с варанингё? Вы знакомы с людьми, которые сами видели это?

Всеобщий шум. Один Ишикава поведал о женщине, которую мучила варанингё, созданная для того, чтобы заставить эту женщину желать переспать со всеми мужчинами. Выяснилось, это сюжет виденного им порнофильма. Помнишь, я упоминал, что он владелец гостиницы? Так вот, это «отель любви». Туда заходят пары, оплата почасовая. Я рассказываю об этом, чтобы ты оценил, каким замечательным честным, воспитанным в старых японских традициях, благопристойным господином является этот Ишикава. Дамы поджали губы и закатили глаза. Они относятся к Ишикаве как к медведю в зоопарке. Предпочитают наблюдать за ним с безопасного расстояния — будто отгородившись рвом — и чувствуют собственное превосходство, глядя на его человекоподобные ужимки.

К тому времени, как мы прочли и обсудили эту статью, я узнал, как называется по-японски все то, чем мы с тобой занимались дома в округе Файетт. (Много параллелей. Некоторые вещи распространены повсеместно!) И я убедился, что кто-то, возможно, сделал варанингё с именем госпожи Мори. Но кто? Почему-то я никак не мог зрительно представить, как эти вежливые старомодные домохозяйки заколачивают гвозди в живот госпожи Мори. Напротив, у Ишикавы два мотива: зависть к ее знанию английского и желание переспать с ней. Мне уже приходилось видеть, как госпожа Мори уклоняется на уроках от его домогательств; он вполне способен прибегнуть к колдовству. Возможно, он возбуждался, загоняя гвозди в ее тело. Если хорошенько подумать, может быть, именно он занимается сексуальным колдовством, и очень неумело.

Ночью после уроков я медитировал, размышляя над этой проблемой, с удовольствием отмечая, что я сохранил полное спокойствие и смог совершенно хладнокровно обдумать эту отвратительную ситуацию. Мелкая возня млекопитающих — какое дело до нее Святому Генри в Деревях, чьи мысли бескрайни и беспристрастны, как ветер? Обретя полную безмятежность, я решил, что без опаски могу перенести расследование в логово врага.

Вечером следующего дня я зашел в гостиницу Ишикавы, «Токугаву» («Река Добродетели»). Я застал хозяина одетым в темно-синюю морскую форму с белой капитанской фуражкой на голове. Он был очень горд тем, что я пришел посмотреть на его дело, и решил ознакомить меня со своей гостиницей. Каждая комната носила имя великой реки. В каждой был бетонированный неглубокий бассейн, в котором плавала кровать в виде

корабля. (А ты-то еще, помнишь, потешался над Диснейлендом!) Мы обходили различные комнаты, я проникал в суть Ишикавы, и в конце концов с неохотой пришел к заключению, что он не колдун: его дух подмят плотью. Обход мы закончили в комнате «Нил», где взошли на борт огромной кровати, напоминающей судно фараонов, и за пивом стали судачить о школе.

— Мори, — вздохнул Ишикава. — Я хочу ее к себе на лодку, но у нее глаза смотрят только на вас.

— Вздор, — сказал я.

— Это правда! Не отрицайте. Я знаю, она дает вам любовное письмо.

— Это всего лишь дневник. Чтобы я мог исправить ее английский.

— Она видит эротические сны?

— Вы просто животное. Секс-чудовище.

— Спасибо, — хихикнул он. — Такой молодой мужу-чина и такой хороший вкус на женщин. Кусахара более красивая, но она злая. Она злобная и сварливая. Берегитесь ее. Она убила своего мужа.

— Что вы хотите сказать?

— Она ходить замуж ради денег. Потом он умирает. Пух! — Ишикава сделал жест руками, словно взорвалась голова. — Она хотеть замуж опять, но она есть очень жестокая. Все в Такамацу бояться ее. Нужно ехать в Окаяма чтобы найти мужу-чина.

На следующем занятии я по-новому присмотрелся к госпоже Кусахара. Ты наверняка встречал подобных разборчивых особ в торговых центрах. Безукоризненный макияж, безупречные наряды: этакие задаваки. Совершенство без изъяна — подойти боязно. Возможно, именно поэтому кокетство госпожи Кусахары не трогало. В тот вечер в механическом карандаше Кусахары кончился грифель, Мори одолжила ей запасной. И все это исключительно вежливо. Дед, нельзя понять, что такое вежливость, не став очевидцем обмена любезностями двух японок. Это ритуал выводимых голосом рулад и традиционных движений, предназначенных скрыть затаенный кинжал.

Когда в тот вечер я стал медитировать, сохранять спокойствие было гораздо труднее. Прежде я был уверен, что за всем стоит Ишикава; выход на сцену Кусахары смутил меня. Если тот — забавный неуклюжий медведь, она — секира. Остро отточенная, опасная... Прошло несколько дней, прежде чем Святой Генри обрел необходимое спокойствие и беспристрастность, чтобы совершить вылазку на территорию Кусахары.

Она жила весьма неплохо: двухэтажный кирпичный дом, окруженный живописной лужайкой. Знаю, тебе это мало что говорит, но по японским меркам — это особняк. Кусахара была удивлена, увидев сенсея, но провела меня в гостиную и угостила зеленым ячменным чаем. Дом был полностью в ее духе: слишком ухоженный, слишком аккуратный. Рукописные свитки на стенах, куклы-самурай — все стерильно и сверкает, как в скучном музее. Я попросил Кусахару провести меня по дому, чтобы получить возможность осмотреть второй этаж, но она ответила, что горничная еще не убирала там. И не успел я придумать какой-нибудь повод перевести разговор на варанингё, как госпожа Кусахара быстрым жестом положила руку мне на бедро.

— Прямо-таки счастливая случайность, что вы заглянули ко мне сегодня, — сказала Кусахара. — Я как раз подумывала о частных уроках. Вы не хотите позаниматься со мной?

— Вам не нравятся мои уроки в школе?

— Вы превосходный преподаватель. Меня не устраивает время. Я хочу заниматься днем.

— Это запрещено порядками школы. Меня выгонят, если я стану переманивать учеников на частные занятия.

— Никто ни о чем не узнает. Пожалуйста, сенсей! — Она погладила меня по ноге.

Меня беспокоили в тот момент не столько порядки, сколько воркующий голос Кусахары, то, как она произнесла слова «частные» и «днем». У меня перед глазами мелькнула картина: я лежу на полу, а Кусахара питоном обвилась вокруг моего тела. Бррр. Должно быть, эти мысли как-то отобразились у меня на лице, так как ее обошительная улыбка застыла и тотчас же снова сменилась непроницаемой маской. Через пять минут я уже стоял на улице, а дверь за моей спиной вибрировала словно спущенная пружина капкана.

Я очень волновался перед следующим занятием, но Кусахара вела себя как ни в чем не бывало. Как и прежде, мы обращались друг к другу «сенсей» и «госпожа Кусахара». Я считал, что сорвался с крючка, до тех пор, пока не увидел, как она разговаривает с секретарем. Когда Кусахара ушла, я спросил того, что ей было надо. Секретарь притворился, что не понимает, о чем идет речь. В конце концов мне удалось расколоть его. Для того, чтобы приготовить сюрприз замечательному сенсею, госпоже Кусахаре требовалось узнать день моего рождения. И этот идиот, разумеется, все ей выложил.

Действительно, вот уж сюрприз!

Итак, дед, я сообразил, что угодил в тенета могучего японского колдовства. Возможно, это будет приворот, возможно — проклятье. Так или иначе, я решил, что колдуну из Кентукки пора решительно приниматься за дело.

Я не привез с собой своих магических предметов. Чтобы избежать соблазна, понимаешь? У меня имелся всего лишь один амулет. Тот, который ты вырезал из коровьей кости: лицо длинноволосого бородатого старика. Дэниел, назвал я его, так как он выглядел в точности так, как, на мой взгляд, выглядел бы Дэниел Бун¹⁶ после нескольких столетий, проведенных в горах. Обладать этим Дэниелом значило иметь под рукой тебя, а за спиной — родной Кентукки. И, положив амулет в сумку, отправился я в горы.

Моя квартира находится на окраине городка. Пробравшись мимо террас, засаженных апельсиновыми деревьями, я через пять минут очутился в лесу. Примерно через час я подыскал довольно укромную рощицу, где соорудил из бамбука чучело шести футов высотой, которое одел в свои вещи. Это была не просто моя одежда: самые старые мои джинсы, любимая рубашка — они были пропитаны духом Генри Дава. В нагрудный кармашек рубашки я положил титульный лист англо-японского словаря со своим именем и датой рождения, отстриг прядь волос для прически чучела, в руки вставил обрезки ногтей — смею заверить тебя, дед, я постарался на славу! Некоторое время я походил голышом, в чем мать родила, затем повесил на шею амулет с Дэниелом и оделся в ненюшеные вещи. Мыслями я превратился в Дэниела, что, на

16 Дэниел Бун — известный в США своим долгим анахоретством в горах, а затем избранный в Сенат фермер XVIII века.

мой взгляд, было определенно безопаснее, чем оставаться самим собой. Возможно, ты сочтешь мой поступок трусливым, но на мой взгляд это был философский шедевр. Согласен, я предпринимал действие, но оно должно было отвлечь дурное действие, обезвредив его. Вместо того, чтобы породить волны, я собирался гасить их, восстанавливая спокойствие.

На следующем уроке я поймал на себе пристальный взгляд госпожи Кусахары. Похоже, она была в недоумении, словно она повар, а я — тесто, которое отказывалось подходить. Затем я увидел, как она допытывается у секретаря, правильно ли тот сообщил ей дату моего рождения. Значит, я иду по верному следу. Меня прошибла холодная дрожь. Кусахара — крошечная изящная женщина и одевается, как модель из журнала «Вог». Я не привык к тому, чтобы меня пугали красивые куклы.

После занятий я прочел последнюю запись в дневнике госпожи Мори. Таинственные боли вернулись. Бедняге казалось, ей вонзают в печень вязальные спицы. «Мой врач ошибается, — написала она. — Он хочет направить меня к специалисту в Кобе. Он сказал, что моя жизнь висит на волоске.» Я захлопнул дневник. Хватит!

Я поехал прямо в гостиницу к Ишикаве. В вестибюле толпились фермеры из сельскохозяйственного кооператива, приехавшие в город. Некоторые из тех, что постарше, с недоверием относились к кроватям-кораблям; Ишикава объяснял, что качка вдесятеро увеличит наслаждение. Это доказано учеными университета Осаки. Подмигнув, он описал проведенные исследования и высказал предположение, какие области еще требуют изучения. В конце концов он разместил всех.

— Сенсей, когда вы приводить сюда подругу? Я дам вам комнату «Амазонка». Особые расценки.

Возможно, скоро, — сказал я. — меня кое-кто заинтересовал. Но мне необходимо узнать дату ее рождения.

— Разве важно, сколько ей лет? Женщина есть женщина.

Закатив глаза, он причмокнул.

— Я должен узнать.

— Где она жить — вы знаете?

— Конечно.

— Идите в префектуру ее район. Городской архив есть записи — все семьи. Там вы узнаете именно то, что хотите.

— За мной должок, капитан.

— Да, — ухмыльнулся он.

Префектура открывалась в 9:00. В 9:10 мне уже было известно, что госпожа Кусахара родилась в третий день седьмого месяца 19-го года эры Сёва (по-нашему, 1946). Я всматривался в цифры и иероглифы до тех пор, пока они не впечатались мне в память. Слово «месяц» изображается серпом луны. Одна жизнь прибывает, другая угасает.

В четверг госпожа Кусахара не пришла на занятия. Как и госпожа Мори. Вечером я позвонил госпоже Мори, и та ответила, голосом, бесцветным как дым. Ужасные боли, простонала она. Жуткие боли. Я предложил прийти к ней и устроить урок на дому, чтобы она не отставала от класса, но госпожа Мори отказалась. Она не может принять от меня эту особую любезность, так как она всего лишь ученица, а я — преподаватель, уже преподнесший ей столько замечательных идиом. То, что она могла оставаться заботливой, несмотря на мучения, взбесило меня. Не кладя трубку, я набрал номер госпожи Кусахары.

— Оставьте Мори в покое, — приказал я.

— О чем вы говорите, сенсей?

— Вы понимаете, что я имею в виду. Варанингё, которую вы прибили к балке на втором этаже. Прекратите сейчас же.

— Вы современный человек. Вы не можете верить в эти глупые суеверия.

— Вам что-нибудь говорит дата 3 июля 1946 года?

Она помолчала.

— Для чего вы узнали это?

— А зачем вы узнавали дату моего рождения?

Кусахара рассмеялась.

— Сенсей, вы полны волнующих сюрпризов. Миссионер, который преподавал у нас до вас, был скучным трусишкой. Он полагал, что может обратить меня в христианство. Меня! Приходите ко мне, мы поговорим о множестве интересных вещей.

— Нет. Прекратите мучить Мори. Я требую.

— Достаточно скоро всему этому наступит конец, — промурлыкала Кусахара. — Тогда у нас с вами будут уроки, где я стану преподавать вам.

Дрожащей рукой я бросил трубку.

А потом принялся носиться по квартире, разъяренный и напуганный. Я попытался было медитировать, но не смог сидеть спокойно, поэтому выскочил из дома и несколько часов бродил по ночным улицам, смутно сознавая, где нахожусь, не в силах ни на что решиться. Понимаешь, мне представилось, что вселенная испытывает меня. Пытается завлечь меня на действие, как в свое время демоны искушали Будду. Я знаю, это звучит заносчиво — ибо когда это огромной вселенной было какое дело до мелюзги Генри Дава? — но, дед, я действительно разрывался на части. Все мои чувства говорили: действуй! Берись за магическое оружие и нападай! Но меня сдерживала моя новая философия. Кто я такой, чтобы строить из себя Господа? Начинать новую круговерть справедливости и отмщения? Должно быть, я прошел несколько миль, бушуя, с мыслями, мечущимися словно в урагане.

Из транса я вышел на своей улице, стоя у соседского садика. На скамейке перед домом примостилась неглубокая голубая кадка с крошечной сосной-бонсай. Я смотрел на это жалкое деревце, и вдруг что-то внутри меня оборвалось. Калитка была не заперта, я прокрался в сад и, схватив кадку, утащил ее. Дома я вынес ее на балкон и осторожно снял всю проволоку. Дед, эти ублюдки обмотали крошечное дерево двадцатью футами проволоки. Щедро напоив кадку водой, я расправил сосне ветки и лег спать.

На следующий день я позвонил в школу и сказал, что заболел. Секретарь, ответивший мне, встревожился.

— У вас случайно не желудок болит, нет?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Перед вами учитель-иностранец начал страдать желудком и вынужден был вернуться домой. Надеюсь, с вами этого не произойдет. Внимательно следите за тем, что едите! У нас очень острые соленья.

— Да-да, соленья. Понятно.

— Кстати, для вас сообщение от госпожи Кусахары.

— Что ей было нужно?

— Она сказала, что сегодня не сможет прийти на урок. Она собирается остаться дома и подготовиться к празднованию вашего дня рождения. Не странно ли? Ведь ей известно, что день рождения у вас

только в ноябре.

Запихнув все необходимое в рюкзак, я направился в горы. Уже несколько недель я не возвращался в рощу, и мне было любопытно, что случилось с моей ловушкой. С амулетом Дэниела на шее и мыслями Дэниела в голове я подкрался к роще. Укрывшись за большим дубом, растущим футах в сорока от нее, я осторожно высунул голову. Чучело лежало на земле Шесты разбиты в щепы, одежда изодрана. Словно гигантские руки перекрутили лохмотья, выжимая из них все соки. Что-то прошумело вверху, и я распластался на земле. Оказалось, это была всего лишь птица, но я пополз прочь, мысленно твердя «Дэниел, Дэниел, Дэниел», точно от этого зависела моя жизнь.

Добравшись до вершины, я направился дальше по гребню. Очень быстро я вспотел. Поросль между деревьями была негустой, но мне приходилось перелезать через стволы поваленных ураганом сосен и кедров. Почвенный слой очень тонкий — корням не за что зацепиться. Тут и там на поверхность сквозь темную землю, как из-под пелены черного снега, проступал белый гранит. Я был похож на Маленькую Элизу, пробирающуюся по фантастическому негативу ландшафта.

К вечеру я достиг огромного кедра с красной корой, выделяющегося среди прочих деревьев. Он напомнил мне секвойю, с которой я был знаком в Кентукки, и я представился ему, спросив, могу ли я посидеть под его кроной. Пожалуйста, прошелестело дерево. Полив землю водой, я устроился у ствола и объяснил, что происходит в Такамацу. Дерево показало, что с радостью окажет содействие.

В поселке я купил у мастера, плетущего циновки, охалку соломы. Скатав из нее пучок примерно в фут длиной, я перевязал его веревкой. Затем сделал другой пучок, немного короче. Я связал их в виде креста, и разделил надвое внизу вертикальный, наподобие ног. Моя излюбленная часть колдовства: работа руками. Приготовление орудий. Не знаю, почему я терял время впустую, предаваясь теоретическим размышлениям. В первую очередь я колдую руками.

Я достал тушь и кисточку, и внезапно наступила такая тишина, что я оглянулся вокруг, недоумевая, в чем дело. В кронах деревьев перестал шелестеть ветер, и на весь остров легла гнетущая тишина. Волнуясь, я развернул клочок бумаги (из сочинения Кусахары!) и окунул кисточку в тушь. Думая о Кусахаре, представляя ее напудренное лицо, ее дорогое платье, я написал иероглифами ее имя и дату рождения. Я вывел их аккуратно, тщательно, тушью черной и блестящей, как антрацит. Ожидая, когда надпись высохнет, я оглядывался вокруг, словно опасаясь, что из леса выскочит Кусахара и набросится на меня. Начинало смеркаться, деревья смыкались вокруг меня. К счастью, я захватил фонарик.

Когда тушь высохла, я вплел в солому на груди полоску бумаги. Когда я закончил, фигурка стала походить на участницу конкурса красоты с табличкой на груди.

Повернувшись к дереву лицом, я поклонился.

— Прошу прощения, что беспокою вас, но мне очень нужна ваша помощь.

Ветви чуть наклонились. Прошу вас.

В рюкзаке у меня были три гвоздя. Семидюймовых. Такими сшивают бревна. Я взял один гвоздь, наслаждаясь его тяжестью, значимостью. Все, что я делал до этого, было пассивным. Исследования, переговоры — да я оставался в стороне, словно общество «Красного Креста»! Забив гвоздь в

варанингё, я объявлял войну госпоже Кусахаре. Стоя с этим гвоздем в руке, я вспомнил случившееся со мной в первом классе, когда я выяснил, что произойдет, если засунуть нож в розетку.

Я едва не пошел на попятную. Моя жизнь была такой безмятежной. Затем я вспомнил извивающуюся в кровати госпожу Мори, недоумевающую, отчего собственные внутренности так мучат ее.

Прижав варанингё к дереву левой рукой, я приставил первый гвоздь к ее голове. Достав из-за пояса молоток, я нанес такой сильный удар, что гвоздь вошел в дерево сразу на несколько дюймов. Еще удар. Тук-тук-тук. Листва заглушала звук. Второй гвоздь вошел в грудь, словно змея прошуршав сквозь солому. Третий — в живот. Пусть тварь вкусит свое же снадобье.

Вот и все. Быстро и решительно. Да! Дед, вынужден признаться, я получил от этого наслаждение. Ты очень строго следил за тем, чтобы я не творил заклятья, пока не вырасту, но, полагаю, дело говорит само за себя. Действие! Поступки, не слова! Я собирался помучить Кусахару несколько часов, затем заключить с ней перемирие. Выжидая, я представлял себе предстоящую философскую беседу с ней. «Видите ли, госпожа Кусахара, ваше дурное деяние привлекло добрый поступок, который нейтрализует его. Все должно находиться в равновесии. И думать не смейте приставать к другим ученикам. Разумеется, мы можем сделать так, чтобы случившееся осталось между нами...»

Я стоял в сгущающихся сумерках, охваченный подобными победными мыслями, и вдруг варанингё пошевелилась. Я был настолько поражен, что выронил молоток и отскочил назад.

Затем заставил себя подойти к дереву. Руки куклы поднимались и опускались, а ноги дергались, словно она молча пыталась высвободиться. Потянувшись к ней, я постучал по гвоздям, убеждаясь, что они забиты накрепко. Боже, она сошла с ума! Мастера куклу, я подумывал, не нарисовать ли ей тушью глаза; теперь я радовался, что не сделал этого.

— Оставь Мори в покое, — произнес я вслух.

Кукла затихла на мгновение, затем снова напряглась. Собрав свои вещи, я сложил их в рюкзак на тот случай, если придется спасаться бегством. Затем я отошел на безопасное (как я надеялся) расстояние и стал смотреть.

Рассуждая: Кусахара на двадцать лет старше меня. Она занимается колдовством почти столько же, сколько я живу на этом свете. Как много она узнала? Насколько она сильна?

Закат погас, и варанингё превратилась в бледнеющий крест на фоне более темной коры. Подойдя ближе, я направил на маленькую чертовку луч фонарика. И очень хорошо, что я сделал это. Гвоздь, вбитый в живот, медленно вылезал.

Я заморгал, протирая глаза. Действительно: гвоздь вращался против часовой стрелки, словно его выкручивали отверткой, и медленно выходил из куклы.

Сильна, решил я. Очень сильна. Закусив губу, я забил гвоздь обратно. Варанингё пыталась освободиться, извиваясь всеми соломенными конечностями, словно насекомое.

На какое-то мгновение она затихла, словно собираясь с силами. Затем начал вылезать гвоздь, вбитый в голову. Упав духом, я забил его назад.

Боже, как я хотел, чтобы ты был рядом, имел возможность помочь

мне. Мое первое заклятие, и весьма неплохо сработанное, а Кусахара пересиливает его. Если она освободится — об этом не хотелось и думать. У меня перед глазами неотступно стоял образ лже-Генри Дава, скрученного жгутом, и я стиснул молоток так сильно, что у меня заболела рука.

Да нет — молоток не при чём. Я ударил по гвоздю в животе, и костяшки пальцев пронзила боль. Кусахара отвечала. Посылала какую-то силу посредством варанингё. Или же направляла против меня мою собственную энергию?

Чудненько. Я ударил по среднему гвоздю — и боль распространилась уже по всей руке. Плохо, Генри. Я подождал, пока гвоздь не вылез почти полностью, после чего нанес удар, со все силы, и рука едва не отнялась. Боль была настолько сильная, что я выронил фонарик, и лампочка разбилась.

К этому времени миновал лишь час после захода солнца. Несомненно, прежде чем закончится ночь, Кусахара освободится. Ускользнув из-под моего удара, она сможет беспрепятственно нанести контрудар, используя всю свою мощь.

Помнишь игру, которая была на ярмарке у нас в штате? Ту, где пластмассовые кроты высовывают головы из нор, а тебе нужно загонять их обратно деревянным молотком? В нее-то я и играл теперь; только продолжаться она была должна до тех пор, пока кроты не вырвутся наружу и не сожрут меня. Без фонарика узнавать, который гвоздь вылезает, можно было только последовательно колотя по всем ним до тех пор, пока у меня не начинала отваливаться рука. К счастью, Кусахара могла вытаскивать лишь по одному гвоздю за раз. Но, похоже, у нее это начинало получаться все лучше и лучше. Гвозди выползали все быстрее, а паузы всё сокращались. И каждый раз, когда я наносил удар молотком, это причиняло мне все большую боль. Я переложил молоток в левую руку, затем стал менять руки, понимая, что надолго меня не хватит. Плечи мои пылали. Рукоятка молотка стала липкой от крови из разбитых пальцев. У меня мелькнула глупая мысль: я превращусь в безрукого нищего. Я говорю, глупая, потому что судя по той скорости, с которой развивались события, будет хорошо, если мне вообще удастся выбраться из леса, хотя бы и без рук.

Когда в лесу появились огоньки, я принял их было за светлячков. В конце концов, на дворе же лето. Но огоньки были слишком крупные и нечеткие. Три больших зеленоватых туманных пятна, зависших в воздухе, медленно приближались.

У меня волосы встали дыбом, но я остался на месте, продолжая прибивать проклятую куклу к дереву. Огоньки двигались беззвучно, сходясь ко мне, как волчья стая.

Три огонька сблизилась, стали ярче, слились воедино. На меня надвинулся один большой сгусток света, ослепительный, словно зеленая луна, и я пригнулся. Свет приблизился к дереву, как раз когда из сердца куклы вылез гвоздь. Я был напуган до смерти, но, по крайней мере, теперь все было прекрасно видно.

— Извините, — промолвил я и нанес удар молотком.

Когда металл прикоснулся к металлу, у меня по руке разлилась адская боль. Вскрикнув, я выронил молоток и опустился на колени на землю. Когда я поднял взгляд, вся роща наполнилась десятками светящихся созданий, подобных обитателям океанских глубин, следивших

за мной холодным нечеловеческим взором. И вдруг, словно приняв какое-то решение, огоньки начали собираться в кучки. Затем все кучки слились воедино, образовав вихрящийся огненный шар диаметром в четыре фута. Его непрерывно меняющаяся поверхность напомнила мне морские течения, только движущиеся гораздо быстрее. Шар словно маленькое зеленое солнце залил поляну таким ярким светом, что деревья и кусты отбросили горизонтальные тени: черные тени, уходящие в толщу леса подобно лучам тьмы.

Шар медленно приблизился ко мне, буквально накатившись на меня осязаемыми, словно бревна, тенями.

— Не подходи, — прошептал я.

Шар надвинулся ближе.

Мне доводилось видеть блуждающие огоньки в Голубых Горах, но никогда так близко. Возможно, наши просто более застенчивы? Рэнди Фергюсон клянется, что это человеческие души, но я ему не верю. По-моему, это нечто более древнее. Дочеловеческое. Первозданное. Я никогда не слышал, чтобы кому-то удавалось приручать их. Если это не союзники госпожи Кусахары, прибывшие освободить ее, то кто они?

Обезумевший от страха, я отполз в сторону, освобождая подход к дереву.

Светящийся рой легонько, почти нежно прикоснулся к варанингё, словно слон, тычущий хоботом в дрессировщика. На этот раз гвоздь не выскользнул. Он буквально вылетел, попав в светящийся шар. Тот отпрянул на фут назад.

Я внутренне приготовился к тому, что и остальные гвозди выскочат, и варанингё освободится. Бежать бессмысленно. С таким же успехом можно оставаться на месте. В лесу она сможет напасть на меня откуда угодно. Здесь, по крайней мере, я увижу ее в свете блуждающих огней. Руки мои онемели, но, возможно, мне удастся отбиться ногами. Я пригнулся, готовый дать кукле отпор. Настрой камикадзе: если мне суждено умереть, я возьму ее с собой.

Светящийся шар снова приблизился к дереву. Внезапно с его поверхности сорвался огненно-красный луч, подобный жалю гигантской пчелы. Он прикоснулся к варанингё, и кукла содрогнулась. От сухой соломы поднялась струйка дыма. Луч оказался гвоздем — раскаленным докрасна. Шар надвинулся на дерево, вгоняя в него жало — пылающий жаром гвоздь. Кукла окуталась дымом, и мне показалось, что я слышу ее крик. Светящийся шар отлетел назад, и я успел увидеть, как кукла вспыхнула желтым пламенем. С минуту соломенное чудовище извивалось, объятное пламенем. Наконец оно рассыпалось на части, которые упали к подножью кедра. Пламя, задрожав, погасло. Светящийся шар, словно дождавшись этого, лопнул как мыльный пузырь. И сразу же на поляне стало темно.

Спотыкаясь, я доплелся до кедра и удостоверился, что он не загорится. Варанингё превратилась в горстку потухшего пепла, в которой с треском мигали последние оранжевые искорки. Наощупь отыскав молоток, я, преодолевая боль, вытащил из дерева гвозди. Средний все еще был горячий. Извинившись перед кедром за доставленные неудобства, я щедро напоил его водой. Затем, удалившись на противоположный край поляны, я стал ждать рассвета.

Утром я направился назад в поселок. Из первого же телефона-автомата я позвонил домой госпоже Мори. Когда она ответила мне

здоровым счастливым голосом, у меня радостно заколотилось сердце.

— Кажется, у вас все замечательно! — сказал я.

— Благодарю вас, сенсей. Извините, что вчера вечером не была на занятиях. Я прогуляла. Но обещаю наверстать.

— Ничего страшного. Меня тоже не было.

— Вы не заболели?

— Нет. Отчасти. В общем, долгая история. Как вы себя чувствуете?

— Сияю как пасхальное яйцо. Вчера ночью, не успела я и глазом моргнуть, боли прошли. Мой врач — шарлатан. Он сказал, это чудо.

— Врачи далеко не все понимают, — рассмеялся я.

Госпожа Мори стала серьезной.

— Вы еще не слышали про бедную госпожу Кусахару?

— А что с ней стряслось?

— Вчера ночью она умерла. У нее дома произошел пожар. Полиция говорит, должно быть, она курила в постели.

Я сказал все, что подобает в таких случаях — просто ужасно, какое потрясение и так далее — а затем, повесив трубку, с удивлением ощутил приступ дурноты. Я не собирался убивать ее. Мне просто хотелось шлепнуть ее по руке, заставить прекратить приставать к моему другу. Я не ожидал, что все так обернется. Закрыв глаза, я опустил на пол телефонной будки, где и просидел до тех пор, пока в дверь не заколотил какой-то мужчина в деловом костюме.

— Извините, — пробормотал я, приходя в себя.

Он грубо высказался насчет иностранцев. В отместку я опустил в автомат монетку. Когда до мужчины дошло, что я оплатил его разговор, то есть, оказал ему любезность, он бросился вдогонку за мной, пытаясь сунуть монету мне в карман, но я убежал от него, оставив своим должником. Ха!

Вот так, дед, я и вляпался в беду. Несмотря на решимость оставаться в стороне, я снова вернулся в мир. Я совершил действие, которое вызвало волны. И дело не только в смерти госпожи Кусахары. На прошлой неделе, когда я вышел на балкон полить мою сосну, я увидел волшебные зеленые огоньки, облепившие соседний дом. Я подумал, что это случайность, но прошлой ночью они тоже были здесь.

Понимаешь, они оказали мне любезность, и я должен расплатиться с ними.

Есть какие-нибудь мысли?

Твой не совсем еще оперившийся внук.

Генри.

Дафна де Джонг Роймата¹⁷

Почувствовав что-то под ногой, она решила, что это необычная ракушка и нагнулась посмотреть. На берегу ракушек было много и она уже засунула четыре или пять в карманы джинсов. Но это оказался гладкий осколок резного зеленого камня, легко помещавшийся в ладони.

Долгие поиски в песке второй половинки так результата и не дали, хотя края скола почти не стерлись.

Девушка дотронулась до гладкой поверхности, провела кончиками пальцев по резьбе. Внезапно солнце зашло за тучу и злобный порыв ветра хлестнул по ногам песком. Она поежилась. Пора возвращаться в дом, который ее новозеландские друзья называли бач — одно из новых слов, выученных ею за год пребывания здесь. Это ее последние выходные у моря, потом она отправится домой, в североамериканскую зиму.

— Как вы думаете, что бы это могло быть? — спросила она супругов Грэйс, показывая свою находку.

— Похоже на половинку тики, — медленно проговорил мистер Грэйс. — Может быть даже из нефрита. Жаль, что он сломан, Вики. Это могло бы оказаться ценным сувениром.

Позже их сын Гэри отнес находку эксперту в Оклендский университет, и тот подтвердил: это действительно новозеландский нефрит и, похоже, часть тики. Скорее всего он был утерян лет двести назад. Сильный ветер, постоянно меняющий форму дюн, иногда открывает древние скелеты, инструменты и оружие давно умерших воинов, и следы китобоев девятнадцатого века из Англии, Австралии, Америки, Франции И даже России, которые вели свою кровавую торговлю у этих берегов. Время от времени неутомимые пески обнажают проржавевший край сосуда, в котором вытапливали китовый жир, или лезвие, которое когда-то вспыхивало резко и ярко в лучах зимнего солнца, отделяя мясо от неподвижной туши.

Вики была в восторге от своей находки, хотя Гэри и поддразнивал ее, говоря, что половинка тики принесет только половину удачи.

— Я не суеверна, — отвечала она. — И не верю, что дешевые пластиковые имитации, которые продают в аэропорту, могут принести больше удачи, чем пусть даже и половинка настоящего нефритового тики. А что если когда-то он принадлежал вождю? — Ее глаза приняли мечтательное выражение.

— Или прекрасной маорийской девушке, — вздохнул Гэри, приложив руки к сердцу. — Большие темные глаза, золотистая кожа, покачивающиеся бедра, льняная юбка.

Фантазия воспаленного мужского воображения, усмехнулась она, на что он с улыбкой ответил:

— А как насчет твоей? Твой вождь мог бы запросто съесть тебя...

Тем не менее Гэри помог ей искать другую половинку тики. Но они так и не нашли ее.

В деревне рассказывали старую историю об огромной белой птице, которая прилетела однажды ночью и села на воды залива. А утром от птицы отделилось яйцо и превратилось в каноэ, неуклюжее и толстое, совсем не похожее на узкие длинные боевые каноэ с высокими носами, которые маори делали из деревьев в обхват толщиной, выжигая сердцевину и обстругивая бока заостренными каменными инструментами. Приплывшие на странном каноэ были духами, не людьми. С кожей не золотистой, а белой, как у духов. И люди очень боялись.

Духи жестами и звуками потребовали воды и еды. В обмен они дали людям мягкие плащи и топор — сверкающий и устрашающе острый. А когда сердились, могли вызвать на землю гром и молнию, чтобы убивать

на расстоянии, просто указывая палками на человека, которого хотели наказать.

Затем маори обнаружили, что прибывшие все-таки не духи. Молодой рангатира, осматривающий их каноэ, был грубо отодвинут в сторону, и инстинктивно ответил на оскорбление достоинства воина, подняв свой острый пату и ударив обидчика.

Духи не истекают кровью и не умирают. Тайнственная сила черных палок коснулась многих воинов в последующей стычке, но в конце концов благоговейный страх народа был преодолен. Духи все-таки оказались людьми, огромная птица — только большим каноэ с парусами из какого-то мягкого белого материала вместо льна, и даже ружья уже не казались такими устрашающими и сверхъестественными — во время своих посещений племени чужаки были вынуждены продать несколько и показать как они действуют. Высоко ценимый мушкет стал обычным предметом торговли. И племя начало процветать в своих постоянных войнах с соседями.

Незнакомцы не были духами, но когда Роймата впервые увидела пакеха, которого, как она узнала позже, звали Матене, подумала, что он бог.

Утренний свет слабо пробивался через облака над сероголубым морем, темная линия горизонта отчетливо проступала на пылающем небе. Роймата наполняла свою льняную сумку-кити съедобными ракушками, собирая их с камней, которые скоро будут скрыты приливом, время от времени поглядывая с любопытством на контуры огромного каноэ в заливе, его три высокие мачты, напоминающие на рассвете копьа, с почти незаметными в утреннем свете парусами.

Когда от корабля отделилась лодка и начала прокладывать путь по воде. Роймата бросила последние собранные ракушки в кити, и, подняв ее одной рукой, начала карабкаться вверх по склону, уверенно ступая загорелыми ногами по мокрым камням: там, через просвет в стеблях льна, растущего на краю скалы, она могла лежа на животе наблюдать за незнакомцами из укромного местечка.

В лодке было шесть человек, у самого берега они выскочили и вытащили ее на песок. Роймата тихо засмеялась, глядя на их одежду, руки и ноги в узких трубках, которые казались ей очень неудобными. Головы их тоже что-то обтягивало, но не у всех. Ей показалось вначале, что на одном какой-то странный светлый головной убор, но потом она поняла, что это его волосы, и, удивленная подползла ближе к краю обрыва, чтобы разглядеть получше. Ее собственные длинные черные волосы, коснувшись щеки, волной легли на землю.

И тут неожиданно песок подался у нее под локтями и девушка кубарем полетела вниз. Она даже не успела ни о чем подумать, как уже лежала навзничь на плотном утрамбованном волнами песке. Все вокруг еще кружилось.

Слышались чьи-то крики, топот ног по песку, и скоро над ней склонились лица людей — бледные, угловатые, некоторые покрытые странными светлыми волосами.

Роймата хотела подняться и убежать от этих лиц, но когда попыталась пошевелиться, почувствовала в левой ноге ужасную боль, и хотя ломило все тело, боль в ноге была намного хуже. Лица начали расплываться и исчезать, потом они отодвинулись, один голос пробился сквозь гомон и одно лицо четко проступило перед ней. На нее смотрели

глаза цвета летнего неба и Роймата потрясенно прикрыла свои карие глаза. У мужчины не было бороды, а когда он улыбнулся, сквозь просвет в тучах пробилось солнце и его волосы засверкали. Девушка изумленно вскрикнула...

Она не поняла, что говорил незнакомец, но голос звучал успокаивающе, и Роймата позволила взять себя за руку. Он улыбнулся, осторожно убрал ее волосы с лица, и осторожно ощупал ее голову и все тело, не переставая тихо говорить на своем языке. Один из его спутников что-то сказал и засмеялся, и человек, осматривающий ее, повернул голову и резко сердито ответил. Но потом опять улыбнулся ей и продолжил свою мягкую неторопливую речь. Но когда он дошел до ее ноги, прекратил улыбаться и через мгновение сказал на ее языке, сильно коверкая слова:

— Тебе больно?

Удивленная, она кивнула в ответ.

Он опять дотронулся до ноги, и девушка, посмотрев вниз, увидела, что нога выглядит неправильно, как будто согнута в бедре. В деревне была с детства хромая женщина. Она ходила, как краб. Страх охватил Роймату, она поежилась.

Человек дотронулся до ее руки и опять заговорил на своем языке в прежней успокаивающей манере. Он повернулся к своим друзьям и что-то отрывисто сказал им. Те двинулись прочь. Девушка увидела, как один пошел к лодке и достал топор, острие которого зловеще сверкнуло в слабых лучах солнца.

Она встревожено посмотрела на мужчину, склонившегося над ней. Он засмеялся, покачал головой и опять дотронулся до ее руки. Роймата не поняла, что он сказал, но улыбнулась в ответ, показывая, что поняла — топор не принесет ей вреда.

Один из ушедших вернулся с двумя прямыми обструганными ветками и с матерчатый парусом с их странного судна.

Светловолосому незнакомцу палки, похоже, понравились, но при виде сероватого паруса он покачал головой, и с отвращением отбросил его. Затем нетерпеливо снял с себя верхнюю часть своего одеяния и принялся рвать его на длинные полосы, помогая себе зубами, а потом и ножом, который протянул ему один из его спутников.

Когда он приказал двоим держать ее, Роймата испугалась и попыталась вырваться, но он опять заговорил с ней, используя немногие слова маори, которые знал «сломанный», когда дотронулся до ее ноги, и «лечить», когда показал на себя. Она видела, как после сражений приносили домой воинов со сломанными ногами и руками, и догадалась, что он хочет помочь ей. Голос заставлял верить ему, и когда незнакомец крепко взялся за ногу, девушка не сопротивлялась.

Накатила жгучая боль, Роймате хотелось закричать и бешено отбиваться от держащих ее людей, но голос продолжал звучать, убеждая, что никто не хочет ее смерти.

Девушка крепко зажмурила глаза и сжала зубы, чтобы не кричать. Ведь она уже почти взрослая, ей скоро сделают татуировку — витиеватый голубой узор моко на подбородке и губах, который будет означать, что она уже взрослая женщина, готовая для замужества. Ей придется лежать не двигаясь под костяной иглой татуировщика. Разумеется, она так же смело может вынести и эту боль.

Что-то жесткое и холодное прикоснулось к ноге и острая боль

пронизала насквозь, когда незнакомец начал обматывать ее чем-то.

Роймата услышала, как он сказал «умница», и хотя не знала, что означает это слово, но в следующий раз оно показалось уже знакомым. Девушка открыла глаза, но небо почернело, и уж, верно, начался прилив, потому что кожа стала влажной и холодной, и ревущее море поглотило ее.

Вики проснулась в холодном поту, вместо песка — смятые простыни и мягкий матрас. Смутная боль в левой ноге исчезла, когда Вики пошевелила ею, опасаясь, что ее сейчас снова пронзит насквозь. Она усмехнулась своим страхам, сидя на кровати и с облегчением теребя ситцевую пижаму, отгоняя воспоминания о том, как похлопывала по ногам льняная юбка.

И с тенью сожаления подумала, что парень был неплох.

Вики слышала, как миссис Грэйс возится на кухне, а Гэри насвистывает, направляясь в ванную. Пора вставать, нельзя терять ни секунды. Последняя неделя в Новой Зеландии.

Наверное, тот глупый разговор с Гэри повлиял на ее сон.

Она встала и подошла к зеркалу, чтобы расчесать волосы. Каштановые, едва достигающие до плеч, а глаза зеленоватые, но Вики помнила, как прямые черные волосы касались ее обнаженной спины и ощущала легкую тяжесть тики размером с ладонь на льняном шнурке вокруг шеи.

Тики лежал на столике с несколькими ракушками и камнем, через которой проходила жилка золотой пыли. Девушка подняла осколок нефрита, немного потрясенная тем, что знала как выглядел оригинал: трехпалые руки, сложенные на животе, согнутые ноги, огромная голова, посаженная под прямым углом, маленькие отметины, нанесенные резчиком на остром высовывающемся языке.

Она провела большим пальцем по кривым ногам и круглому животу — все, что осталось от тики — и такая сильная тоска неожиданно охватила ее, что глаза наполнились слезами, и она удивилась, увидев свое отражение в зеркале.

Вики быстро положила камень. Ей грустно, потому что она скоро уезжает, а тики все одинаковы. Ничего удивительного, что она смогла столь живо вообразить его.

Гэри постучал в дверь.

— Эй, соня, ты еще не встала? Мне прийти и вытащить тебя из постели?

— Я ждала, пока ты выйдешь из ванной! — ответила она. — Я-то уже давно. Ты сам только что вылез из кровати!

— Ну да! — сказал он, угрожающе дергая ручку двери.

Донесся укоризненный полос матери Гэри, тот засмеялся и отошел.

Вики было интересно, что бы тот сказал, если бы узнал, что во сне она была той самой маорийской девушкой, из его легенды. Забавно, она так и не увидела вождя, которого себе представляла. Может быть тики действительно принадлежал такой девушке в то далекое...

С Гэри было весело. И среди множества хорошеньких девушек, маори и «пакеха», он все же выбрал Вики. Они нравились друг другу и собирались переписываться, когда Вики вернется домой.

Ночью накануне отъезда ей опять снилась Роймата, но когда Вики

проснулась, в памяти осталось лишь ощущение того, как ее несли на носилках, сооруженных из грязного паруса и пары весел, как ее с подозрением встретили молодые воины с резными копьями *тайаха* в руках, и как она пыталась рассказать им, что незнакомец выправил ей ногу; помнился еще образ женщины с густыми черными волосами и голубой татуировкой на подбородке — матери Ройматы, которая опустилась около нее на колени и принялась, раскачиваясь, напевать...

И имя, которое звучало у Вики в ушах, когда она проснулась — Каху. Имя, которое наполнило тревогой.

Дома, конечно, хорошо, как ни жаль было покидать Новую Зеландию. Несмотря на холодную и ветреную погоду, сам дом казался даже теплее и уютнее, чем в воспоминаниях, голоса ее близких и друзей звучали участливо и приветливо после отрывистого и резкого говора Новой Зеландии.

Приехала с мужем и маленьким сыном ее сестра, и даже младший брат Тони сидел относительно тихо, пока Вики восторженно говорила о поездке и выкладывала на стол сувениры и фотографии.

— А вот мой наполовину счастливый талисман, — сказала она, вытаскивая тики из шкатулки с ракушками, камушками, открытками и всякой всячиной. — Я сама нашла его, вещь старинная, по оценкам специалистов ему не меньше сотни лет, а может и все две.

Тони больше понравился пластмассовый тики, который сестра купила ему, хотя и дешевый, зато целый. Но древность нефрита произвела некоторое впечатление на родителей и сестру.

Вики отправилась спать усталой и довольной, оставив шкатулку с сувенирами на тумбочке у кровати.

Каху смотрел на нее через пространство между варэ их семей. Роймата стояла в тени плотной ткани навеса, на костылях, которые сделал для нее один из приятелей Матене по его заказу. Лечение продвигалось хорошо, из сбивчивых объяснений на маори она поняла, что скоро дощечки от ноги отвяжут, и она сможет ходить сама.

Спутники называли его «доктор», а когда Роймата попыталась вымолвить странные звуки — «токаторе?», показав на него, он засмеялся и повторил, добавив еще что-то, настолько сложное, что она даже не попыталась воспроизвести.

Разочарованная и немного обиженная его смехом, девушка отвернулась, плотнее завернувшись в покрывало. Он взял ее за руку, и мягко сказал, показывая на себя:

— Мартин, Мар-тин.

Она упрямо продолжала смотреть под ноги, тогда он позвал ее:

— Ро-йи-маата?

Он так тщательно выговорил ее имя, что ей тоже захотелось улыбнуться, и она снова отвернулась. Тогда он взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя.

И опять улыбнулся:

— Мартин.

А когда она попыталась повторить, на мягком языке маори получилось «Матене». Услышав в ответ «умница», Роймата просияла, потому что теперь знала — это текучее слово означает, что ею довольны.

Но Каху не нравилось, что она улыбается Матене. Каху был среди молодых воинов, встретивших их в то утро, когда Роймата сломала ногу.

Он оттолкнул Матене в сторону и потянулся к девушке, а когда Матене не пустил его, Каху угрожающе поднял свое копье, но Роймата закричала: «Каху, не надо! Не трогай его. Он помог мне!»

Тогда он неохотно опустил оружие и проводил процессию в деревню.

Все время, пока Матене помогал Роймате устроиться и объяснял ее семье с помощью знаков и небольшого запаса маорийских слов, что повязку нельзя снимать, пока он не придет в следующий раз, Каху настороженно стоял рядом. Один из спутников Матене, который знал язык чуть лучше, объяснял вождю, что белые люди хотят построить свою деревню на берегу, убеждая его, что его народ станет богаче, обменивая овощи и свинину на покрывала, топоры, железные ножи и мушкеты.

Матене часто приходил проводить Роймату и удостовериться, что его распоряжения выполняются. Сначала Каху тоже часто приходил, чтобы принести жирного голубя, которого он добыл для нее, или тонкую серебристую кахаваи, попавшуюся в сети, расставленные им ночью у берега.

В детстве Каху был ее лучшим другом в деревне, такой он был быстрый и отзывчивый и любил смеяться. Но также быстро он сердился и мог даже ударить Роймату, если она раздражала его в игре. Да и она не стеснялась дать ему сдачи, и иногда даже одерживала верх. Но с возрастом Каху становился сильнее и все больше гордился, что он мужчина — воинская доблесть ценилась в племени выше всего. Он уходил с другими мальчишками играть в войну с легкими копьями из тростника, перелетать через реку на льняной веревке, прикрепленной к столбу на берегу, учиться охотиться на птиц и крыс, грести на боевом каноэ.

Роймата научилась жать лен, трепать его, очищая волокна с помощью острых ракушек, плести кити, чтобы готовить в земляных печах; и ткать замысловатые узоры для стен большого дома собраний, где вождь и совет воинов-рангатир обсуждали важные для племени дела.

Каху вырос высоким и сильным воином; на его щеках и бедрах уже красовались татуировки. Другие девушки начали исподтишка поглядывать на него и хихикать, когда он проходил мимо с пером в густых вьющихся волосах, длинным тайаха за плечами и остроконечным пату на поясе. Роймата не поднимала глаз от своей работы.

Но она знала, что Каху безотрывно наблюдает за ней. Однажды вечером Каху придет в дом ее родителей и заберет ее с собой, неважно, будет она того хотеть или нет. А утром ее отец придет со своими родственниками и потребует, чтобы дочь вернули. Будет сказано много сердитых слов, и, возможно даже, ее родственники отнимут ее обратно, но Каху позовет на помощь своих родичей и после многих угроз, размахивания кулаками, тайаха и пату, Каху заплатит ее отцу выкуп — юту — в возмещение потерянное дочери. И таким образом они поженятся.

Роймата была уверена, что он придет за ней, и пыталась представить, как она будет сопротивляться и кричать, призывать на помощь родных, чтобы Каху мог показать всем, как он силен и смел, и убедить ее, что любит, достаточно сильно и готов грудью встретить любую опасность, чтобы взять ее в жены.

Или, возможно, если бы он вначале стал одаривать ее сладкими словами и мелодиями флейты, она бы тихо ушло из родительского дома по первому зову Каху и, ступив под покров его плаща из перьев, доверившись его сильным рукам вошла бы в его варэ, где осталась бы до

утра.

Но, может быть, он и не придет. Он перестав приносить подарки с тех пор, как они сильно поссорились — с тот день Матене впервые разрешил ей встать.

Матене поддерживал ее, пока она не привыкла пользоваться грубыми костылями. Каху смотрел издаലെка, а когда Матене, смеясь и поддразнивая Роймату на двух языках отошел, Каху приблизился и, бросив неприязненный взгляд на белого человека, сказал:

— Я буду ходить с тобой.

Матене шел с другой стороны от нее на расстоянии нескольких футов, и через некоторое время Каху добавил:

— Вели ему уйти.

Роймата не сделала этого, тогда Каху попытался поторопить ее и еле успел подхватить, когда она споткнулась. Матене подошел ближе, что-то резко выговорил Каху, и молодой воин оскорбленно зашагал прочь.

Потом, Роймата сидела у варэ отца, чувствуя себя усталой, но счастливой. Костыли лежали рядом. Каху подошел и встал перед ней, пнув костыли.

Они плохо сделаны. Эти пакеха с их острыми железными ножами и топорами, которые валят деревья быстрее, чем успеваешь мигнуть — на лучшую резьбу они не способны?

Роймата ничего не сказала, глядя перед собой на его широкие ступни, переминавшиеся в пыли.

— Я бы мог сделать для тебя пару новых ног получше этих! — сказал он и еще раз со злостью пнул костыли. Один из них подпрыгнул от удара и упал на руку девушке, больно поранив.

Рассерженная, Роймата взглянула на его темное от гнева лицо над собой и выпалила:

— Ты бы даже не додумался! Как бы ни хвастался, умом ты не справишься с пакеха!

— Умом? Где тут ум?

Он поднял один из костылей, осмотрел грубую работу и снова швырнул с показным пренебрежением.

— Матене вылечил мою сломанную ногу.

— Откуда ты знаешь, что вылечил? Ты можешь ходить без этих неуклюжих палок?

— Я буду! Матене говорит, что смогу!

— Матене, Матене! В последние дни ты больше ни о чем не думаешь, только об этом пакеха! Лучше бы он вообще здесь не появлялся!

— Понятно, ты бы хотел, чтобы я всю жизнь провела, как чайка с одной ногой, как бедная Ману, которая ходит боком, потому что ее нога согнута, как была и моя, пока Матене не вылечил ее!

— Может быть, ты бы ее вообще не сломала, если бы вместо того, чтобы глазеть на каноэ чужаков, вернулась бы домой. Ты что, пыталась лучше рассмотреть своего драгоценного Матене, когда упала?

Наверное вид у Ройматы был виноватый, потому что у Каху вырвался возглас отвращения, он повернулся и зашагал прочь.

Теперь он сидел перед своим варэ, натачивая и без того острый край пату, крепко держа короткую резную ручку и проводя точильным камнем по закругляющемуся лезвию, которое в бою могло перерезать человеку горло или раскрыть череп.

Роймата ответила на его мрачный взгляд осторожным безразличием,

отведя глаза на группу женщин, ткавших полотна, мальчишек, дерущихся в пыли, четырех девочек, пытающихся освоить замысловатые ритмичные движения игры с палочками: глухой удар по земле, звонкий палочкой о палочку, передай другому.

Первыми подняли головы женщины, руки с работой замерли, затем повернулись девочки, застыв с палочками в руках, и мальчишки прекратили игру и повернулись к тропинке — там появился Матене со своим помощником. Они поднимались от моря, отодвигая с дороги листья папоротников. Заковыляв навстречу пришедшим, Роймата краем глаза заметила, как Каху, поднялся, крепко сжав рукоять пату, повернулся и исчез в своем варэ.

Вернуться в школу было замечательно. Вики восстановила старые знакомства и завела новых друзей. Путешествие расширило ее кругозор. Многие хотели услышать о Новой Зеландии, и она привыкла рассказывать о своей поездке. Обычно по субботам получалось так, что Вики с кем-то встречалась, но постоянного приятеля у нее не было. Гэри писал почти каждую неделю, и она отвечала так же часто. На ее столике у кровати вместе с осколком тики и камнем с золотыми прожилками стояла фотография Гэри и его семьи.

Иногда Вики с каким-то нелегким чувством смотрела на нефрит, ей казалось, что это он навевает ей сны о месте и времени, которые не имеют ни малейшего отношения к Вики Карр и ее жизни. Но сны были достаточно безобидны, и в последнее время они наполнились звенящим счастьем, озарявшим и ее реальную жизнь. По утрам образ белокурого человека казался более реальным, чем фотография Гэри на ее столике и даже более реальным, чем воспоминания о свидании вчера вечером.

Она стояла на вершине скалы, широко расставив ноги и закутавшись в плащ, а ветер бросал соленые брызги ей в лицо. Роймата смеялась от счастья, ощущая крепость и стройность своего тела.

Она впервые пришла на берег с тех пор, как упала со скалы, и дольше всего оставалась на ногах. Это была самая длинная прогулка после того как Матене убрал дощечки и повязки.

В последнее время он уже не приходил в деревню так часто, а ей хотелось его увидеть.

Хижины пакеха были разбросаны по берегу чуть выше места, куда доходил прилив. Некоторые не отличались от варэ маори, потому что те построили из в обмен на табак, топоры и мушкеты. Но хижина, где китобои хранили свое оружие, была выстроена ими самими, и на ее крепкой двери висел какой-то волшебный предмет, позволяющий входить только вождям пакеха. В другом запертом помещении были запасы одежды, продовольствие и инструменты. Это она узнала, с интересом расспрашивая тех, кто побывал на берегу, чтобы удовлетворить свое любопытство или предложить свои услуги в надежде получить больше вожаделенных товаров белых людей.

Там, у кромки воды, стояло странное устройство, похожее на огромный угловатый скелет, который позволял людям вытаскивать мертвых китов из воды, чтобы можно было срезать с туши слой жира и вынуть упругий ус из пасти. Когда добывали кита, маори пировали мясом, но пакеха почему-то предпочитали отходы. Когда роды у китов проходили и они переставали подплывать ближе к берегу корабль возвращался и

забирал китобоев с собранными ими жиром и усом.

Из песка оставались торчать ребра, над которыми тучей кружили чайки, склевывая остатки гниющего мяса.

Лодок на берегу не было видно. Китобои, набравшие гребцами молодых маори из деревни, вышли в море в ежедневных поисках добычи.

Но Матене не ходил за китами. Его задачей было ухаживать за двумя мужчинами, пострадавшими во время шторма на море, когда их корабль еще не вошел в залив, и еще за одним, чуть не отсекшим себе ступню тесаком для отделения ворвани.

Роймата задумалась, где может быть Матене. А потом увидела, как он вышел из одной хижины и пошел по берегу, наклонив голову против ветра; его светлые волосы развевались на ветру. Она окликнула его и ринулась вниз по сыпучему песку на берег.

— Матене! Матене!

Она летела, как на крыльях, по зимнему прохладному мягкому песку, потеряв по дороге плащ. Матене обернулся, улыбаясь, и остановился, чтобы подождать ее. Девушка подбежала к нему, раскинув руки, смеясь, запыхавшись и все повторяя его имя.

Матене взял ее за руки и с удовольствием оглядел ее стройную фигурку и особенно ногу. Роймата даже попрыгала на ней, убирая от глаз черные волосы, чтобы показать, какая она сильная.

Ветер подхватил ее оброненную накидку и понес по песку. Матене легко дотронулся до ее руки, заметив, что ее смуглая кожа покрылась маленькими пупырышками и побежал за плащом. Роймата не осталась на месте, и они гонялись за ускользящей тряпкой по всему пляжу, смеясь и зовя друг друга на двух языках, чуть не столкнувшись пару раз лбами, когда оба нагибались за плащом, но ветер опять отбрасывал его в сторону, или подхватывал и поднимал над головами.

В конце концов, плащ упал в воду и волны потянули его за собой. Пришлось Роймате прыгнуть за ним.

Но только она собиралась завернуться в мокрую накидку, Матене покачал головой, взял девушку за руку и потащил за собой в хижину, где подарил ей одно из своих мягких серых одеял.

Его маорийский стал немного лучше, и, чуть спотыкаясь, он объяснил ей, как рад видеть ее здоровой; а она жестами, опустившись на колени и прижав его руку к щеке, попыталась передать, как она ему благодарна. Матене покачал головой и засмеялся, его бледная кожа приняла странный красноватый оттенок.

Он позволил Роймате исследовать свои вещи, и называл их имена, которые она старалась запомнить. Предметы были странными сами по себе, но их имена на его языке звучали еще более странно. Табуретка, стол, лампа, чашка, тарелка.

Некоторые из китобоев взяли из деревни женщин маори, чтобы жить с ними. Роймата с любопытством искала свидетельства того, что Матене делил жилище с вахиной, но не нашла никаких подтверждений. Она попыталась прямо спросить его об этом, но ее английский и его маорийский завели их в тупик, и ей пришлось оставить свои попытки.

Роймата подняла маленькую заостренную палочку и вопросительно посмотрела на Матена. Он взял что-то плоское белое с полки и стал наносить на нем маленькие черные знаки. Он сказал, что палочка — это «карандаш», а белый предмет — «книга», и она запомнила эти звуки, хотя прошло много недель, прежде чем смогла повторить их достаточно четко.

Когда он показал на сделанные им знаки и произнес ее имя, девушка не поняла связи, а когда он начертал еще несколько знаков и произнес свое, она совсем смешалась. Но Матене был терпелив, и постепенно она поняла, что существует связь между звуками и этими черточками. А так как ей хотелось сделать приятное Матене, она стала его прилежной и отзывчивой ученицей.

Сны были наполнены счастьем, смехом и чередой маленьких достижений. Часто, когда Вики просыпалась, слово одобрения «умница» все еще звучало в ушах, также как и обрывки разговоров на неуверенном английском и ломаном маори, смысл и слова которого были забыты, но воспоминания об общении оставалось. Иногда заботливая рука все еще будто лежала на плече и приходилось сознательно стряхивать ее потому что Вики ждал реальный мир и жизнь была не мене полна и интересна, чем в мире сновидений.

Она никому не рассказывала о своих снах, даже в письма к Гэри. Сны были слишком яркими и навязчивыми, и иногда закрадывалось чувство, что в своих снах она переживает реальные события чьей-то жизни. Вики взяла из библиотеки одну или две книги по переселению душ и экстрасенсорному восприятию. Они показались ей жутковатыми и не особенно полезными. В снах же не было ничего пугающего, хотя иногда по утрам девушке казалось, что за окном бушует море, штормовые валы разбиваются о берег и молнии мечутся в клубящихся тучах, холодный ветер и проливной дождь не выпускают китобоев из хижин, а маори из темных варэ, где они молча сидят, закутавшись в свои полотняные накидки или шерстяные одеяла, выменянные у пакеха.

Но погода не имела значения для Ройматы, пока светило солнце волос Матене, и голубое небо улыбалось в его глазах.

Только после автокатастрофы первые тени грусти начали закрадываться в сны.

Это было обычное столкновение, и даже довольно-таки глупое. Парень, который вел машину, где сидела Вики и еще одна парочка, резко свернул, чтобы не сбить большую собаку, которая откуда-то выскочила на дорогу. Он все говорил потом, что не должен был этого делать, но реакция сработала автоматически. Машина снесла изгородь и остановилась, врезавшись в крепкий столб ворот. Похоже, никто серьезно не пострадал, только у Вики на голове вздулась шишка и осталась ссадина, на какое-то время она потеряла сознание. Девушка провела ночь в больнице, затем ее отпустили домой, велев вернуться, если будут какие-то проблемы. Судя по всему, их не ожидалось.

Матене рисовал ее портрет. Роймата сидела неподвижно и ждала с терпением и гордостью, когда он закончит набросок. Сначала рисунки показались ей такими же непонятными, как и при первом знакомстве с письмом, черные и серые штрихи ничего для нее не значили. Но когда Матене попросил ее снять тики и изобразил его на бумаге, перенеся резьбу на свой двухмерный рисунок. Роймата посмотрела на наброски в книге другими глазами — и с удивлением и восхищением увидела, любуясь, что он нарисовал берег с хижинами, вид своего корабля с берега, одну из маорийских рыбацких лодок, плывущих по заливу, и некоторых своих товарищей за работой: с рубашками, развевающимися по ветру, напряженными мускулами, когда они налегали на весла, бросали

гарпун и тащили китов к берегу.

Однажды он попытался показать Роймате своими рисунками, как приплыл на своем большом каноэ с белыми парусами из далекого места, которое назвал Америкой, и которое, как он сказал, намного больше, чем Айтеароа. У девушки было только смутное представление о таком расстоянии и такой большой стране, но она слушала с интересом.

Когда Матене закончил рисовать, она посмотрела на лицо на бумаге, дотронулась до своего и хихикнула:

— Это я? Я действительно так выгляжу — спросила она на маори.

Матене засмеялся и начал искать что-то в сундуке, который стоял рядом с его узкой кроватью и тонким соломенным матрасом.

То, что он передал ей, было по форме похоже на пату, но без острого края, и когда он осторожно поднес предмет к ее лицу, Роймата удивленно отпрыгнула, а он засмеялся еще громче. Он обнял ее и сел рядом с ней, и его лицо тоже появилось в зеркале. Это было похоже на лужицу, которые оставались после дождя в углублениях на камнях, только намного более чистую. Роймата дотронулась до своего лица и принялась с удовольствием разглядывать его в зеркале, а потом Матене взял набросок и предложил ей сравнить с отражением, девушка посмотрела с одного на другое и просияла.

— Красивая, — сказал он с улыбкой, а когда она стеснительно прикрыла лицо рукой, опять засмеялся. Плотнее прижав ее пальцы к ручке зеркала, он показал, что его можно взять себе и отправил девушку домой.

По дороге она встретила Каху. Тот заступил ей путь. Когда Роймата попыталась свернуть в папоротники рядом с тропой, юноша схватил ее за руку и грубо спросил:

— Что это у тебя там?

— Тебя не касается!

— Это тебе дал Матене?

Она не ответила и тогда Каху выхватил зеркало у нее из рук, дернув так резко, что рука его описала дугу и с размаху ударилась о нижнюю ветку дерева, растущего около тропы. Стекло треснуло.

— Ты сломал его! — Роймата набросилась на Каху, обрушив град ударов на грудь, живот и голову, как некогда в детстве, когда он принимался дразнить ее.

Он уронил зеркало на мягкую землю, схватил ее за руки и держал, пока она не перестала брыкаться и не замерла, тяжело дыша в его руках.

— Я не хотела его сломать, — сказал он почти хмуро. — Если бы ты дала мне посмотреть, я не пытался бы отнять его у тебя.

Она выкрикнула в ответ обидное слово и лицо Каху окаменело.

— Забирай свой драгоценный подарок. Это все, что у тебя останется, когда этот свинья-пакеха устанет от тебя и уплывет домой.

Он грубо оттолкнул девушку и пошел по тропе к берегу.

Треснувшее стекло немного сдвинулось, отражение Ройматы уродливо исказилось, и от этого сердце наполнилось нехорошим предчувствием.

Страх и тоска стали врываться в сны, иногда ощущение счастья тонуло в грусти и печали.

У Вики начались частые головные боли, которые беспокоили ее в школе и мешали личной жизни. Может быть, думала она, они повлияли и

на ее сны. Или же...

Но мысль, что, может быть, все происходит наоборот, могла завести слишком далеко. Она подумывала даже избавиться от тики, но жизнь Ройматы теперь слишком захватила ее. Чтобы ни случилось, ей хотелось быть там. Ее мучило чувство чего-то незавершенного.

— Позволь мне быть твоей женщиной, — сказала она. Однажды Роймата уже пыталась попросить Матене взять ее своей маорийской женой, чтобы готовить, стирать и убирать для него и согревать его в холодные, пахнущие морем ночи. Но тогда он, похоже, не понял. Теперь же они общались намного свободнее. Роймата хотела принадлежать Матене хоть на время, да и Каху так считал, так почему бы нет?

Лицо Матене порозовело и приняло такой же оттенок, как и длинные свободные ситцевые одеяния, которые другие пакеха дарили своим маорийским женщинам. Он смущенно улыбался, глядя на свои руки.

— Ведь у тебя нет вахины, как у других мужчин, — настаивала Роймата. — Я буду твоей женщиной.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал он наконец. — Я польщен, Роймата.

Она не поняла, и Матене начал объяснять, запинаясь.

Когда Роймата уловила, что он отказывает, то обрушила на него поток красноречия, используя все самые убедительные маорийские и английские слова, которые только знала. Но он покачал головой, положил ей руку на плечо и достал что-то из кармана. Это было очень маленькое изображение женщины, похожей на Матене, со светлыми волосами и голубыми глазами.

— Видишь, у меня есть жена, Роймата, — объяснил Матене взволнованным голосом. — Скоро я вернусь к ней. Она — моя женщина.

Вики проснулась вся в поту, голова гудела и болела, в глазах — стреляющие вспышки, от которых боль усиливалась. Девушка испугалась, это уже не было сном, все происходило реально и не с кем-нибудь другим, а с Вики Карр. К полудню она была в больнице.

Вики слышала голос, который показался ей знакомым. Внимание девушки было настолько поглощено высоким блондином с голубыми глазами, что она почти не разглядела второго мужчину и старшую сестру отделения, подошедших вместе с ним к ее кровати.

Глаза Матене.

— Это мистер Коллинз, — сказала медсестра, показывая на второго. — И доктор Ричмонд.

Доктор. Доктор Ричмонд. Это имя ничего не говорило, но лицо... лицо было из ее снов.

— Я схожу с ума, — сказала Вики вслух, глядя на него.

Он улыбнулся.

Не думаю. Хотя, наверное, когда болит голова, действительно может так показаться. Но, я надеюсь, мы это скоро исправим.

Пока ее осматривали и проверяли рефлексы и зрение, Вики пыталась понять, не сон ли это, и если сон, то когда он начался? Сегодня утром? Или сразу после автокатастрофы? А была ли вообще автокатастрофа? Были ли сны? Может быть, у нее галлюцинации?

Когда сегодня утром мама собирала ее вещи, Вики взяла тики со столика у кровати и сказала, пытаюсь пошутить, несмотря на страх и боль.

— Не могу оставить мой наполовину счастливый талисман.

Но ее действия были продиктованы суеверием.

И теперь, во время осмотра, девушка достала тики из тумбочки и крепко зажала в руке. Доктора тихо совещались.

Когда они повернулись к ней, Вики раскрыла ладонь и тихо сказала:

— Доктор Ричмонд, вы когда-нибудь были в Новой Зеландии?

— Нет, а вы?

— Да. Целый год. Я вернулась только несколько месяцев назад.

Он слушал с вежливым интересом. Затем его взгляд привлек предмет у нее на ладони.

— Что это?

— Осколок нефритового тики, который я нашла в Новой Зеландии. Другая часть потерялась.

Как ей показалось, врач пристально посмотрел на тики, но нужно было продолжать обход, и они ушли.

На следующий день доктор Ричмонд пришел один и остановился у кровати Вики.

— Как голова?

— Лучше, но все еще побаливает. Это *вы* настояли на всех тех процедурах сегодня утром?

Он улыбнулся улыбкой Матене и сказал:

— Да, боюсь здесь я виноват. Извините, если они были не очень приятны.

Он вытащил что-то из кармана.

— Ваша половинка талисмана меня заинтересовала, потому что так уж получилось, у меня тоже кое-что есть. Если не ошибаюсь, ее привез из Новой Зеландии мой пра-пра-пра-дед. Конечно, это было давно, но я подумал, что может быть...

На его ладони лежала верхняя часть тики на льняном шнурке, продетом через маленькую дырочку: длинный острый язык, высовывающийся из широкого рта, трехпалые руки, сложенные на груди. Вики молча протянула ему свой талисман и доктор сложил половинки вместе. Минуту оба молчали.

Хотя одна из половинок тики была немного стерта на сломе, и от нее отлетел небольшой кусочек, сомнений быть не могло. Вики нашла недостающую часть.

Доктор Ричмонд склеил тики и принес узкую черную ленточку, чтобы девушка могла повесить его на шею. Иногда врач заходил просто, чтобы проведать ее и они много смеялись. Когда у нее не болела голова, Вики чувствовала себя очень счастливой.

Он первым сообщил ей о необходимости операции, а когда девушка попросила его присутствовать там и взять с собой тики, потому что ей не разрешат надеть его в операционной, он взял ее за руку и сказал:

— Конечно. Я обещаю.

Доктор взял с тумбочки запечатанное письмо и посмотрел на картинки на обратной стороне конверта.

— Очень симпатичные зверьки. От одного из твоих новозеландских друзей?

— От одного друга, — ответила она. Теперь Гэри казался очень отдаленным воспоминанием.

— Он знает, что ты в больнице?

— Нет еще. Я давно ему не писала. Хотела сделать это после

операции.

— Когда все закончится и ты начнешь поправляться? Неплохая мысль.

Вики задумалась — а поправится ли она?..

Корабль стоял в заливе, готовый к отплытию, а китобои выкатывали на берег бочки жира, несли тюки с китовым усом, собирали свои вещи в сундуки, отсылали женщин обратно в деревню. Роймата стояла на скале в розовом ситцевом одеянии, подаренном Матене на прощание. Она сама одела ему на шею тики, сквозь слезы пытаясь объяснить, что изображение первого человека способно отгонять зло.

Два воина из деревни уплывут на этом корабле. Каху последние дни ходил мрачный, Роймата подозревала, что он хотел бы поплыть с ними, но был слишком горд, чтобы попросить.

Неожиданно Каху оказался рядом с ней, подойдя сзади неслышной поступью охотника.

— Твой пакеха покидает тебя! Как я вижу, он сделал тебе неплохой подарок. Но знаешь ли, эта ткань тонка. Очень скоро она порвется об острые стебли травы, а цвет заката поблекнет, как и память о тебе, и будет напоминать тусклый песок. Все это я уже видел.

— Ничего подобного! Ты только слышал от тех, которые старше тебя и больше знают!

— И все равно это правда. Ты смотрела на Матене глазами, полными желания, ну и что тебе это дало? Почему тебе нужен он, когда ты могла бы иметь... — Он замолчал, глядя на берег. — В любом случае, ты ему больше не нужна, — сказал он, указывая на светловолосую голову Матене, который в тот момент вышел из хижины, подошел к лодкам и забросил тук в одну из них. — Смотри, — фыркнул Каху с издевкой, — он бросает тебя и даже не обернется.

Задетая, Роймата выпалила:

— Это не так. Разве ты еще не знаешь? Он берет меня с собой. Матене хочет, чтобы я всегда была его женщиной.

Стрела достигла цели — смуглое лицо Каху исказилось от ярости.

Девушка бежала к морю, желая во что бы то ни стало упротить Матене или вождя пакеха взять ее с собой, лишь бы побыть с ним чуть подольше.

Роймата пообещала бы все что угодно, только бы они согласились. Должен же быть какой-то способ остаться с Матене.

Матене обернулся и огляделся вокруг, как будто выискивая кого-то, а, увидев ее, помахал рукой. В девушке проснулась надежда. Но следом за ней неслышно бежал Каху, впереди него стелилась черная тень. Люди на берегу застыли, один из них что-то предупреждающе крикнул, Роймата обернулась и увидела как острое пату с ужасающей силой обрушивалось на Матене. Казалось, тень Каху застлала весь мир.

Пату опускалось с ужасающей быстротой. Матене резко увернулся, от удара тики у него на груди раскололся. Роймата бросилась ему на грудь, защищая его, и тут последовал второй удар. Девушка почувствовала, как пату обрушилось на нее с резким хлюпающим звуком, в ушах зазвенело, тень Каху исчезла. Казалось, голову сдавили чем-то очень тяжелым.

Ноги не держали Роймату, по шее на розовый ситец стекало что-то теплое и липкое. Когда руки Матене осторожно опускали ее на песок, она

мельком увидела вождя пакеха с дымящимся ружьем в руках и Каху, лежащего у кромки воды. Из груди у него ярким цветком била алая кровь.

Матене не пострадал, хотя на груди под расколовшимся талисманом осталась царапина. Сзади него светило солнце и он выглядел так же, как когда Роймата увидела его впервые. Но солнечный свет быстро померк, и морские волны скрыли ее, на этот раз навсегда.

Кто-то звал ее по имени. *Голос Матене*, то приближающийся, то удаляющийся. Другие голоса, а потом опять он: «Вики! Вики!» Девушка открыла глаза, доктор Ричмонд улыбнулся: «Умница».

Умница, Роймата. Вики улыбнулась ему в ответ и заснула.

— Все уже позади. Как ты себя чувствуешь? — спросил доктор Ричмонд на следующий день.

— Ну и напугала же ты нас. Тебя не добудиться, прямо как моего сына. Никогда не хочет ложиться и никогда не хочет вставать.

Казалось, что дыхание Вики прервалось на несколько секунд.

— У вас есть сын?

— Конечно. Хочешь посмотреть? — доктор достал бумажник и вытащил оттуда фотографию.

Маленький мальчик с темными волосами и карими глазами, как и у женщины рядом с ним, оба смеялись в объектив.

Это моя женщина.

— Он похож на маму, — сказала Вики.

Доктор осторожно убрал фотографию.

— Я зашел попрощаться, Вики. Завтра я уезжаю в отпуск, а ты скоро вернешься домой.

От его улыбки защемило сердце.

— Пожалуйста, — сказала она, снимая тики, через повязку на голове. — Теперь вы возьмите его.

— Твой талисман? — снова улыбка Матене.

— Нет, ваш. Он принадлежит вашей семье. Я хочу, чтобы он остался у вас.

— Ну, если тебе так хочется. Он будет напоминать о тебе. И, как ей показалось, он слегка покраснел. — видимо, не впервой пациентки влюбляются в него.

На прощание он легко дотронулся до ее плеча.

— Тики и в самом деле принес тебе счастье. Все будет в порядке. Вики, я уверен. До свидания.

До свидания. Матене.

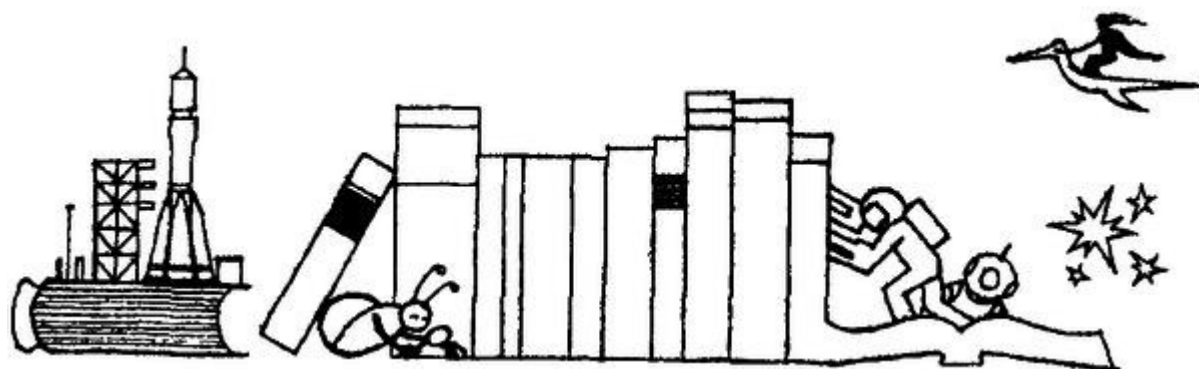
— До свидания, доктор Ричмонд. — Она легко пожала ему руку.

— Тебе стоит написать своему другу, — сказал он, глядя на письмо, все еще лежащее на тумбочке. — Обрадуй его.

— Да, — сказала Вики. — Да, я так и сделаю.

Она взяла письмо и начала распечатывать его. Поглощенная этим занятием, Вики не заметила, как доктор направился к выходу.

Рецензия

Роберт Килхеффер
В поисках теней¹⁸

Антологии канадской и австралийской фантастики

Nothern Stars : *The Anthology of Canadian Science Fiction*, edited by David G. Hartwell and Glenn Grant, Tor Books, 384pp, \$21.95

Alien Shores : *An Anthology of Australian Science Fiction*, edited by Peter McNamara and Margaret Winch, Aphelion Publications, 603 pp, \$15.00 (Aphelion Publications, P.O.Box, North Adelaide, South Australia 5006).

Можно много спорить об истоках научной фантастики — был ли это «Франкенштейн» Мэри Лелли или журнал «Удивительные истории» Хьюго Гернсбэка, «Другие миры» Сирано де Бержерака или даже «Правдивая история» Лукиана из Самосаты. Где бы ни зародилась научная фантастика, можно с уверенностью сказать, что её бурное развитие в XX веке в первую очередь обязано американской и британской разновидностям.

Практически все известные имена в истории научной фантастики XX века принадлежат США и Великобритании: Азимов, Хайнлайн, Херберт, Кларк, Ле Гуин, Боллард, Олдисс, Дилэни, Стерджен, Стейплдон, Типтри и другие. За исключением Жюль Верна, чье влияние неоспоримо, американские и британские писатели лидировали.

Но и в других странах всегда существовали, и даже процветали НФ-сообщества. На протяжении многих лет отдельные произведения, написанные на других языках, постепенно стали проникать на страницы наших журналов и на прилавки наших магазинов. «Макмиллан» опубликовал серию советской НФ в конце 70-х — начале 80-х годов, включая антологии рассказов и романов Бориса и Аркадия Стругацких (наиболее известных американскому читателю российских авторов). Также публиковались антологии японской, китайской и голландской НФ, переводы рассказов таких писателей, как Вольфганг Йешке и Коно Тенси. Недавно Жерар Клейн был опубликован в таких известных изданиях, как серия «Полный спектр издательства Бэнтам», «Мировая сокровищница НФ» Дэвида Дж. Хартвелла и даже в этом замечательном журнале «F&SF», который вы держите в руках.

В то время как НФ других народов получает некоторое внимание, НФ из-за более близких рубежей иногда теряется в общем потоке. В таких странах, как Канада и Австралия, где преимущественно говорят на

английском языке, НФ-сообщества тоже успешно существуют. Не то чтобы их игнорировали, все-таки последний Всемирный Конгресс по НФ состоялся в Виннипеге, и гораздо больше издателей нашли канадские авторы, чем их итальянские, чехословацкие и тайваньские коллеги. Но в то же время, их редко выделяют в особую разновидность, может быть из-за того, что такие писатели, как Грэг Иган, Уильям Гибсон, Джордж Тернер и Элизабет Вонарберг настолько уже известны в Соединенных Штатах, что как-то забываешь о том, что они являются самыми популярными и наиболее удачливыми представителями сообщества писателей, читателей и любителей НФ у себя на родине. (Причина также в том, что большинство из них, кроме Вонарберг, пишут на английском языке, от чего становятся неотличимыми от их британских и австралийских коллег.)

Творчество канадских и австралийских писателей гораздо чаще рассматривается как часть американской и британской НФ, чем как отдельное направление.

(Тут мы могли бы пуститься в дискуссию о том, что лучше — делить писателей по месту рождения, национальности, полу и т.д., или же рассматривать все их поле деятельности как некий непрерывный способ существования без ссылок на такого рода категории. Но здесь нет никакой необходимости это делать. Обсуждение творчества Игана и Тернера в контексте австралийской НФ не хуже или лучше; это просто один из подходов, на который не каждый решится. Что же, мы попробуем такой подход.)

«Северные звезды» — солидный сборник рассказов современных канадских писателей-фантастов. В него входят 25 рассказов, а также отрывки из двух романов взятых из разных источников, включая канадскую антологическую серию «Тессерэктс» и франко-канадский журнал «Солярис». Из книги сразу становится ясно то (для тех, кто сомневается), что НФ в Канаде — это серьезное и жизнеспособное явление. Первое, что американский читатель может для себя отметить — это обилие уже знакомых имен: Уильям Гибсон, Эндрю Уэйнер Элизабет Вонарберг, Дейв Дункан, Спайдер Робинсон, Роберт Дж. Сойер и многие другие. Сразу же — из оглавления становится очевидным, что канадская НФ — это сила, с которой нужно считаться.

К тому же, эти известные имена представлены здесь пожалуй, своими лучшими произведениями. Неоцененный по достоинству рассказ Уильяма Гибсона «Зимний рынок», который не принадлежит к числу его знаменитых «Sprawl Stories», демонстрирует все качества, сделавши его самым успешным писателем-фантастом 80-х: его острый стиль, его искусство создавать зримые образы его чувство меры в передаче диалога, его тонко ощущение значимых тенденций в обществе и культур конца XX века. Это позволяет ему превратить повествование об индустрии развлечений и самопрограммируемом бессмертии в компьютере (которое на сегодняшний день кажется чуть претенциозным) в волнующее и неотразимое действие.

«Дом возле моря» Элизабет Вонарберг — сильный рассказ-самопознание о мире генетических мутаций и искусственно сконструированных людей. В «Далеких сигналах» Эндрю Уэйнер предлагает хитрый и очень разумный подход к теме о приеме наших старых телепередач инопланетянами. В своем рассказе «Под другой

луной» Дейв Дункан создает совершенно иное ощущение, не присущее его популярным романам-фэнтези. Это мог бы быть эпизод из «Англо-саксонской хроники», если бы не странное изменение героев, которое становится все более и более очевидным в процессе развития рассказа. «Людские слабости учитываются» Слайдера Робинсона — нетипично серьезная повесть, исследующая чувства, которые многие канадцы испытывают по отношению к нахальным бесчувственным южным соседям.

Другая черта, характерная для сборника «Северные звезды», это то, как много в нем хороших рассказов, написанных писателями, не особенно известными в США. Первым обращает на себя внимание рассказ «Ниша» Питера Уолтса. Это напряженное повествование о манипуляции сознанием, причем стоит отметить, что это первый (и до сих пор единственный) опубликованный рассказ Уолтса. Кендэс Джейн Дорси, которая заслуживает большего читательского внимания, чем до сих пор, внесла свой вклад, написав повесть «(Познавая) пол машины» о компьютерных хакерах, искусственном сознании и, конечно, чувственности. Ее стоит поместить в одном ряду с Пэт Кэдиган за привнесение долгожданной женской перспективы в почти исключительно мужской киберпанковый клуб. Хидер Спearс предлагает нашему вниманию рассказ «Одна», в котором речь идет об отчуждении и, в конечном счете, примирении в том мире, где двухголовые люди — норма. В рассказе «Похищенные огни» Ива Менара есть что-то от рассказов Джина Вульфа с его аурой мифологической значительности и способом раскрытия с двух различных, но взаимодополняющих сторон.

С таким багажом хороших произведений сборник «Северные звезды», несомненно, осуществил свое главное предназначение — как говорит один из составителей, Грант, во вступлении: «Показать миру, что жизнь, полная событиями, кипит в канадском НФ-мире довольно давно и которая за последние десять лет действительно начала пускать пары перед тем как набрать ход». Очевидно, что Хартвелл и Грант пытаются определить, что специфически канадского в фантастике этой страны в отличие от прочих, в особенности от американской и британской. Грант заявляет: «Я верю, что наша НФ действительно обладает такими чертами». Он и Хартвелл включили в сборник «Северные звезды» два очерка о канадской НФ (Джудит Меррил и Кендэс Джейн Дорси) и также приложение, где перечисляются все существующие призы и лауреаты канадской НФ. Кроме того, перед каждым рассказом есть обширное вступление. «Северные звезды» уже не просто антология... Это манифест.

Итак, существует ли, собственно, канадская НФ? Судя по рассказам из этой книги, ответ не сразу очевиден. Во вступлении к рассказу Роберта Чарльза Уилсона «Баллады на три четверти» цитируются соображения из Энциклопедии НФ о «великой канадской теме пространственной отдаленности и отчуждения». Но кажется, что в этом сборнике мало подтверждений этой мысли. Рассказ Слайдера Робинсона демонстрирует негодование канадцев против Соединенных Штатов довольно открыто, и некоторые рассказы (Элизабет Вонарберг, Дональда Кингсбери и Хидер Спearс) посвящены общей теме отчуждения скорее в более личном смысле, чем в пространственном. Но я не думаю, что рассказов об отчуждении какого-либо сорта здесь больше, по сравнению с прочими антологиями современной американской и британской НФ.

Недавняя документальная книга о Канаде «Разрыв: грядущий конец Канады и ставка на Америку» замечает, что северное сознание и

ощущение простора лежит в основе канадского национального духа, и это чувство на самом деле проявляется в ряде рассказов. Рассказ «Внешний порт» Гарфилда Ривза-Стивенса выражает презрение стойких лесных жителей к мягкотелым горожанам юга. В «Зимнем рынке» Гибсон задает место действия в первой строке: «Здесь часто идут дожди. Есть такие зимние дни, когда совсем не видно света, а только всепобеждающая серость сумерек. „Memetic Drift“ Гленн Грант, „Счастливые дни в старом Чернобыле“ Клода Мишеля Прево, „Помни“, — говорят мертвые» Жана-Луи Труделя, «Бульвар звездной пыли» Даниэля Сернина и остальные произведения отображают похожую атмосферу почти лишенных света пустошей, хотя в некоторых рассказах действие разворачивается в холодной городской среде. Повсюду ощущается тяжелое присутствие нависших снежных облаков. Но все же это не единственный элемент, который присутствует во всех или почти всех рассказах. Поэтому трудно утверждать, что чувство «севера и пространства» является определяющим для канадской НФ.

Во вступлении к рассказу Ива Менара отмечаются «тенденции к лиризму и употреблению расширенной метафоры, граничащей с аллегорией, в квебекской НФ», и это, по моему мнению, немного ближе к сути дела. В общем вступлении Гленн Грант цитирует Дугласа Барбура, который замечает, что канадской НФ часто удается устоять перед призывом сирены для того, чтобы отдаться материям более утонченным и, в конечном счете, более стоящим внимания.

Во многих рассказах, опубликованных в «Северных звездах», есть склонность к лаконичному, несколько созерцательному наблюдению и описанию, и вместо классического сюжетного построения конфликта, достигающего разрешения, ход повествования в них почти не меняется на протяжении всего рассказа. В «Бульваре звездной пыли» Даниэль Сернин следует за своим усталым главным героем по двум сюжетным линиям (одной в настоящем времени, другой — в прошлом) сквозь бесконечные карнавалы его жизни в постапокалиптическом городе будущего, где масса досуга: «Образ за образом. Я не вижу, как они приходят и как уходят. Я живу всего лишь в очень ограниченном настоящем, которое исключает какую-либо последовательность. Для кайфа закурю-ка я еще одну.» Сернин дает нам сцены, образы, описания чувств и действий; один раз или дважды появляется намек на метафоричную значимость, но сюжета, подобного тому, с каким мы привыкли встречаться в американской фантастике, нет. В «Счастливых днях в старом Чернобыле» Клода Мишеля Прево происходят события, умирают люди, повсюду битвы и несчастья, но все это связано с каким-то вечным настоящим, наподобие времени повествования у Сернина, как если бы нам удалось лишь заглянуть одним глазком в мир будущего, но последовательного повествования как такового нет.

Как замечают составители, эта тенденция к относительно бессюжетным рассказам, основанным на переливах настроений, является одной из самых популярных среди квебекских писателей, но не единственной. В «Возвращении» Джона Парка человек открывает правду о своем прошлом, но это в его обстоятельствах не приводит к существенным переменам. Рассказ начинается с того, как он смотрит на игру в крикет из своего дома в разрушенном музее и кончается там же: «Он повернулся и отправился пешком обратно в музей на Стокхаузен-

сквер». Рассказ Спайдера Робинсона выражает сильные чувства, но не представляет никакого решения центральной проблемы — беспорядочного замещения людей на Земле инопланетянами, которые используют их тела в течение некоторого времени, а затем оставляют за ненадобностью. Так же в рассказе «Женщина Полночный Ветер» Теренса М. Грина есть движение сюжета, но почти ни на один из поднятых вопросов нет ответа в конце произведения. Рассказ намеренно лишен разрешения конфликта. Тем не менее, все-таки есть очень много рассказов, которые противоречат этой тенденции не позволяя нам остановиться на ней как отличительной особенности канадской НФ. Это рассказы с традиционно сильными сюжетными линиями и структурой. «Совсем как в старые времена» Роберта Дж. Сойера, «Баллады на три четверти» Роберта Чарльза Уилсона, «Ниша» Питера Уоттса, «Подсчет даров» Джеймса Алана Гарднера — рассказов с обычным построением сюжета здесь так же много, как и лирических рассказов.

(Один интересный вопрос, на который я не могу ответить — это насколько отличается квебекский стиль от остальной НФ на французском языке. Я не читаю по-французски и в переводах мне попадалось не особенно много французских произведений, чтобы высказывать какие-либо суждения. Но мне кажется, что если франкоканадская НФ тенденция совпадает в основных признаках, за исключением сюжета, тогда тем более вряд ли стоит считать эту тенденцию отличительным критерием канадской НФ.

Другое наблюдение во вступлении Гранта кажется мне самым универсальным из всех обобщений, предложенных для канадской разновидности НФ. Он замечает, что в Канаде, «даже больше, чем в Британии, НФ и „настоящую“ литературу разделяет преграда более низкая, и потому многие канадские писатели, включая даже самых известных, находят довольно удобным дрейфовать в главном течении, не стесняясь заходить в окрестные заводи. Мы счастливы оседлать волну, набегающую на их берега». Я думаю, что его сравнение более всего подходит для обозначения черты, свойственной большинству рассказов в этом томе. В них проявляется неопровержимое влияние литературных приемов современной литературы, даже отсутствие сюжета, о чем упоминалось выше, может быть объяснено таким образом. Повествование в одиннадцати рассказах идет в настоящем времени. Это обычный литературный прием приближения к восприятию читателя. У других авторов сборника также проявлялись необычные приемы повествования. Рассказ «Помни, — говорят мертвые» Жана-Луи Труделя обрамлен пассажами в настоящем времени, настраивающими читателя на нужный лад. «The Byrds» Майкла Дж. Коуни — сюрреалистический, необычный рассказ, причем за ним идет «Растворимая рыба» Джоэля Шампетьера — еще более странный и нетрадиционный. Очень немногие из этих рассказов могут похвастаться ясным, без прикрас стилем, столь ценным читателями американской НФ. Хидер Спепарс начинает свой рассказ «Одна» так: «Самые первые воспоминания Тасман были не из приятных. От света не скрыться — она лежит в прозрачной кювете и за ней наблюдают». Такое вступление вы едва ли встретите у Азимова или Кларка, скорее всего, оно более напоминает Ле Гуин и других сторонников литературности в НФ.

Нет ничего удивительного в том, что Спепарс публикуется так же активно в «обычной» литературе (ее перу принадлежат девять

поэтических сборников), как и в НФ. Некоторые другие писатели, представленные в сборнике «Северные звезды», тоже имеют вес за пределами НФ. Два романа Теренса М. Грина хоть и несут на себе все приметы НФ, были опубликованы без грифа НФ как обычные романы. За свой вклад в художественную литературу писатель получил гранты от Совета по делам искусств Онтарио и Канадского Совета. Даниель Сернин является редактором журнала, посвященного детской литературе, за что отмечен премией. Но даже те авторы, которые полностью ассоциируются с НФ, склонны избегать общепринятых прямых повествовательных форм. К примеру, рассказ Кендэс Джейн Дорси начинается с прямого обращения к читателю: «Обнаженная женщина работает за компьютером». Что вас больше привлекает?

Если даже в «Северных звездах» и сделан упор на специфику канадской НФ, то она предстает как слияние характерных для фантастики мотивов и сюжетов с традиционными литературными формами и ценностями. И хотя в сборнике объединены рассказы очень высокого качества, из него становится понятным, почему именно канадская разновидность НФ не смогла глубже проникнуть на американский рынок. Не случайно то, что рассказы самых признанных авторов в этом сборнике наиболее похожи по стилю на американские. Можно даже нарисовать график: чем менее знакомо имя автора, тем больше вероятность, что его произведения будут выполнены в оригинальной манере, по сравнению с американской. Лиричные, медитативные, играющие на настроении читателя произведения, должно быть, являются «более стоящими» для читателей, как например, рассказы Дугласа Барбура, но определенно им трудно найти покупателя в США.

Значит ли это, что они сами по себе не хороши? Конечно нет. Это как раз является частью замысла сборника «Северные звезды», и это главная причина, по которой надо читать сборник. Пересеките всего одну границу, зайдите к соседям — канадская фантастика предложит вам неповторимые ощущения.

Сборник «Чужие берега», как и «Северные звезды» предлагает широкий выбор современной НФ еще одной англоязычной страны — на этот раз Австралии. Составители Питер Макнамара и Маргарет Уинч собрали 29 рассказов (22 не издававшихся ранее и 7 переизданий) лидирующих писателей-фантастов в стране, и хотя они не пытались представить австралийскую НФ как отдельную разновидность, как это сделали Хартвелл и Грант, их выбор говорит так же много, как сборник «Северные звезды» о НФ в Канаде.

При взгляде на оглавление возникает другое ощущение по сравнению с «Северными звездами». Здесь мы сразу встречаем несколько знакомых имен: Джордж Тернер, Грэг Иган, Дамьен Бродерик, Розалин Лав, Терри Доулинг — но большинство из них едва ли известны в Соединенных Штатах. Лишь Джордж Тернер и Грэг Иган известны здесь не меньше, чем Уильям Гибсон, Чарльз де Линт, Роберт Чарльз Уилсон и Гарфилд Ривз Стивенс.

Тем не менее, рассказы австралийских популярных авторов в целом не хуже, чем рассказы известных канадских писателей. «Цветущая мандрагора» Джорджа Тернера (не публиковавшаяся ранее) повествует о контакте в старой доброй традиции. Тернер мастерски передает ощущение иноземного восприятия, причем разумное инопланетное

растение и его зеленая технология (включая космический корабль из дерева) представились мне просто очаровательными. Ничего более увлекательного я не встречал давно. Фактически трагическая концовка столь сильно действует в значительной степени из-за того, что инопланетное растение такое симпатичное и интригующее.

«Ласка» Грэга Игана (опубликованная прежде в журнале «Фантастика Азимова») соединяет эстетическую теорию и генетическую инженерную психологию, что влечет за собой странные и вызывающие тревогу результаты. Ближе к концу рассказ отдает некоторой дешевизной, но во всем остальном — это страшноватая история, рассказанная с превосходным мастерством. В «Волхвах» — еще одно переиздание — Дамьен Бродерик представляет трогательную историю человека, ищущего истины и спасения, причем придуманный им фон, где в космосе действуют иезуиты, напоминает книги Роберта Силверберга и Джеймса Блиша, и, надо сказать, Бродерику удастся справиться не хуже.

«Голубой яд» Розалин Лав (из журнала «Эйдолон» #6) навевает настроение, похожее на то, что присутствует в отмеченном наградой рассказе Конни Уиллис. «В Риальто», где представлен искаженный и сумасбродный взгляд на научную конференцию, полную личных интриг и странных событий. В «Тихом спасении Энди по прозвищу Дом» (из сборника «Австралийские рассказы» #26) Терри Доулинг предлагает совершенно отличный от его серии «Blue Tyson» тип рассказа. Это волнующая история о психическом больном и докторе, которые хотят ему помочь. Автор задается вопросом, избегая при этом банальности: «Что есть психическое здоровье? Следует ли лечить того, кто счастлив по-своему, только потому, что этот кто-то не похож на нас?»

Как и в «Северных звездах», в австралийском сборнике хорошие рассказы не обязательно написаны известными авторами. К непредвиденному бедствию (но совсем другого рода, чем «Парке Юрского периода») приводят попытки клонировать вымершее животное из семейства китовых в рассказе «Миоценовая стрела» Шона Макмаллена (чей первый роман «Голоса на свету» был недавно опубликован издательством «Афелион»). «Долгожданные драконы» Стивена Дэдмэна — впечатляющий рассказ о взаимодействии двух различных культур, совершенно иной по сравнению с рассказом Тернера о контакте. Он едва ли не лучший в книге. Кэрол Номархас предлагает нашему вниманию «Горизонт души» — мастерски написанный рассказ о космических приключениях в далеком будущем. В своем рассказе «Конец Земли» Лиан Фрам развивает довольно абсурдную идею — что, если бы поверхность земли вместе с городами начала плавно сползать в море? На базе этой идеи она создает чуткий и грустный рассказ.

В сборнике «Чужие берега» много хороших произведений, но в целом, то хорошее, что в нем есть, сильно отличается от достоинств рассказов сборника «Северные звезды». За исключением вещей Бродерика, Дэдмэна, Лав и еще нескольких, рассказы в этом сборнике обладают избытком наивности и неконтролируемым прямым повествованием, которых избегают канадские авторы — какая-то неприкрытая литературная дерзость, характеризовавшая НФ Золотого Века. Крайне мало повествования в настоящем времени, да и начало, подчас, обескураживает своей непосредственностью: «Последовавшая за войнами Пико война Атто (которые вместе известны как Информационный конфликт и в человеческой, и в электронной истории),

была одной из самых скучных на памяти нынешнего поколения», — Крис Симмон начинает свой рассказ «Смотрящий-на-Луну крушит кости». «MPR Crusoe» Фрэнка Брайнинга — абсолютно старомодный рассказ о роботе, трудящемся в космосе, и его искусных попытках выпутаться из затруднительной ситуации — начинается так: «Космический специалист по сборке металлоконструкций, проходящий испытательный срок Многофункциональный Робот #5 отключил реактивный двигатель на спине и страшно медленно начал спускаться с высоты в семьдесят метров». Некоторые авторы начинают свои рассказы с простого сообщения времени и/или места.

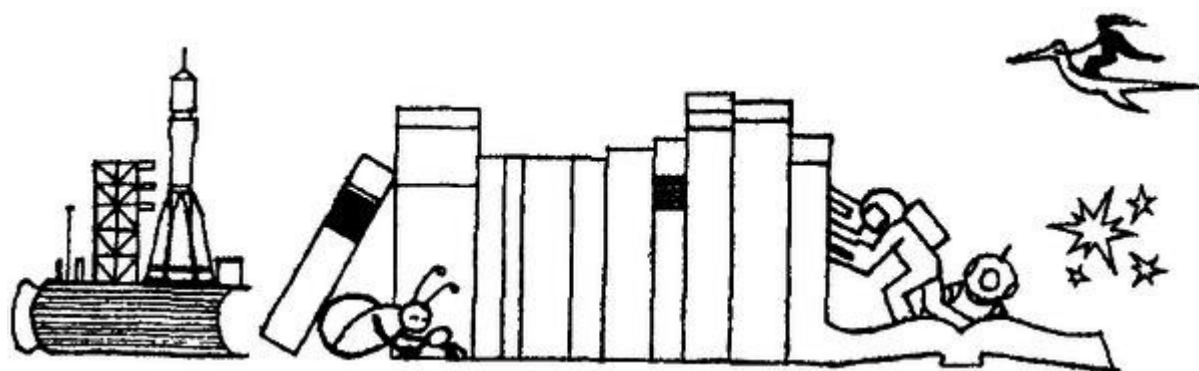
«Мнемоническая чума» Билла Доддса начинается так: «10:75 утра по местному времени» (из сборника «Горизонты НФ»). «Человек, который похитил тело Мэрилин» Курта фон Тройана начинается со слов «Четверг, 9, 1999.» «Кей и Фил» Люси Сассекс тоже начинается: «Полночь, 1961, Пойнт Райес в штате Калифорния.» Возможно, лучший пример относительно неискушенного австралийского стиля и огромного контраста с рассказами в «Северных звездах» — это весь в буффонной манере заключительный рассказ сборника) «Крэш Джордан в мире искусства Дронго» Джефс Харриса, который начинается и кончается выходом газа из тела. Начало такое: «Крэш Джордан рыгнул.» Какой газ он выпустил в конце, я умолчу.

Если отличительным признаком канадской НФ было стирание границ, то духу австралийской НФ присущ энтузиазм и откровенная неуклюжесть, которые характерна для многих произведений в «Чужих берегах». Может показаться, что я негативно оцениваю их, но это не значит, что эти рассказы плохо написаны или что они устаревшие или стилизованные «под старину». В них чувствуется раскованность без той сознательной искусственности языка, так свойственной канадской НФ (как впрочем, американской и британской). Чтение «Чужих берегов» было почти что утешением, еще одним открытием той радости, которую я чувствовал, когда впервые читал старые антологии рассказов 30-х и 40 годов Гроффа Конклина. Австралийские писатели по преимуществу наслаждаются вызывающе антилитературным наследием НФ, неумолимо придерживая добродетелей прямого повествования и захватывающего сюжета. Они как глоток свежего воздуха после литературности «Северных звезд».

Но все-таки, прочитав более 600 страниц, я стал немного уставать от избытка чистого повествования нуждающегося в метафоричности и хотя бы намеке на более глубокий интеллектуальный смысл — мысленно возвращаюсь к рассказам Бродерика и Дэдмэн побольше бы таких. Я бы не хотел каждую неделю читать по тому таких рассказов. А все-таки здорово, что эти непосредственные рассказы могли тронуть меня. Я уж думал, что потерял способность воспринимать НФ без ее современной литературной утонченности, по крайней мере, с прежним удовольствием, но «Чужие берега» напомнили мне о безудержной силе первофантастики. И даже если со мной такое произошло, хотя я обращаюсь с большей охотой к Джину Вулфу, чем к Эандо Биндеру, то это довольно хорошая рекомендация для «Чужих берегов».

Флоран Монтаклер

Обзор

Научная фантастика и фэнтези во Франции 90-х годов¹⁹

90-е годы во Франции явились свидетелями возникновения и развития своеобразной формы фантастического повествования — формы комиксов.

В чисто литературных жанрах (новелла и роман) наблюдается сравнительно мало новых имен: после автора «Планеты обезьян» Пьера Буля, ведущего критика, издателя и романиста на протяжении последних тридцати лет Жерара Клейна и Жан-Пьера Андревона²⁰, получивших известность в 70-е годы, ни одна из двух ветвей фантастики — ни научная, ни сказочно-эпическая — не знала крупных авторов. Этому факту возможен целый ряд объяснений:

— во-первых, во Франции нет журналов, специализирующихся на публикациях фантастики. Авторы вынуждены публиковать свои произведения отдельными тиражами у издателей. Начинающие авторы-новеллисты и даже романисты не имеют достаточной поддержки, позволившей бы им издаваться. Журналов типа «Fantasy and Science Fiction» не существует.

— во-вторых, нет реферативно-библиографических изданий для этой разновидности литературы. Некоторые издательства, правда, пытались выпускать информационный бюллетень, содержащий сведения о последних публикациях, но очень небольшими тиражами и, следовательно, доступный лишь весьма ограниченному кругу читателей²¹.

— в-третьих, имеет место безусловная девальвация фантастики во французских литературных кругах: научно-фантастические серии интересуют очень узкий круг публики, и авторов, способных прокормиться своим пером, во Франции можно пересчитать по пальцам.

19 © Florent Montclair, 1995. Публикуется с разрешения автора.

20 Жан-Пьер Андревон издал у Деноэля около пятнадцати романов-фэнтези, все отличающиеся большой изобретательностью. Его самое известное произведение — «Люди-Машины Против Гондахара» — дало сюжет для фильма Рене Лалу, по рисункам Каза. Вот краткое резюме, приведенное на обложке: «В Гондахаре, самом приятном королевстве планеты Тридан, жили в мире. Чтобы перемещаться на расстояние люди использовали гигантских насекомых. Они отказались от науки, чтобы посвятить жизнь удовольствиям и искусству. Но однажды птицы-шпионы принесли тревожную весть: Люди-Машины, ужасные роботы-разрушители, вышли в поход против Гондахара».

21 В частности, «Присутствие духа», изд. «Деноэль».

— и, наконец, существует колоссальное количество американской продукции, наводнившей французский рынок. Издатели, как правило, предпочитают публиковать «надежных» американских знаменитостей, а не французских дебютантов. Рынок переполнен книгами Джека Ванса, Айзека Азимова, Стивена Кинга и многих других. Можно найти немало произведений старых французских авторов, но совершенно нет молодых. Таким образом читатель имеет в своем распоряжении Абрахама Меррита²², Эдмонда Гамильтона²³, Говарда П. Лавкрафта²⁴, Лорда Дансени²⁵, Клиффорда Саймака²⁶, А.Е. Ван Вогта²⁷, Фрэнка Херберта²⁸, Роджера Желязны²⁹, Анны Райс³⁰, Лойс Макмастерс Буджолд³¹... не считая антологии различных авторов в сериях, подобных американской «Ти-эс-ар»: «Fleuve Noir» («Черная река»), «Трилогия Аватар», «Трилогия Черного Эльфа» и многочисленные «Равенлофты». Подобных серий во Франции множество, а французских авторов — единицы.

Обновление французской фантастики исходит таким образом не собственно из литературы и не из кино, которое в Штатах посвящает львиную долю своей продукции фантастике, как НФ, так и фэнтези (серия «Звездный путь», «Звездные войны» 1,2 и 3, «Бэтмен» 1,2 и 3, «Чужой» 1,2 и 3, недавно добавившийся «Смертный бой», «Ивы»... список может быть продолжен. Французское кино уделяет мало внимания подобным сюжетам. Истинная душа научной фантастики во Франции — это комиксы.

90-х годах большие сборники комиксов, предназначавшихся изначально для детской аудитории, открыли интерес подростков и взрослых к фантастическим сюжетам. Рисунки становятся жестче, окрашиваются в яркие тона, показывают сражения между землянами и инопланетянами, драконами и рыцарями, дьяволами и ангелами. При этом развивается довольно ограниченный спектр тем: как в НФ, так и в фэнтези французы прежде всего обращаются к проблемам экологии, индивидуальной свободы и внутренних войн.

22 «Лунная пропасть», переиздана в 1993 году в издательстве «J'ai lu».

23 «Звездные короли», в 1992 году там же.

24 Издание полного собрания сочинений в трех томах у «Лафонт».

25 «Дочь короля Эльфов», переиздано в 1992 году у «Деноэль».

26 «Братство Талисмана» переиздано в 1990 году в «J'ai lu».

27 «Галактическое нашествие» переиздано в 1990 году там же.

28 «Дом матерей» и последний том «Дюны» изданы в 1990 году.

29 «Принцы Эмбера»: вся серия (10 томов) переиздана в 1994 году у «Деноэль».

30 «Разговор с Вампиром» переиздан по случаю выхода фильма в 1995 году в «Пресс Покет».

31 Публикация четырех эпизодов приключения Майлса Воркосигана и его родителей в 1995 году в «J'ai lu»

1. Научная фантастика

В основе комиксов лежит изображение и движение. С первой же картинки краски, антураж и костюмы дают читателю понять, что он попал в чуждый для него мир. Мир фантастических комиксов часто постапокалиптичен: ядерная война уничтожила государства и народы, планета страдает от тысячи недугов, повсеместно воцарилась диктатура. В «Потерпевших кораблекрушение во времени» (издательство «Ассоциация Гуманоидов») Поля Гийона, где в 10 выпусках излагается история землянина, погрузившегося в летаргический сон в космическом пространстве, первая картинка показывает прозрачный шар со спящим героем. Текст гласит: «Конец XX века. Ужасное бедствие грозит Земле. Человечество в опасности. Сильнее гибели оно боится вырождения. Чтобы сохранить вид, в космос были отправлены мужчина и женщина. Их межпланетные капсулы будут двигаться по эллиптической траектории, которая должна уводить их на периферию солнечной системы и возвращать к Земле каждые 125 лет». Мы сразу погружаемся в футуристическую атмосферу. Земля заражена разрушительными грибами, ближайшими планетами завладели ужасные разумные крысы, прилетевшие с Альдебарана. Герой дрейфует на плавучем острове на Венере и в жидких кольцах Сатурна. Обложки показывают вооруженного пистолетом героя, окруженного летающими крысами (1-й выпуск), вступившего в рукопашный бой с гигантским человеком с головой тапира (3-й выпуск), затем показан снежный пейзаж, над которым плывет полуразрушенный межпланетный корабль (7-й выпуск) и, Наконец, преследование по улицам лежащей в руинах Венеции (10-й выпуск). Автор дает цветистое и причудливое видение зараженной Солнечной системы, вырождения человечества, эгоизма людей и странности внеземных миров. «Потерпевшие кораблекрушение во времени», безусловно, представляют собой наиболее выдающийся образец французских комиксов.

Другая серия комиксов Поля Гийона — «Выжившая» (издательство «Альбен Мишель») — рассказывает историк) женщины, чудом пережившую атомную войну 90-х годов. Она живет одна в Париже, охраняемая и обслуживаемая домашним роботом. Между ними устанавливаются отношения хозяин-раб, причем постепенно роли меняются. Несмотря на эротическую направленность и интересную картину жизни единственной выжившей в атомной катастрофе, эта серия далеко уступает в драматизме «Потерпевшим кораблекрушение во времени».

Весьма интересны четыре выпуска комиксов Смольдерена и Моклера «Конвой» (изд-во «Ассоциация Гуманоидов»). В мире будущего Земля противопоставлена своим колониям, а какие бы то ни было отношения с ними запрещены Президентом Земли. Вездесущие компьютеры обладают возможностью выхода в информационную сеть, где главной притягательной силой является «Конвой» — игра, приносящая баснословные выигрыши. Каждый входящий в игру входит в нее в качестве своего вооруженного информационного двойника, одетого в автономный скафандр с ракетным двигателем. Все игроки встречаются в городе «Конвоя», где они могут перемещаться и совершать всё, что возможно и в реальном мире. В определенные часы проходит «Конвой» — бронепоезд, оснащенный всевозможными видами вооружения. Цель игры, конечно, атаковать его. Если персонаж убит, он выходит из игры, если

ему удаётся ослабить поезд, он получает деньги. Герои «Конвоя» пытаются пробить оборону поезда (чего, впрочем, никогда не происходит), чтобы получить колоссальный выигрыш и объединить Землю с её колониями. Эта компьютерная история, написанная с большой выдумкой и несомненным талантом, описывает Землю будущего, а также баснословное развитие компьютерных сетей.

Третья серия, на которую мы обратим внимание — это «Цыган» (издательство «Ассоциация Гуманоидов») Марини Смольдерена. В XXI загрязнение окружающей среды достигла такой степени, что было прекращено всякое воздушное сообщение. Из всех видов транспорта на Земле остались только грузовики. Вокруг всего земного шара проложена бесконечная автомобильная дорога, позволяющая осуществлять перевозки грузов и пассажиров во все концы света. Политико-дорожная компания «Сэлмер» содержит в Сибири вооруженную крепость, отражающую атаки монголоидов. Эта идея напоминает «Михаила Строгова» — самый знаменитый во Франции роман Жюль Верна. В этом апокалиптическом мире герой, уличный забияка, цыган по происхождению, независимый владелец грузовика, оказывается в центре столкновения различных сил. Многочисленные баталии, мир без надежд и иллюзий, ироничность и манера рисунка напоминают японский комикс «Акира» Кацухиро Отомо, тринадцать выпусков которого вышли во Франции в 1991 году в издательстве Глена.

Не менее интересна трилогия уже известного вам издательства «Ассоциация Гуманоидов», созданная Энки Билалем, самым оригинальным автором 1980—90-х годов: «Ярмарка бессмертных», «Женщина-ловушка» и «Холодный экватор». Париж в XXI веке разделен на две части: центр, занимаемый классом богатых, и пригороды, населенные деклассированными элементами и беженцами, пострадавшими от последних атомных войн. Управляет Парижем Фердинан Шублан, глава фашистского режима. В городе появляются два особенно беспокойных элемента: Никополь — солдат-дезертир наших 90-х годов, отправленный в тюрьму-заморозку в безвоздушном пространстве и неожиданно объявляющийся в Париже, и возникшая неведомо откуда в небе таинственная пирамида, заселенная пантеоном египетских богов в полном составе. Они требуют с Шублана топлива, чтобы отправиться в межпланетное путешествие. Правитель соглашается на условиях, что боги дадут ему бессмертие, но те отказываются. Со своей стороны у египетских богов свои проблемы. Один из них, Анубис, исчез в результате борьбы за власть. Далее события разворачиваются вокруг отношений Никополя и Анубиса, причем последний вселяется в тело первого и пытается захватить власть среди богов и людей. Сентиментальность человека, эгоизм бога, разрываемый на части мир, попавший в руки правителей, занятых только своими интересами, мир, поделенный на Неравные классы, во власти диктатуры придают этой серии яркий и сильный характер, причем блестящая выдумка мешается с реальностью нашего века. Перекосы мира будущего, беи сомнения, содержатся в зародыше в нашу эпоху.

Рассмотрим в качестве последнего примера «Акваблу» Кайато и Ватина (издательство «Делькур»). Герой комикса Нао после вынужденной посадки оказался на планете, почти полностью покрытой водой — Акваблу. Она заселена первобытным народом, поклоняющимся гигантскому морскому чудовищу. Сверхмощное межпланетное сообщество,

имеющее в своем распоряжении государства и армии, решает разрушил Акваблу, установив на ней мощные тепловые станции. В романе описана борьба НАО и туземцев, которые постепенно модернизируются, начинают применять современные способы ведения войны и технику, чтобы спасти экологию и сохранить свою планету.

В центре внимания французской научной фантастики стоят социальные проблемы, связанные с проблемой личной свободы и проблемами экологии. Авторитарная политика пренебрегает человеческой жизнью, ни во что не ставит интересы личности, но защищает слабых. Это мир насилия, в котором люди противостоят друг другу, даже если спусковым механизмом всех проблем послужили внешние силы.

Неудивительно, что французы постоянно разрабатывают эти темы. Многочисленные проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, от которых постоянно страдает Европа, рост активности крайне правых в средствах массовой информации и поистине фантастическая коррумпированность, в которой обвиняются министры и крупные промышленники, дают картину мира где индивидуум абсолютно лишен возможности контролировать ситуацию и окружение. В упомянутых книгах встречаются прямые и недвусмысленные параллели с реальными событиями 90-годов, особый упор при этом делается на будущие последствия решений, принимаемых в наши дни. В «Потерпевших корабле крушение во времени» развитие химического оружия в 90-х годах вызывает появление и распространение смертоносных спор столетие спустя, в «Акваблу» подчинение экологических проблем сиюминутным интересам экономики и доведенная до крайности эксплуатация стран третьего мира экстраполируется в будущее выливаясь в порабощение далеких планет. Французская научная фантастика с большой фантазией выводит на сцену экзотические миры, но, несмотря на необычный антураж и технологию будущего, она ясно показывает, что грядущие века страдают от пороков нашего, XX века.

2. Фэнтези

Другое существенное направление современных комиксов во Франции — это сказочно-эпическая фантастика. Люди, гномы и эльфы сражаются в волшебном мире с силами зла, человеческой или иной природы (орки, драконы и пр.). Мы ступаем тут в страну Толкиена и его «Властелина колец».

И вновь в центре внимания фантастов стоят проблемы ответственности человека за всё, что его окружает. И хотя странные создания населяют воображаемые миры, интересно отметить, что проблемы, как правило, рождаются среди самих людей.

В «Хрониках Забытых Равнин» Шевалье и Сегюра (изд-во «Делькур») три гнома разыскивают своего короля, исчезнувшего в сказочном королевстве Эвандор. Им помогают варвар с мощной мускулатурой по типу Конана Роберта Говарда³² и Лин — гуманоид с длинными острыми ушами, похожий на эльфа. Противостоят им Ссин — божество зла и

³² Продолжения «Конана-варвара», Спрэга де Кампа, в частности, регулярно выходят во Франции и очень часто переиздаются. Фильмы с Арнольдом Шварценеггером обеспечили популярность герою.

служащий ему рыцарь, Шант. Достигнув конца своего путешествия, выдержав множество битв с отрядами Ссина, искатели приключений встречают огромное желтое трехглавое растение Эвандор. К сожалению, короля гномов у него нет, и путникам предстоит отправиться за ним к двуглавному дракону. После многочисленных приключений герои узнают, что зло Ссина происходит исключительно от того, что много лет назад Эвандор с сообщниками стремился убить его жену. Зло обернулось добром, а «хорошие» герои — предателями и убийцами. Краски комиксов — живые, рисунок причудливый и богатый. Герои являются игрушкой в руках могущественных сил, а неожиданная смена ролей показывает ничтожество индивида во враждебном окружении, превосходящем его силой.

Аналогичная ситуация наблюдается в «Поисках Птицы Времени» Лё Тандра и Луазеля (издательство «Дарго»). Мир разделен на регионы, каждым из которых правит могущественный воин, маг или жрец. Принцесса волшебница Мара, владычица царства Пенных Парусов, просит рыцаря «в отставке» Брагона разыскать для нее Птицу Времени, чтобы остановить ход истории и получить возможность обратить вспять чары, сковывающие бога зла. Для этого Брагон должен убить или победить многих других правителей, противящихся тому, чтобы Мара завладела раковиной, в которой покоится спящий бог. И здесь мы снова наблюдаем в конце «опрокидывание» ценностей. Опять добро оказывается злом, ибо мы узнаем, что Мара хочет главным образом лишить спящего бога власти, чтобы единолично править миром. Герой же опять оказывается лишь марионеткой в ее руках.

Та же ситуация показана в «Хрустальном мече» Гупиля и Крисса (издательство «Восточный ветер»). Героиня по имени Зоря должна отыскать Властелинов пяти чувств, чтобы возобновить мощь «пентакля» (пятиконечной звезды) и помешать силам зла наводнить мир. После бурной борьбы на воде, на суше, в лесу и в воздухе против созданий одного другого причудливей, Зоря побеждает главаря «злых», но обнаруживает при этом, что «добрые» просто манипулировали ею и что истинные ее враги — это Властелины чувств.

Та же ситуация повторяется в «Хрониках Чёрной Луны» Ледруа и Фруадваля (издательство «Зенда»). Герой, Чёрный Эльф, сопровождаемый демоном, великаном, самураем, магом и другими не менее диковинными спутниками, ведет жизнь, полную приключений и грабежей на границах могущественной империи Линн, раздираемой гражданской войной. Два лагеря противостоят друг другу: с одной стороны император, чьи войска (Рыцари Света, Орден Справедливости...) думают только о том, чтобы свергнуть своего повелителя или истребить друг друга в постоянных ссорах, с другой стороны — Властелин Чёрной Луны, могущественный маг, располагающий фантастической армией жрецов и сверхъестественных сил (демоны, великаны...). В обоих лагерях предательство сидит на предательстве и героем манипулируют то с одной, то с — другой стороны.

Таким образом, во французской сказочно-эпической фантастике, так же как и в научной, мы постоянно встречаемся с картиной мира, которым которым управляют силы, зачастую волшебные, манипулирующие персонажами и обманывающие их. В результате своих исканий герои узнают главным образом то, что они всего лишь марионетки в руках этих сил, и ценности, в которые они верили и которым служили, покоятся на

лжи. Морали и справедливости нет нигде. Описание миров, населенным сверхъестественными чудовищами и пронизанных магией, позволяет увидеть ничтожество индивидуума, противостоящего миру, от него ускользающему.

Предательство — ключевое слово французской фантастики. Победа героя всегда бывает умалена потерей друзей, частичным распадом личности или крушением его картины мира. Конечно, у Толкиена встречаются аналогичные ситуации (Саруман предаёт Гандольфа, эльфы вынуждены покинуть этот мир после поражения Саурона), но французский герой, как правило, манипулируем стоящими на первом плане персонажами. Его искания изначально покоятся на лжи и предательстве.

Здесь снова очень убедительно выглядит сравнение с настроениями, родившимися в 1990-е годы: смешение ценностей, ниспровержение кодексов и законов весьма характерны для конца этого века во Франции. Растущее недоверие к традиционным политическим партиям, вызванное их линией поведения (доминирующая идея: все партии проводят одну и ту же политику), развал союзов, скандалы религиозные (скажем, отзыв многих епископов Папой), политические (такие, как арест министров за разнообразные мошенничества) и моральные (связанные с господством денег во всех областях деятельности) девальвируют доверие индивидуума к обществу. Наиболее яркое проявление этих настроений — забастовка, на три недели сковавшая жизнь страны в конце 1995 года. Социальные недовольства, все более вопиющие, ведут молодёжь (а в частности, и читателей нф и фэнтези) к отказу от существующих порядков (учебных и школьных, в частности³³, но также и политических: растущий отказ молодежи от участия в выборах). Под стать героям комиксов, молодые люди констатируют, что всё, во что они верили, оказывается ложью и обманом. Продукция для молодежи развивает тему предательства могущественных мира сего по отношению к манипулируемому герою. Французский читатель чувствует себя отстраненным от общества и исключенным из правящих сфер страны. Социальный кризис, в котором пребывает Франция в настоящее время, лишь в слегка завуалированной форме, но явственно присутствует в комиксах.

Комиксы — нф и фэнтези — получили в 1990-е годы во Франции такой же расцвет, как комиксы, повествующие о приключениях Супермена и Бэтмена в 1920-е годы в Штатах.

Определенные константы могут быть отмечены во всей совокупности произведений: описанные места, средневековый это мир, вымышленный или мир будущего, становятся объектом нападения сверхмощных существ. Это могут быть внеземные существа, суперкомпьютеры, драконы, демоны, но также и транснациональные военно-политические союзы, фашистские режимы. Герой французских фантастических комиксов сражается в мире, где его существование находится под угрозой и где он всего лишь игрушка в руках опасных врагов. Важное место в сюжете занимает экология, и разрушение окружающей среды часто является причиной бунта персонажей.

Как всегда, научной и сказочно-эпической фантастике близки заботы

33 См. по данному вопросу статью: Alain Montclair. L'ecole des autres. - In: «L'identite culturelle, laboratoire de la conscience europeenne», Annales de l'Universite de Besancon, Les Belles Lettres, Paris, 1996.

читателей, авторы под маской фантазии разрабатывают современные темы.

19 декабря 1995 г.

Библиография

Научная фантастика:

- «Акваблу», Кайето и Ватин, изд. «Делькур» (5 выпусков)
- «Цыган», Марини и Смольдерен, «Ассоциация Гуманоидов» (3 вып.)
- «Мир Аркадии», Каза, «Ассоциация Гуманоидов» (5 выпусков)
- «Драконы», Муклие и Контреманш, «Делькур» (2 выпуска)
- «Потерпевшие кораблекрушение во времени», Гийон и Форест, «Ассоциация Гуманоидов» (10 выпусков)
- «Ярмарка бессмертных», Билаль, «Ассоциация Гуманоидов» (3 вып.)
- «Бродяга с окраин», Годар и Рибера, «Вэссо д'Аржан» (21 выпуск)
- «Валериан», Мезьер и Кристин, «Дарго» (14 выпусков)
- «Пять миров Сильфелины», Бати и Белами, «Дарго» (1 вып)
- «Пространство Гордона», Дюшато и Джиорда, «Лёфран» (2 выпуска)
- «Выжившая», Гийон, «Дюпюи» (4 выпуска)
- «Хозяева Тишины», Рогундо и Феррандино. «Глен» (2 выпуска)
- «Конвой», Смольдерен и Моклер, «Ассоциация Гуманоидов» (4 вып.)

Фэнтези:

- «Торгал», Розипский и Ван Хамме, «Ломбард» (20 выпусков)
- «Хрустальный меч», Гупиль и Крисс, «Зенда» (6 выпусков)
- «Хроники Чёрной Луны», Лёдруа и Фруадваль, «Зенда» (6 выпусков)
- «Легенда Забытых Долин», Шевалье и Сегюр, «Делькур» (4 выпуска)
- «Поиски Птицы Времени», Летандр и Луазель, «Дарго» (4 выпуска)
- «Персеван», Фош, Летюржи и Люги, «Дарго» (9 выпусков)
- «Янтарная клятва», Контреманш и Лофрэ, «Делькур» (1 выпуск)
- «Бран», Делаби и Верналь, «Ломбард» (14 выпусков)
- «Компаньоны сумерек», Буржон, «Кастерман» (5 выпусков)
- «Ария», Вейлапд, «Ломбард» (14 выпусков)
- «Огни Аскель», Мурье и Арлестон, «Продукция Солнца» (3 выпуска)

О новеллах Ива Жилли

Французский писатель Ив Жилли — один из немногочисленных авторов, пишущих на диалекте Ниццы и, безусловно, наиболее знаменитый из них. Это язык, на котором говорят в окрестностях Ниццы, на юге Франции, и язык этот носит черты как французского, так и итальянского языков.

По данным последних социологических опросов Ницца на данный момент — самый популярный во Франции город. Это излюбленное место отдыха французов, и вряд ли среди них можно найти хотя бы одного,

которому не была бы знакома центральная улица Ниццы — Променад дезангле.

В своих новеллах, написанных параллельно на диалекте Ниццы и французском. Ив Жилли показывает нам завтрашний день Ниццы: она превратилась в огромный городской конгломерат, край перенаселён; всем и всеми правят деньги, беднота крайне многочисленна. Старикам не хватает пенсии для существования, и они нищенствуют на улицах. Мир, описанный Ивом Жилли и носящий, безусловно, многие черты сегодняшней действительности — это мир, в котором не существует больше традиций, а человеческая личность раздавлена обществом. Героиня рассказа, Катен, отказывается с этим мириться: она пытается насильем бороться с современным ей миром, желая вернуть прошлое.

Ив Жилли — профессор университета. Его диссертация была посвящена Кафке... и он страстный поклонник творчества Жюль Верна, чьё влияние постоянно ощущается в его произведениях.

В предисловие ко второму эпизоду из жизни Катен, специально написанном для «Сверхновой», Ив Жилли включил комментарии, поясняющие читателю чисто французские или характерные для Ниццы моменты.

Ф. Монтаклер

**Ив Жилли
Катен**

Предисловие

Настоящий текст представляет собой перевод на французский язык рассказа «Катен», выполненный самим автором. Рассказ был издан в Ницце издательством Serre в 1995 году и написан на языке Ниццы.

Действие происходит в одноимённом графстве или, точнее, в горных внутренних районах Лазурного Берега, а ещё точнее, в местечке, именуемом Рокка-Спарвьера (ястребиная скала) в долине Везубии, где ещё сохранились на высоте 900 м. над уровнем моря руины селения, в котором, согласно легенде, скрывалась Жанна Провансальская.

Приведённые ниже сведения позволяют поместить действие рассказа в культурный и исторический «сценарий» края, из которого автор черпает определённые элементы:

Катен из новеллы носит черты двух знаменитых в графстве женщин:

Первая — это Екатерина Сегюран, женщина из народа, тип Жанны Ашет из Ниццы, которая вошла в легенду, приняв участие в обороне Ниццы от атак франко-турецкого флота в 1543 году. Также как Екатерина Сегюран, Катен (сокращение от Екатерины) защищает на свой манер родную страну. Это революционерка анархистского склада, что объясняет, в частности, частое обращение автора к красным и чёрным тонам, являющимся, кстати, цветами футбольной команды Ниццы.

Вторая женщина — это королева Жанна, о которой уже упоминалось выше. Согласно легенде, её двое детей были поданы ей в качестве рождественского блюда. Она покинула тогда деревню Рокка-Спарвьера,

проклиная её следующими словами: «Рыжая скала (госса rouquina), в этих краях никогда больше не запоют петух или курица». Пятая глава «Катен» озаглавлена «Рокка Рукина». В нашем рассказе Катен также теряет своих двоих детей, но Луи и Панкрас олицетворяют в то же время власть мирскую и церковную и напоминают таким образом Луи Венгерского, преследовавшего королеву Жанну вплоть до её убежища в Рокка-Спарвьера, и капеллана деревни Панкратио, который, согласно всё той же легенде, предал свою государыню.

Что до места действия, то Ницца из рассказа, конечно, не современный город, но город будущего, примерно 2030 года, такой, каким он может предстать перед самым пессимистическим взглядом. На данный момент набережная Променад дезангле благополучно существует, и ядерных станций там пока ещё нет. Напротив, описание места, где Гюстен встречает Катен, полностью соответствует сегодняшней действительности.

Ив Жилли

Введение

В девять часов утра здесь уже очень людно. Мой автоптер³⁴ доставил меня сюда из Ниццы за двадцать минут, и я едва смог приземлиться среди множества других таких же автоптеров. Там было также несколько более массивных моноптеров, способных вместить по меньшей мере пятнадцать человек и требующих большого пространства для посадки. Выйдя из своего аппарата, я оказался на террасе, сооружённой на высоте девятисот метров над уровнем моря, на гребне, где когда-то можно было видеть руины посёлка, носившего название Рокка-Спарвьера, что означает Ястребиная Скала. Люди снесли их, чтобы поставить там станцию телевизионной связи. С этой террасы открывается великолепный вид на окрестные горы и деревни и на старинные автомагистрали, проложенные внизу у подножия. Поэтому многие и приходят сюда, когда испытывают необходимость побыть немного наедине с самим собой вне зоны урбанизации — гигантского конгломерата, поглотившего в наши дни всё побережье и даже долины края.

Я сажусь на камень рядом с площадкой и достаю из кармана небольшой манускрипт, купленный у знакомого букиниста Это история встречи мужчины и женщины, случившейся шестьдесят лет тому назад. Их звали Гюстен и Катен.

Я начинаю читать...

1. Прогулка в горы

Гюстен преподавал в Университете Ниццы. Молодой холостяк, он жил на площади Гарибальди³⁵. Как-то раз в апреле 2030 года ему взбрело

³⁴ Автоптер и моноптер — два неологизма, ассоциирующиеся с одной стороны с термином «monospace», используемом для обозначения марки автомобиля, а с другой стороны с такими словами как «orthoptera» (прямокрылые), «nevroptera» (сетчатокрылые) и т. д.

³⁵ Площадь Гарибальди — (в Ницце часто говорят и пишут Галибарди). Знаменитая

в голову подняться на Рокка-Спарвьера и провести там день.

«Скоростная дорога», как её обычно называют, ведёт из старого порта до реки Вар³⁶. Это прямая подземная дорога, дающая возможность транспорту, едущему из Италии через Вильфранш, пересекать город без остановок. Но так как Гюстен не торопился, он предпочёл проехать по проспекту, носившему в прошлом веке имя Променад Дезангле³⁷ и пролегающему теперь вдоль гигантского порта Ниццы.

По правде говоря, самого моря теперь уже нельзя увидеть, равно как и рыбацкие лодки, ушедшие в прошлое вместе с рыбой, но осталось хитросплетение частных улочек, предназначенных для тех, кто, имея собственное судно, проводит день или два в порту, прежде чем вернуться к себе в Германию или Англию. С этого места виден новый аэропорт, развернувший взлетные полосы до угла, где когда-то находился «Негреско»³⁸. Все пальмы с Променада были выкорчеваны, ибо представляли слишком большую опасность, и на их месте возвышаются теперь бетонные стены, заглушающие шум самолётов, толстые и высокие.

Гюстен на минуту останавливается, чтобы полюбоваться городом. До чего же красивой стала Ницца к началу двадцать первого века!

Потихоньку Гюстен добрался до реки; он повернул направо мимо двух ядерных электростанций, посылавших красивые белые облачка в серое небо. Реку забрали в трубу до самого План дю Вар³⁹, что высвободило пространство для полусотни супермаркетов, где горожане могут купить абсолютно всё необходимое, будь то продукты, товары для дома или автомобиля. Когда Гюстен был маленьким, в самом городе ещё велась активная торговля, но теперь там остались только офисы и банки. Гюстен пытается представить, какой могли знать Ниццу его родители, деды и прадеды. Он задумывается, как мог выглядеть Вар в те времена, возделывалась ли долина реки и можно ли было увидеть горы и Бо⁴⁰ Сен Жаннэ, скрытые теперь за никогда не рассеивающимся туманом⁴¹. Пейзаж был конечно красив, может даже красивей, чем сейчас.

площадь, расположенная в самом сердце старой Ниццы.

36 Вар — река, по которой проходит граница графства Ниццы и Прованса. Она впадает в Средиземное море недалеко от аэропорта Ницца — Лазурный берег.

37 Променад Дезангле — проспект, столь же известный, как Круазет в Каннах, также обсажен большими пальмами, но гораздо более протяжённый, чем этот последний. Он тянется вдоль моря от старой Ниццы до аэропорта.

38 «Негреско» — престижный отель в Ницце, расположенный на проспекте Променад Дезангле.

39 План-дю-Вар — местечко в верхней части устья Вара. Отсюда начинаются предгорья Альп.

40 Бо (baus — скала) святого Жанне — известная, хорошо заметная издали скала. Служит местом тренировок альпинистов и возвышается над чарующими городками, такими как Сен-Поль-де-Ванс, где расположен Ансамбль Мэгт со всемирно известным музеем модернистского искусства.

41 Искусственный туман — различные промышленные сооружения на Лазурном берегу изменили в некоторых местах климатические условия и, в частности, вызвали появление постоянных туманов.

В Сен-Мартен-дю-Вар⁴² Гюстен оставил супермаркеты и свернул на трассу Ницца-Александрия⁴³. Можно смело сказать, что департамент имеет прекрасное сообщение со своими итальянскими соседями благодаря трём автомагистралям Ницца — Генуя, Ницца — Турин через долину Тиней⁴⁴, и той, по которой сейчас ехал Гюстен и которая начинается в Сен-Мартене. Первое ответвление от дороги в Леване⁴⁵, одном из красивейших курортов графства, где богатые обитатели города и приезжие могут найти всё необходимое для отдыха и развлечений: казино, спортивные бассейны (из которых один с морской водой), диснейфолию⁴⁶ и многое другое. Настоящее чудо! От Левана по едва заметной и мало кому известной тропе можно добраться до маленькой заброшенной деревушки Дуранус. Здесь надо оставить машину и пешком подняться на Рокка-Спарвьера по давно нехоженной тропе, проложенной среди скал и камней. Это тот путь, по которому предстоит идти Гюстену.

Здесь, вдали от Ниццы и Левана, вид великолепен, но в то же время несколько тревожен. Воздух насыщен ароматами тмина, лаванды и сосны. Кажется, будто все бабочки, давно исчезнувшие из долин, слетелись сюда, чтобы жить в этой тишине: чёрные, жёлто-чёрные с длинными хвостами, жёлтые с красными пятнами и ещё какие-то другие, голубые с коричневым. На больших камнях можно увидеть ужа, греющегося на солнце. Если подняться выше, то постепенно открывается долина Везубии: Сен-Жан-ля-Ривьер, Утель, на правом берегу на высоте 800 метров, а также дорога на Дуранус и Кро д'Утель внизу. На этой тропе, особенно когда он смотрит на Везубию и ее глубокие теснины, у Постена немного кружится голова. Здесь нет ни домов, ни цивилизации, ни даже вездесущего шума. Лишь иногда крик птицы или блеяние козы нарушают полную тишину. Люди больше не приходят в эти скалы, и не позавидуешь тому, кто окажется здесь один в грозу среди раскатов грома! Постен идёт по тропе добрых два часа и добирается, наконец, до часовни святого Михаила.

Эта часовня была сооружена на гребне, на высоте 953 метров над уровнем моря, неподалёку от домов в те времена, когда люди ещё совершали паломничества к святому Михаилу. Если подниматься от Дурануса, то руины деревни будут прямо за часовней. Гюстен не устаёт любоваться открывающимся с этой высоты диким пейзажем: с одной стороны возвышающиеся над Везубией горы, как, например, Брек, ещё сегодня знаменитый благодаря победе наполеоновской армии. Но особенно Утель и Мадонна оставшиеся до сих пор местами поклонения

42 Сен-Мартен-дю-Вар — населённый пункт в долине Вара, примерно на полпути между аэропортом и План-дю-Вар.

43 Александрия — речь идёт об итальянском городе Алессандрии. В настоящее время существует только одна автомобильная дорога, связывающая графство с Италией, дорога Ницца-Генуя.

44 Тиней, Везубия — крупнейшие притоки Вара.

45 Леван — маленький городок в глубине края, где обитатели Ниццы любят проводить каникулы и многие имеют дачный дом.

46 Диснейфолия: термин, образованный из слияния слов диснейлэвд и «zygofolie» (парк развлечений в Ницце, созданный по типу диснейленда)

для тех, кто не потерял веры; с другой стороны, хотя Пайон, конечно, увидеть и нельзя, но зато хорошо видно шоссе, которое после Левана проходит через Коараз и Энгарвен, откуда идёт тропа, по которой тоже можно подняться на Рокка-Спарвьера. Массив окаймляют две очень высокие вершины: Рокка Сейра (1504 м.) и Мон Ферион (1413 м.).

Полдень давно миновал. Гюстен проголодался и располагается на груди камней, чтобы поест. Ему пришла удачная мысль захватить с собой на перекус, то что люди готовили в те далёкие времена: старый добрый хлеб баньят⁴⁷ с парой килек и флягу белле⁴⁸, редкого и драгоценного напитка. Можно быть преподавателем университета, оставаясь при этом тонким гурманом! Он рассматривает в бинокль святилище Мадонны. Там на плато никого нет, но лёгкий дымок поднимается в воздух, возможный знак чьего-то присутствия. С противоположной стороны, возле Энгарвена дорога забита грузовиками. До Гюстена доносится их рокот и он почти ощущает запах бензина и масла. Тогда он встаёт, намереваясь осмотреть руины. В этот момент он замечает женщину, стоящую возле стены. Но это видение очень кратковременно. Как только Гюстен решает к ней подойти, она исчезает. Время позднее, и небо покрылось тучами. Поколебавшись, идти ли ему дальше, он окончательно решает спускаться к Дуранусу, вернуться домой, а в ближайшее время возвратиться на Рокка-Спарвьера.

2. Встреча с Катен

Проходит неделя, и в субботу Гюстен готовится снова отправиться на Рокка-Спарвьера, чтобы разыскать женщину, мельком увиденную на вершине.

За несколько дней до этого в порту Ниццы был совершён террористический акт. Не в старом порту, а в новом, называемом «увеселительным портом». Сотня судов была уничтожена, и полиция перекрыла все проезды вокруг. Поэтому Гюстен вынужден воспользоваться подземной дорогой.

Туннель длиной более двенадцати километров всегда перегружен. По всей трассе предусмотрены специальные места для парковки, но редкая машина рискует остановиться, так как туннель населён всевозможными тёмными личностями: калеки, наркоманы и торговцы наркотиками, а также люди, не имеющие по каким либо причинам работу или те, кто раньше работал, а теперь, выйдя на пенсию, остались без средств к существованию. Иногда эти несчастные бросаются под колёса. В туннеле встречаются также вооружённые банды, нападающие на проезжающих и грабящие их. Из всего этого делается понятным, почему машины едут так быстро. Жители Ниццы, хорошо знающие этот подземный путь, оборудовали свои машины специальной системой защиты, если машина стоит более десяти минут, приезжает служба спасателей. Следует, однако отметить, что не всегда можно с уверенностью сказать, кто полицейский, а кто гангстер. Машина Гюстена снабжена подобной системой, и он

47 Хлеб баньят — блюдо национальной кухни Ниццы. В переводе «пан баньят» означает «мочёный хлеб», т. е. хлеб, сильно пропитанный оливковым маслом.

48 Белле — вино, особенно ценимое в графстве. Производится из винограда, произрастающего в очень небольших виноградниках на склонах холмов вокруг Ниццы. Этим объясняется редкость этого вина.

поэтому не слишком тревожится Тем не менее он испытывает радость, когда выезжает, наконец, из этой клоаки.

Как и в первый раз, Гюстен едет по Александрийской автотрассе, пересекает Леван и приезжает в Дуранус⁴⁹. Он уже собирается начать подъем на Рокка-Спарвьера, когда после «отнорка» на Сен-Жан, там, где находится «Прыжок французов», появляется какой-то человек. Гюстен ждет, когда он приблизится. Может, он сумеет сказать, кто та женщина, которую Гюстен видел на вершине у руин. Человек говорит на местном патуа, трудном для понимания⁵⁰, но похоже, что он знает имя женщины — Катен.

Гюстену не терпится познакомиться с этой Катен. Он больше не останавливается, ни на что не смотрит и примерно через час достигает последнего этапа — крутого подъема под часовней на скале. В этот момент он замечает высоко в небе большую птицу. Это — ястреб, который теперь кружит над самой его головой. Птица продолжает совершать над ним свои круги и тогда, когда Постен выходит, наконец, на террасу перед часовней. Вдруг ястреб с громким криком резко сворачивает в направлении руин, как если бы хотел пригласить Гюстена следовать за собой или позвать кого-то. Действительно, Катен показывается на тропе. Заметив Гюстена, она останавливается, он тоже застывает на месте. Они стоят в двадцати — тридцати метрах один от другого. На Катен красное с черным платье; ее возраст невозможно угадать, однако лицо ее красиво и немного грустно. Так выглядят лица королей на старинных полотнах.

Постен проходит за часовню. Развалины деревни начинаются несколько ниже, там, где сейчас стоит Катен и где раньше находилось большое строение, и тянутся влево метров на сто до возвышающейся над перевалом вершины Катен. Не говорит ни слова, не делает ни малейшего жеста, но взглядом, кажется, зовёт Гюстена за собой. Она поворачивается и идет обратно, но вновь оборачивается через несколько шагов, чтобы посмотреть, что делает посетитель. Гюстен не сразу решается идти в деревню. Он идет медленно, так как понял, что Катен хочет дистанцию. Так он достигает развалин первого строения. Катен дает ему время всё осмотреть. В большом доме еще сохранилось три комнаты. Стены почти целы за исключением одной — вместо нее зияет огромная дыра. Другая дыра, поменьше, должно быть, была дверью. Окна строения выходят на пропасть и на тропу к Энгарвену. Именно этот фасад замечен снизу от Коараза. Если бы не отсутствие крыши, там можно было бы даже жить, заделав предварительно дыру. За этими руинами Катен поворачивает налево и взбирается на вершину, на которой стоит подобие башни. Женщина, как кажется, ждет Гюстена, но когда тот приближается, она снова трогается с места, теперь уже вниз, с ловкостью перепрыгивая с камня на камень, ибо здесь они уже находятся в центре деревни, и тропы больше нет. Гюстен осматривает башню. Возможно это был донжон, возвышавшийся когда-то над всей деревней. Прежде внутренняя лестница

49 Дуранус — небольшой поселок на дороге, ведущей из Левана в Сен-Жан-ля-Ривьер на Везубии

50 В удалённых от центра края областях говорят на различных диалектах, имеющих, безусловно, много общего с языком Ниццы, но всё-таки отличающихся от ниссарского языка побережья. Жителей горных Районов называют «гавоты» или «гавуоты», и их говор называется обычно «гавот».

позволяла подняться на самый верх; теперь камни вывалились, и она обнажилась, напоминая скелет. По соседству с башней два каменных блока склонились друг к другу над часовней, подобно огромному клюву. Следуя за Катен, вернувшейся тем временем к большому дому, Гюстен пересекает развалины центра деревни. Он спускается, пройдя вдоль наполовину обвалившихся фасадов сводчатых помещений, возможно бывших некогда подвалами. Пожираемые плющом остатки древних стен торчат теперь, как персты, указующие в небо. Бабочки играют, преследуя друг друга, и ящерицы греются на солнце.

Тем временем Катен остановилась у входа в часовню и скрылась из вида. Гюстен любуется пейзажем, простирающимся перед ним вправо от Сен-Мишель. Вблизи видны два пика: один, сложенный из глыб, как и центральная часть Рокка-Спарвьера, а другой с остроконечной вершиной. Вдали, за этими пиками угадывается в легкой дымке темная масса горы Мон-Ферион. В той стороне горы выглядят менее голыми, чем здесь, на массиве Сен-Мишель. Там можно увидеть даже зеленые леса, к сожалению, часто уничтожаемые летом огнем лесных пожаров.

Изучая гребни и вершины, Гюстен отмечает присутствие человеческой фигуры. Это, несомненно мужчина, остановившийся на вершине скалистого пика и, как кажется, кого-то подстерегающий. Вскоре, однако, он удаляется в направлении гребня. В этот момент Катен вновь появляется под каменным клювом. Гюстен собирается следовать за ней, как вдруг происходит нечто, чего он не может понять, в десяти метрах от него, застыв перед пропастью, Катен поднимает руку. Небо тотчас заволакивается тучами, поднимается сильный ветер, гремит гром и Катен исчезает среди молний, сопровождаемая ястребом. Незнакомец к этому времени, видимо, ушел по дороге на Энгарвен, так что его больше не видно. Постен же спускается в Дуранус.

3. Пребывание в Рокка-Спарвьера

Учебный год в университете подходит к концу, и это означает, что у Гюстена скоро будут каникулы. Он хочет провести две последние недели августа в горах, в Рокка-Спарвьера. Его интересуют почвы района, и особенно ему хотелось бы узнать, кто же такая на самом деле эта Катен. Он отправляется 15 августа после полудня, с большим, нагруженным провизией рюкзаком за спиной, собираясь прожить какое-то время наверху в одиночестве. На этот раз он покидает автомагистраль не в Леване, а в Коаразе, откуда начиналась в прежние времена так называемая «дорога солнца». И в самом деле, вид отсюда на Рокка-Спарвьера гораздо красивей, чем с дороги на Дуранус. Ансамбль старой деревни выходит на эту сторону и ее можно увидеть всю целиком, от руин большого дома до башни на вершине. Отсюда легко различить весь гребень, часовню и два пика слева. Жалкая дюжина домов, представлявшая собой весь Энгарвен, больше не существует. Как раз сейчас люди заняты ликвидацией того, что еще осталось от террас и оливковых деревьев, чтобы превратить это место в «индустриальную зону» и создать там городской мусоросборник, ставший предметом первой необходимости, сооружение которого не может не радовать население. Работы уже начаты, и все окрестности заполнены подъемными кранами и бульдозерами, вгрызающимися в гору. Гюстен с трудом находит место, где поставить машину. Сделав это, он начинает искать в непролазной

грязи дорогу на Сен-Мишель. Он ее находит, и постепенно строительная площадка и рабочие остаются внизу.

Эта тропа в таком же плохом состоянии, как и та, что ведет со стороны Дурануса, но она менее крутая, и Гюстен сам не замечает, как доходит до часовни...

Ястреб, как и в прошлый раз, следит за пришельцем. Время от времени он камнем падает вниз, а затем снова стрелой взмывает в небо. Катен тоже должна быть поблизости. Гюстен впервые видит ее спокойно сидящей на камне, всем своим видом показывая, что не опасается его. Но она не идет ему навстречу, и Гюстен довольствуется тем, что дружеский машет ей рукой. Возможно, что она только и ждала этого жеста, так как чуть погодя она встает и направляется к руинам.

Гюстен проводит несколько оставшихся до вечера часов, гуляя по деревне. Он находит остатки старой канализационной системы, но в общем ничего особо интересного. На дороге перед большим домом безбоязненно скользит среди камней уж. Гюстен немного устал, поэтому он возвращается к часовне, и садится перед ней, чтобы перекусить. Дверь в святилище открыта, и часовня вполне могла бы послужить ему приютом на ночь. Гюстен уже зашел в часовню, когда на пороге появляется Катен. Она не входит, но делает ему знак идти за ней. Так он узнает наконец, где находится ее убежище. Ее «замок» — это маленькая каморка, расположенная под башней. Вход в нее скрыт колючим кустарником. В углу пол покрыт подстилкой. Катен приглашает Гюстена войти. Перед тем, как это сделать, он достает из рюкзака красную розу, которую женщина принимает с благодарностью. Как он может заметить, у его хозяйки тоже есть кое-какая провизия, позволяющая ей жить здесь одной. В комнате нет мебели, за исключением стола и двух стульев. Есть также несколько тарелок и стаканов. Двое в комнате молчат и все же производят впечатление друзей. Роза поставлена в стакан, и Гюстен, пожелав спокойной ночи Катен, ложится на подстилку и засыпает.

На другой день, когда он просыпается, Катен в башне нет; она ушла, забрав розу. Тогда Гюстен решает пойти на весь день к заброшенной шахте, где некогда добывали мышьяк. Наиболее удобная тропа туда уходит вверх от моста по дороге на Леван. На подъем требуется около часа, но на рудники можно попасть также и через Рокка-Спарвьера. Спустившись ниже террасы с часовней, на каменной осыпи Гюстен подбирает несколько абсолютно круглых камней. Это окаменелые морские ежи. По правде говоря для тех, кто умеет внимательно смотреть, это не такие уж и редкости. Они попадаются вдоль всей тропы до Дурануса.

Труба шахты, приметная издали, служит маяком, который трудно не заметить. Люди начали добывать здесь мышьяк в начале прошлого века, в 1902 году, и забросили шахту в 1932 году. Человек пятнадцать работали здесь в очень трудных условиях на высоте 800 метров. Для них был выстроен дом, а провизию им привозили на мулах. Затем на тех же мулах породу увозили в деревянных бочонках. Мышьяк использовался в медицинских целях, а также для борьбы с грызунами. Кроме того, владельцы рудников производили оливковое масло и лавандовую эссенцию и продавали их в Дуранусе. Сейчас галереи шахты обрушились, от дома не осталось даже следа, но земля по-прежнему богата. Среди пород видны зеленые с желтыми, красными и оранжевыми прожилками камни. Другие, красные, те, которые содержат кристаллы кальцита, по настоящему красивы! Гюстен набирает горку камней и кладет к себе в

рюкзак Он завтракает и возвращается на Рокка-Спарвьера.

Катен еще не возвращалась, но кто-то, похоже, заходил в «замок». Этот кто-то сдвинул с места стол, стулья и подстилку, как если бы что-то искал. Может, Катен скрывает клад? Заходивший даже поднимался на башню, несколько случайно сброшенных камней, лежат на площадке перед дырой, служащей входом в убежище. Но возможно также, что просто какое-нибудь животное заходило внутрь Тем не менее Гюстен держится теперь настороже. Он допоздна ждет возвращения Катен и в конце концов проводит ночь в одиночестве.

На следующее утро Катен снова дома. Она принесла в корзине несколько помидоров и дюжину яиц. Гюстен всё привел в порядок, чтобы не тревожить ее. Во взгляде женщины он читает массу вопросов рад ли он вновь ее увидеть, нравится ли ему на Рокка-Спарвьера, всё ли в порядке? Вслух, однако, она только здоровается с ним. В полдень они едят помидоры и по яйцу каждый, и Катен растягивается на подстилке. Проснувшись, она садится на стул и начинает говорить. Гюстен узнаёт теперь обрывки истории ее жизни. Катен была замужем. Семья ее мужа когда-то переехала в Ниццу из Пьемонта. Как и всем эмигрантам, им пришлось вначале тяжело зарабатывать на жизнь, но вот уже около сотни лет как они стали настоящими жителями Ниццы. Муж Катен был рабочим у Н., хорошо известного в районе предпринимателя. Молодая семья счастливо жила в маленьком домике, который им удалось купить в Сен-Рош⁵¹. Одним словом Катен с мужем были самой обычной, ничем не примечательной парой. По воскресеньям они ходили иногда к мессе в Лаге⁵² и, как тогда говорили, устраивали пикники. Однажды они узнали, что на месте, где они жили намечено построить большое здание. Вскоре их выгнали из дома и переселили в жалкую квартирку под больницей Пастера⁵³. А потом произошел несчастный случай: ее муж работал у подножия небольшого холма, который должны были срыть для какого-то строительства. Он как раз грузил срытую породу в свой грузовик, когда холм, подмытый дождем, вдруг обрушился. И машина и её шофер оказались погребенными под тоннами земли и камней.

На этом Катен заканчивает свой рассказ, добавив только: «С этого дня я больше не хожу в Лаге».

На следующий день Гюстен видит, как Катен уходит в направлении Энгарвена Он берет книгу и проводит время за чтением среди руин Рокки. На этот раз Катен возвращается вечером того же дня. Гюстен замечает, что она поранила руку. Говорит, что упала в овраге, когда искала источник Да, воды здесь действительно не хватает! Ее корзина полна черной спелой ежевики.

4. Кюре и комиссар

51 Сен-Рош — рабочий квартал Ниццы.

52 Лаге — известное место паломничества, расположенное в маленькой долине совсем недалеко от Ниццы. Эта долина была недавно обезображена сооружением автотрассы Ницца — Генуя.

53 Пастер — рабочий квартал Ниццы, в котором расположена самая большая больница города, им. Пастера.

Две недели августа 2030 года прошли, и Гюстен собирается возвращаться в Ниццу с образцами руды мышьяка в рюкзаке. Он говорит Катен, что снова приедет сюда на будущий год и проведет с ней целый месяц. Он также спрашивает у нее, как она собирается выжить в своем «замке», когда будет очень холодно, и не сможет ли он ей как-нибудь помочь. Она довольствуется тем, что касается его руки и говорит: «Обо мне не беспокойтесь. Я знаю, куда мне пойти.» — и смотрит вдаль, как если бы Гюстен уже ушел.

Гюстен намерен провести за год расследование несчастного случая, о котором говорила Катен. Зная название компании, в которой работал ее муж, это должно быть нетрудно. Немного удачи и терпения помогают ему найти две или три газеты того времени, упоминающих о катастрофе. Всё произошло так, как говорила Катен. Но газеты содержат также и другую информацию. Они рассказывают, что когда Катен приехала на стройплощадку, она не пролила ни слезинки, что она уехала почти сразу же, с блуждающим взглядом, как если бы потеряла разум. Соседи по кварталу Пастера больше ее не видели, и никто не смог узнать, что с ней случилось. Газеты упоминают также о двух сыновьях, которые были с ней, и которых она оставила на месте происшествия.

Продолжая свое расследование, Гюстен узнаёт, что двое детей были подобраны и воспитаны теткой, проживавшей на улице Республики⁵⁴. Один из них учился в Ницце и стал комиссаром полиции; его зовут Луи, и его хорошо знают и уважают в городе. Другой, которого зовут Панкрас, поступил в семинарию в Марселе. Так как религия среди обитателей графства не слишком принята, одной церкви вполне достаточно для города. Она расположена на холме Симье⁵⁵, где раньше находился монастырь. Сверху можно было видеть Пайон⁵⁶, Мон Винегрие, Монт Албан⁵⁷, Замок⁵⁸ и синюю ленту моря. Рядом с монастырем монахи содержали прекрасный сад, в котором росли апельсиновые и грейпфрутовые деревья, несколько оливковых и цветы много цветов. Смешанный аромат розы, лаванды и гвоздики делал этот сад еще более прекрасным и чарующим. Раз в год, здесь, на Симье, проходил «тыквенный праздник»⁵⁹. Люди могли перекусить рядом с монастырем,

54 Улица Республики — большая магистраль рабочей Ниццы

55 Симье — квартал Симье (Cemenelum): расположен на холме, на котором римляне когда-то воздвигли арены, район богатых резиденций. Там расположен монастырь, где можно любоваться произведениями Л. Бреа — художника-примитивиста из Ниццы.

56 Пайон — поток, пересекающий Ниццу. Говоря о нём, жители Ниццы не употребляют артикля, что создаёт ощущение, будто речь идёт о живом человеке. О нём можно услышать (после ливневых дождей), что он «приходит» или что он «принарядился». Как и во всех реках Средиземного моря, уровень воды в Пайоне может сильно колебаться. Сейчас он течёт в закрытом русле почти на всём своём протяжении.

57 Винегрие, Мон-Албан — два довольно высоких холма Ниццы. На Мон-Албан был построен форт, носящий то же имя.

58 Замок (кастеу) Ниццы — сооружён на возвышении, в самом центре старого города. Был разрушен французами. До наших дней сохранилась лишь одна башня — башня Белланда.

59 Тыквенный праздник — (festin des cougourdons) festin — праздник, и, главным образом, престольный праздник, cougourdon — разновидность тыквы, имеющая свойство

большом парке под оливковыми деревьями. Ранше⁶⁰ очень хорошо об этом рассказывает в своей «Немаиде». Сейчас там остались только площадки для паркинга. Нельзя больше увидеть ни Пайона, ни даже моря, а сооружения квартала Пастера поистине ужасны. Сад ликвидировали, а на месте монастыря построили маленькую церквушку среди гигантских зданий из стекла и бетона. Панкрас — кюре в этой церквушке.

Гюстен встречается с сыновьями Катен. Они хорошо помнят несчастный случай, произошедший с их отцом, и даже вносят несколько уточнений. Фирме тогда ничего не пришлось платить, потому что не слишком старались узнать, кто был ответственным за случившееся. Позже, через восемь лет, тетя смогла получить небольшую сумму. Компания Н. не прекратила строительных работ и продолжает получать прибыли. Следует заметить, что закон был на стороне промышленников и что глава фирмы был другом мэра, который в свою очередь был знаком с министром. Оба сына помнят также свою мать, но утверждают, что не знают, где она. Гюстен слушает их и, сам не зная почему, умалчивает о своем пребывании на Рокка Спарвьера. Он говорит им, что пишет по поручению правительства отчет о несчастных случаях на производстве и в связи с этим заинтересовался их случаем.

Проходят месяцы, вот уже апрель. Зима была необычно суровой для жителей Ниццы, как будто природа мстила за что-то. Дождь шёл в течение по крайней мере сорока дней. Из-за ливней Пайон «пришёл» как говорят местные, и красивые корабли большого порта почти все сильно пострадали. Река Вар прошла по супермаркетам и смела всё, как метлой. Пришлось закрыть на неделю аэропорт, и невозможно было пользоваться подземной дорогой. Те, кто там проживал, теперь рассеялись по городу. Пока Панкрас молится один в своей церкви, комиссар арестовывает воров. Короче, бедствие столь велико, что Графство объявляют зоной стихийного бедствия. Туристы остались дома, хотя отели и рестораны показывая себя меньшими скрягами, чем обычно, даже приложили некоторые усилия к тому, чтобы включить в меню замечательные блюда кухни Ниццы. Но кому придёт в голову приезжать в Ниццу, когда идёт дождь?

Гюстен беспокоится за Катен. Кто знает, не умерла ли она от холода наверху, в своей норе? Он решает поехать провести её. На Рокка-Спарвьера дождь не причинил никакого вреда. Напротив, он придал силы растениям и травы разрослись пуще прежнего. Гюстен вдыхает их аромат и чувствует себя свободным в этой пустыне, среди скал. Мир кажется ему красивей. Вскоре он найдёт Катен, но должен ли он ей говорить о проведённом расследовании и о ее двух сыновьях. Может быть, она потеряла память, и ей будет тяжело услышать подобную новость. Гюстен идёт вдоль дома с высокими стенами и карабкается до самой башни. Ястреб, сидящий у входа в жилище Катен, посторонился, пропуская гостя. Но Гюстену не требуется много времени, чтобы убедиться, что комната

делаться очень твёрдой и прочной после того как из неё удалят мякоть и высушат. Вследствие этого она может служить сосудом. Это предмет национального промысла, и изделия и тыквы можно купить как раз на «тыквенном празднике».

60 Ж.Р.Ранше (1785–1843): самый известный автор графства. Ему Ницца обязана своим литературным языком. Его наиболее знаменитое произведение — «Неманца» Это история Нема, комическая вариация «Энеиды», истории Энея.

пуста. Тогда он ищет в селении, затем спускается на тропу к Энгарвену, зовя Катен; но никто не отвечает. Ястреб снова занимает свой пост стража наверху, и Гюстен как-то сразу осознаёт, что он один в посёлке, покинутом людьми и Катен.

Тогда ему приходит в голову поехать в святилище Мадонны Утельской. Он быстро спускается в Дуранус, и вскоре его машина проезжает мимо «Прыжка французов» и тоннеля на дороге в Сен-Жан. Может быть, Катен там? Примерно за два километра до Сен-Жана он пересекает по маленькому каменному мосту долину Парэра, который впадает чуть ниже в Везубию. С этого моста виден водопад высотой в сорок метров, называемый «каскад Рэ». В долине вода образовала красивые лагуны, где играют ужи и жабы. В прошлом веке кто-то⁶¹ написал сказки в которых говорится о Парэре, но Гюстен забыл имя автора. Он останавливается на мгновение, чтобы послушать пение цикад в деревьях и полюбоваться этой естественной красотой, на которую люди ещё не успели обратить пристального внимания, и которая благодаря этому ещё не испорчена.

Дорога на Везубию, на которую Гюстен выехал в Сен-Жан, почти автотрасса, идущая до Кюнео в Италии, но большой мост по-прежнему в хорошем состоянии; он позволяет подняться в Утель, город, ставший историческим и художественным центром. Там уже никто не живёт, за исключением нескольких ещё не умерших стариков. После Утель надо проехать вдоль небольшого гребня, откуда дорога вела раньше к Ля Тур⁶² и к Тинее; сейчас ею уже не пользуются. Гюстен достигает наконец вершины, где на плато было воздвигнуто святилище Мадонны.

Урочище Мадонны очень похоже на вершину Рокка-Спарвьера. Что прежде всего поражает в этом месте, так это спокойствие. Так же, как и в Сен-Мишель, отсюда можно насладиться замечательным и неповторимым видом: на городок Утель, построенный в форме креста, на горы и даже на море, угадывающееся вдаль в хорошую погоду. Но здесь царит, наверное, ещё большая тишина, чем на Рокка-Спарвьера. Лёгкая вуаль пахнущего ладаном дымка как бы висит в воздухе. Но возможно, что это лишь плод воображения, навеянный настроением местности.

Гюстен любит вершину Брек, когда показывается большое чёрное облако. Поднимается ветер, и раскат грома прокатывается по горам. Небо и земля всё вокруг темнеет. Однако вдаль, на месте Рокка-Спарвьера, можно разлить какое-то белое пятно. Гюстен покидает Мадонну Утельскую под хлещущим ливнем.

5. Рокка Рукина

В августе 2031 года Гюстен вновь поднимается, как и обещал, на Рокка-Спарвьера, чтобы провести там конец лета. На этот раз ястреб не кружит с криками у него над головой, а Катен встречает его улыбкой. Гюстен спрашивает, не слишком ли она страдала от дождя и холода, он говорит ей, что был на Рокка в апреле и всюду искал ее здесь в Сен-Мишель, а также на другом берегу Везубии, в Утели. Катен отвечает, что

61 Кто-то... — см. И. Жилли «Сказки Парэра», изд. Серр, Ницца, 1994. Действие этих скачок происходит в долине Парэра и Везубии.

62 Ля Тур — посёлок на полпути между Утель и долиной Тиней.

ей действительно пришлось на некоторое время уехать, и что она лишь недавно вернулась. Дни следуют один за другим, и каждый занят, тем, что его интересует. Гюстен читает, гуляет по окрестностям наполняя свой рюкзак камнями и окаменелостями. Катен часто уходит рано утром и возвращается только под вечер. Тогда они беседуют. Однажды большая бабочка «ночной павлиний глаз», как её называют специалисты, села у входа в «замок», и Катен стала напевать песенку, которой она научилась от своей бабушки:

«Ночной мотылёк,
Твой отец попал в пирог,
А мать на сковородку,
И пляшет там чечётку».⁶³

Гюстен, не знает ни одной подобной песенки, и счастлив показать Катен, какое удовольствие ему доставляет их слушать. В свою очередь он рассказывает Катен, чем он занимается в Ницце, о своей работе в Университете и книгах, которые он пишет. Ему хотелось бы узнать больше подробностей из жизни Катен, но она видимо уже рассказала всё, что знала о своём прошлом в Ницце, где жила с мужем, и теперь говорит только о детстве. Порой Гюстену кажется, что он видит перед собой маленькую девочку, а порой — великосветскую даму. Иногда Катен водит его в места, куда он никогда не заходил сам, такие как пещера Вальера на месте старинного селения Имберге⁶⁴. Из грота вытекает ручей, использовавшийся раньше для орошения посевов. Сейчас все поля под паром, и везде воцарилась природа. На Рокка-Спарвьера Катен на самом деле никогда не бывает одинока. Все живые твари дружат с ней, особенно мелкие, такие, например, как этот богомол, слушающий ее, подняв передние лапки, или большой серый кузнечик, оставляющий красное пятнышко у неё на руке, или ещё скорпион, приветствующий её движениями хвоста.

В конце месяца Гюстен собирается уезжать. Тут происходит нечто непредвиденное. В то время как Гюстен и Катен стоят, спокойно беседуя, около часовни, внизу, на тропе от Энгарвена показываются двое мужчин. Они медленно поднимаются, друг за другом; они ничего не несут в руках, а за спиной у них нет рюкзаков. Кто знает, зачем они идут на Рокку? Может, это историки, желающие изучить руины, или геологи, слыхавшие, что здесь встречается мышьяк и заинтересовавшиеся этим. Мужчины подходят к часовне. Гюстен собирается приветливо их встретить, но Катен кажется несколько раздосадованной. Когда они подходят совсем близко, Гюстен неожиданно узнаёт их: это сыновья Катен, Луи и Панкрас.

Комиссар, представившийся первым, заявляет: «Мадам, я вас приветствую. Вы, конечно, не знаете, кто мы такие, и я вам сейчас это скажу. Меня зовут Луи, его — Панкрас, и мы — ваши сыновья. Я комиссар полиции, а он — кюре в Симье. Некоторое время тому назад одному из моих инспекторов было поручено выполнение некой миссии. Два раза

63 В графстве Ницца существует множество песенок и считалок. Та, с которой идёт речь, «гавотского» происхождения и написана на диалекте близком к провансальскому для которого характерно, в частности, окончание «О» для женского рода.

64 Имберге — поселок, расположенный между Дуранусом и Сен-Жан-ля-Ривьер.

подряд он приходил сюда, на Рокка-Спарвьера и сделанные им находки к несчастью напрямую вас обвиняют. Должен вам сказать, что я занимаюсь главным образом терроризмом, и у нас есть доказательства того, что вы стоите во главе сети злоумышленников, совершивших теракт в порту Ниццы, а также ряд взрывов как в самом департаменте, так и за его пределами». Комиссар добавляет, что он пришёл предупредить Катен, что будет вынужден её арестовать; что он специально вызвал своего брата Панкраса, обещавшего защищать её в полиции, и что он даёт ей недельный срок для того, чтобы туда явиться. Гюстен вспоминает тогда о человеке, которого заметил как-то в окрестностях часовни, и о сдвинутых столе и стульях, о длительных отлучках Катен и о её ране. Он чувствует себя немного соучастником, но в то же время уверенным, что у него, Гюстена, никогда не достало бы ни внутреннего убеждения, ни мужества, чтобы взорвать, как Катен, этот шикарный порт, мнящий себя красивым. Поэтому, когда его взгляд встречается со взглядом Катен, он испытывает нечто вроде благодарности Кюре, с суровым видом стоящий возле матери, говорит, что будет молиться за неё. Но Катен, которая выглядит столь же бесстрастно как в день, когда погиб её муж, отвечает, что не нуждается в молитве. Двое сыновей, обретшие мать, потеряли её в тот же самый момент, так и не сумев ни заговорить с ней, ни даже коснуться её руки, а Гюстен покидал близкого друга, ставшего для него олицетворением прекрасной природы дорогого ему края.

Луи и Панкрас начинают спуск в Энгарвен и Гюстен вместе с ними, так как оставил свою машину внизу, на дороге в Коарав. Прежде чем уйти, он последний раз машет Катен рукой на прощание, затем начинает спуск по тропе. Комиссар и священник пытаются завязать беседу, возможно для того, чтобы оправдать себя, но Гюстен не хочет играть роль дарующего прощение исповедника и отмалчивается. Трое мужчин доходят наконец до Энгарвена и строительной площадки. Вереницы грузовиков перевозят каменные глыбы, вырезанные бульдозерами из горы. Дорога, спускающаяся с Рокка-Спарвьера, вьётся вдоль образовавшейся при строительных работах стены из камней и грунта. Луи и Панкрас останавливаются на минуту, чтобы посмотреть, но Гюстен прощается с ними и направляется к машине, припаркованной у въезда на стройплощадку. Он уже собирается открыть дверцу, когда слышит позади себя адский грохот. Обернувшись, он видит рухнувшую стену. Вместо тропы на том месте, где только что стояли два брата, видна лишь огромная груда камней!

Вскорости после возвращения в Ниццу, Гюстен читает в газете, что Катен покинула Рокка-Спарвьера, а некоторое время спустя в долине Тиней был совершен новый теракт.

*«Гора пугает печальных служителей Бога и
Злата.
Это последнее прибежище покорённого народа.
Это вечный оплот свободы.
Это надёжный приют революционера,
бегущего от городской полиции».*
Ж. Л. Совэго⁶⁵

65 Ж.Л.Совэго — современный писатель. Цитата взята из книги «Хороший день, чтобы умереть, сын мой».

Эпилог

Я закончил чтение документа. Не могу понять, ни почему эта Катен подкладывала бомбы в порт, ни почему Гюстен мог чувствовать себя на Рокка лучше, чем в красивом супермаркете. Но в конце концов, каждому вольно думать, что ему нравится! К счастью, сейчас уже не существует стрекоз, ибо я слышал, что они испускают невыносимые звуки. Ещё я не могу понять, чем эти двое могли занять время в подобном одиночестве. Конечно, это может доставить удовольствие — остаться одному раз в год, но не более, чем на два или три часа! Мне также показалось, что Гюстен не любит автотрассы. Но в те времена нельзя было без них обойтись, ибо автоптеры еще не существовали. В наши дни порт для прогулочных судов тянется от Ментона до Канн и на это стоит посмотреть! Люди спокойно остаются на своих судах и при этом не рискуют погибнуть, утонув. Вся эта история с Катен и Гюстеном вообще лишена какого бы то ни было смысла. Но я всё говорю и говорю, а уже становится поздно. Мой автоптер остался на террасе последним. Остальные посетители уже улетели. Небо покрылось тучами, но с автопилотом это не представляет никакой опасности. Всё же я думаю, что мой автоптер недостаточно быстрый. Надо будет поменять его на будущий год. Как подумаю об этой истории! Эпизод из жизни умалишённых! Знал бы — не стал бы читать!

И всё же они могли бы оставить руины на месте, хотя бы для того, чтобы показать, как плохо жилось раньше.

Двадцать световых лет спустя

Рудольфе Анайя
Благослови меня, Ультима⁶⁶

Десятая

Пришло лето и обожгло меня до смуглоты своею силой, а равнина и река наполнили своей красотой. Рассказ о золотом карпе продолжал тревожить мой сон. Я пошел к дому Самюэля, но его уже сдали жильцам. Соседка, старая дама, сказала мне, что Самюэль с отцом нанялись пасти овец до конца лета. Единственным путем к золотому карпу для меня оставался Сико, и потому я каждый день уходил рыбачить к реке, смотрел и ждал.

Эндрю целыми днями работал, так что я виделся с ним Нечасто, но все же было славно сознавать, что он опять дома. Леон с Джином писали редко. Мы с Ультимой каждое утро работали в саду, отвоевывая у льяносов добрую землю для посева. Говорили мы мало, но нас связывало много общего. Вечерами я бродил у реки или в раскаленных холмах льяносов.

Отец горевал — оттого, что сыновья покинули его, и пил больше.

66 © 1972, Rudolfo Anaya. Bless Me, Ultima. Публикуется с разрешения автора. Продолжение. Начало в №№ 8-12 за 1996 год.

Мать тоже была несчастна. Оттого, что один из ее братьев, мой дядя Лукас, хворал. Я слышал — шептались ночами, что дядю околдовали, что ведьма навела на него порчу. Он проболел всю зиму и не поправился с началом весны. Теперь же он лежал на смертном одре.

Мои другие дядя перепробовали все, чтобы излечить младшего брата. Но доктор в городке и еще более важный доктор из Лас Вегаса были бессильны его исцелить. Просили даже священника из Эль Пуэрто применить изгоняющую молитву от порчи, и та не подействовала. Воистину, ведьмин умысел медленно убивал моего дядю!

Я слышал, — в ночи говорили, думая, что я сплю, — будто мой дядя подсмотрел сборище ведьм, творивших злобную пляску в честь Дьявола, оттого-то и был он проклят. В конце концов, решено было искать помощи целительницы, и пришли просить об этом Ультиму.

Стояло прекрасное утро, раскрывались цветы юкки, распевали пересмешники на холме, когда подъехал дядя Педро. Я выбежал навстречу.

— Антонио, — он потряс мою руку и обнял, как обычно.

— Buenos días le de Dios, tío⁶⁷, - ответил я. — Мы вошли в дом, где его приветствовали мать с Ультимой.

— Как там мой папа? — спросила мать, наливая ему кофе. Дядя Педро приехал просить помощи у Ультимы, и все знали это, но обычай есть обычай, и его нужно было соблюсти.

— Он здоров и шлет приветы, — сказал дядя, поглядев на Ультиму.

— А мой брат Лукас?

— Ай, — пожал плечами в отчаянии дядя, — ему куда как хуже с тех пор, как ты его видела. Мы стоим у самого края, и не знаем уж, что и делать...

— Бедный братец Лукас! — вскричала мать, — И надо же чтоб такое случилось с младшеньким! Он такой мастер, и никто лучше не умеет прививать деревья! — Оба вздохнули. Обращались ли к людям сведущим? — спросила она.

— Даже возили к главному доктору в Лас Вегас, и все без толку! — сказал дядя.

— Ходили ли к священнику? — спросила мать.

— Священник приходил, благословил дом, но ты же знаешь нашего, из Эль Пуэрто — он не станет мериться силой с этими ведьмами! Вот и сейчас решил остаться в стороне.

Дядя говорил так, будто знал, что за ведьмы навели порчу на Лукаса. Я тоже подивился — отчего же это священник не выступит против ведовства? С ним — дар Божий, святая Дева, на его стороне и все святые матери-церкви.

— Неужто же никого нет, к кому мы могли бы обратиться! — вскричала мать. Она и дядя взглянули на Ультиму, которая молчала, слушая их разговор. Теперь она встала лицом к дяде.

— Ах, Педро Луна, ты сидишь здесь, словно старуха, теряя за разговорами бесценное время...

— Ты пойдешь? — торжествуя, улыбнулся он.

— Слава Господу! — вскричала мать. Бросившись к Ультиме, она обняла ее.

67 Добрый день, дядя, во имя Господа, (исп.)

— Я пойду — с одним условием, — предупредила Ультима, подняв палец. Блеск ясных глаз приковал их к месту. — Вы должны понять, что когда кто-то, будь то ведьма или целительница, священник либо грешник, вмешивается в судьбу человека, порой приводится в действие цепь событий, над которой никто не имеет полной власти. Вам придется добровольно взять на себя эту ответственность.

Дядя поглядел на мать. Насущной их задачей было вырвать Лукаса из зева Смерти, и ради этого они готовы были взять на себя любую ответственность.

— Я возьму эту ответственность от имени своих братьев, — с расстановкой промолвил дядя Педро.

— А я принимаю твою помощь от имени своей семьи, — добавила мать.

— Хорошо, — кивнула Ультима. — Я пойду и исцелю твоего брата. — Она вышла из кухни, чтобы приготовить нужные травы и мази. Проходя мимо меня, прошептала: — Готовься, Хуан...

Я не понял. Хуан было мое отчество, но им никогда не пользовались.

— Славься, Пречистая Дева, — проговорила мать, тяжело опустившись на стул. — Она исцелит Лукаса.

— Порча глубока и сильна, — задумчиво сказал дядя.

— Ультима сильнее, — говорила мать. — Видела я, как творила она чудеса. Она обучалась у величайшего целителя всех времен, летающего человека из Лас Пастурас...

— Так, — кивнул дядя. — Даже он признавал великую силу старца из Лас Пастурас.

— Но скажи мне, кто наложил злое проклятье? — спросила мать.

— То были дочери Тенорио, — ответил дядя.

— А-а, эти злобные ведьмы, — мать перекрестилась, а я повторил ее жест. Опрометчиво было упоминать имена ведьм, не отведя зла с помощью святого креста.

— Да, Лукас рассказал папе эту историю, после того, как занемог, но только теперь, когда нам пришлось прибегнуть к помощи целительницы, отец поведал эту историю нам. То было в недобрый месяц февраль; Лукас переправился через реку в поисках потерявшихся дойных коров. По дороге он повстречал Мануэлито, сына Альфредо, ну, того, что женился на хромоножке. Ну, как бы там ни было, Мануэлито рассказал ему, что видел коров, вблизи излучины, где тополя сходятся в непроходимые заросли, — неладное место.

Мать снова перекрестилась.

— Мануэлито сказал, что попытался вернуть коров, но они уже подошли туда слишком близко, и он испугался. Он попытался предупредить Лукаса, чтобы тот держался подальше оттуда. Темнело, и в воздухе веяло чем-то недобрым, кричали в свете рогатого месяца совы...

— *Ai, Dios mío!* — воскликнула мать.

— Но Лукас не послушал предупреждения Мануэлито подождать до утра. Кроме папы, Мануэлито был последним, с кем говорил Лукас. Ах, этот Лукас! Такой твердолобый, такой дерзкий — он пришпорил лошадь, да и въехал прямо в заросли... — Он подождал, пока мать добавит ему еще кофе.

— Я все еще помню, что детьми мы следили за тем, как пляшут в том самом месте зловещие огоньки, — сказала мать.

— Да, — согласился дядя. — И как раз их-то Лукас и наблюдал той

ночью, только он не сидел за рекой, как мы. Он спешил и подкрался к поляне, где они виднелись. Он приблизился, и увидел, что то был не обычный огонь, а пляска ведьм. Они мелькали среди деревьев, но пламя их не жгло сухих веток...

— О, Пресвятая Дева! — воскликнула мать.

Я слышал немало историй о людях, наблюдавших колдовские огоньки. Говорили, будто ведьмы служат там Черную Мессу в честь Дьявола, и тот является и пляшет вместе с ними.

Да, и ведьмы умели принимать много других обликов! Порой они оборачивались койотом или совой. Да еще тем летом, говорили, в Куэрво фермер застрелил койота. Он с сыновьями по следам крови вышел к домику старухи, что жила в деревне. И там они обнаружили ее мертвой с ружейной раной. Фермер клялся, что вырезал на пуле крест, и это доказало, что старуха — ведьма, так что его отпустили без наказания. По старым законам, за убийство ведьмы наказания не было.

— Подобравшись поближе, — продолжал дядя, — Лукас увидел, что огоньки стали принимать форму. Явились три женщины, одетые в черное. Они разложили костер посреди поляны. Одна вынула котел, а другая — старого петуха. Они отрубила ему голову и слили кровь в котел. Потом стали готовить варево, бросая в котел множество других вещей, а сами плясали и напевали заклинания. Лукас не сказал, что они такое готовили, но передавал, будто запах был самый мерзкий из всех, что он знал...

— Черная Месса, — задохнулась мать.

— Si, — кивнул дядя. — Он помолчал, разжигая сигарету и доливая кофе. — Лукас говорил, будто они плеснули серы на угли, и пламя рванулось вверх, как черт знает что. От такого зрелища кровь стынет — ужас ветра и холод ночи, место столь зловещее и далекое от помощи христианской...

— Да-да, — подгоняла мать — а что было потом? — Рассказ заворочил нас обоих.

— Ну, вы знаете Лукаса. Он и дьявола увидит, да не поверит. Он думал, будто трое ведьм — это три грязные старухи, заслужившие христианское осуждение словом и делом, — так что вышел из-за дерева да и бросил им вызов!

— Не может быть! — выдохнула мать.

— Да! — подтвердил дядя. — И, насколько я знаю Лукаса, он, вероятно, сказал что-то вроде: «Эй, вы, мерзкие ведьмы, готовьтесь выйти против души христианской!» Я поразился храбрости дяди Лукаса. Никто в здравом уме не осмелился бы противостоять силам дьявола!

— И тут-то он признал сестер Трементина, трех дочек Тенорио.

— Ау, Dios mio! — вскричала мать.

— Да, уже давно говорили, будто они ведьмы. Сильно рассердились они, что их застигли за дьявольской мессой. Он сказал, будто они завывали, словно фурии, и кинулись к нему, напав, как дикие звери, но только он сделал верную вещь. Пока стоял за деревом, он взял два прутика и быстро связал их шнурком от ботинок. Из двух палочек он сотворил крест, и теперь держал святое распятие перед тремя злодейками, вскричав: «Хесус, Мария и Хосе!» При виде креста и звуке святого слова трое сестер упали на землю в припадке муки и боли. Они катались по земле, словно раненные звери, пока он не опустил креста. Тут они вскочили и унеслись во тьму, проклиная его.

Все смолкло. Остался лишь Лукас при свете гаснувшего огня на

проклятом месте. Он отыскал у реки свою лошадь, вскочил в седло и вернулся домой. Рассказал все только папе, который просил его больше никому об этом не говорить. Но через неделю Лукас занемог. Он только смог пробормотать, что ему отомстили сестры Трементина. Все остальное время уста его сомкнуты столь плотно, что он не в силах есть. Он угасает. Он гибнет...

Они долго молчали, каждый думая о зле, павшем на их брата.

— А вы ходили к Тенорио? — спросила мать.

— Папа был против этого. Он не верил в ведьмовство. Но Хуан, Пабло и я — мы отправились к Тенорио, да только не смогли предъявить ему обвинения хоть в чем-нибудь, ведь у нас не было доказательств. Он только посмеялся над нами и заявил, что вправе застрелить нас, если мы предъявим бездоказательное обвинение; а в своем салуне он держит свору приспешников. Он заявил, что у него есть свидетели на случай, если мы затеем что-либо. Так что нам пришлось уйти. Он посмеялся над нами.

— Ах, это злой человек, — содрогнулась мать.

— Зло порождает зло, — сказал дядя. — Знали, что жена его делала глиняных кукол и протыкала их иглами. Много жителей долины заболело по ее милости... даже умерло от ее порчи. Она поплатилась за свои грехи, но успела произвести на свет троих ведьм, чтоб продолжать свое дело в нашей мирной долине...

— Я готова, — прервала его Ультима.

Обернувшись, я увидел, что она стоит и смотрит на нас. С собой она захватила только маленькую черную сумку. И сама она была в черном, а головной платок закрывал лицо; сверкали лишь ее ясные глаза. Она держалась с достоинством, и несмотря на малый рост, готова была вступить в битву со всем тем ужасным злом, о котором я услышал только что.

— Гранде, — мать подошла и обняла ее. — Нелегко то, с чем мы просим тебя, но ты — последняя наша надежда.

Ультима стояла неподвижно. — Зло нелегко уничтожить, — сказала она, — и любая помощь дорога. — Она поглядела на меня, и взгляд ее заставил меня выступить вперед. — Мальчику придется поехать со мной, — прошептала она.

— Что? — удивилась мать.

— Антонио поедет со мной, он мне понадобится, — мягко повторила Ультима.

— Я поеду, — сказал я.

— Но почему? — спросила мать.

Дядя ответил: Он — Хуан...

— Так.

— И в нем сильна кровь Луна...

— Славься, Пречистая Дева, — пробормотала мать.

— Так нужно, если ты хочешь, чтобы твой брат исцелился, — провозгласила Ультима.

Мать взглянула на брата. Дядя только пожал плечами.

— Как скажешь, Гранде, — сказала мать. — Антони будет на пользу повидавать родичей...

— Он едет не в гости, — торжественно сказала Ультима.

— Я приготовлю одежду...

— Он поедет, как есть, — сказала Ультима. И обернулась ко мне. —

Ты хочешь помочь своему дяде, Антонио?

— Да, — ответил я.

— Будет трудно, — предупредила она она.

— Не страшно, — сказал я. — Я хочу помочь.

— А если люди скажут, что ты идешь на поводу у знахарки? Тебе не будет стыдно?

— Нет. Я буду гордиться, — заявил я с жаром.

Она улыбнулась.

— Идем, мы теряем драгоценное время... — Дядя и я последовали за ней наружу и забрались в грузовичок. Так началось наше странное путешествие.

— Adios, — напутствовала мать, — Siudado! Saludos a papa i a todos! Adios!⁶⁸

— Adios! — отозвался я, повернулся и помахал ей.

Дорога в Эль Пуэрто всегда была приятной, но сегодня она была полна странными предзнаменованиями. Фермы за рекой были безлюдны, вихри и столбы пыли застилали горизонт. Никогда не видал я ничего подобного; казалось, мы ехали в островке покоя, но дальше вокруг нас небеса хмурились. А когда мы прибыли в деревню, увидели рогатый месяц среди ясного неба, стоявший точно между двумя темными месами⁶⁹ на юге долины!

— Луна рода Луна, — заметил дядя, нарушив молчание единственный раз за всю поездку.

— Добрый знак, — кивнула Ультима. — Вот оттого-то это место зовут Эль Пуэрто де ла Луна, сказала она мне. — Видишь: эта долина — врата, через которые луна каждый месяц совершает свой путь с востока на запад... Поэтому естественно, что люди Луна пришли в долину. Они насадили злаки и ухаживали за своей живностью, согласно лунным циклам. Проживали жизнь, пели песни, и умирали под смену лун. Луна была их богиней.

Но отчего погода такая странная сегодня? И зачем Ультима привезла меня с собой? Я хотел помочь, но как мог я это сделать? Только потому, что меня звали Хуаном? А как моя невинная кровь Луна могла помочь снять проклятие с моего дяди? Я не знал этого, но мне предстояло узнать.

Пыльный след тянулся за грузовичком, мчавшимся по пыльной улице. Мертвенно тихо было все в Эль Пуэрто. Даже собаки не лаяли на машину. А мужчин деревни не было на полях, они сгруппировались за углами саманных домиков, перешептываясь, пока мы ехали мимо. Дядя правил прямо к дому деда.

Долго никто не показывался, и дядя забеспокоился. Женщины в черном безмолвно входили и выходили из дома. Мы ждали.

Наконец появился дедушка. Он медленно перешел пыльный дворик и приветствовал Ультиму. — Medica⁷⁰, — сказал он, — У меня есть сын, который умирает...

— Abuelo⁷¹, — отвечала она, — У меня есть снадобье для твоего сына.

68 До свидания. Будьте осторожны. Привет папе и всем остальным. (исп.)

69 Меса (исп.) — так называются плоскогорья на юго-западе США.

70 Целительница (исп.)

71 Старик, дедушка (исп.)

Он улыбнулся, протянул руку сквозь открытое окно и коснулся ее руки. — Совсем как в былые дни, — сказал он.

— Да. У нас по-прежнему есть силы бороться с этим злом, — кивнула она.

— Я заплачу серебром, если ты спасешь жизнь сына, — сказал он. — Казалось, он не замечал ни меня, ни дяди. Казалось, оба совершают какой-то обряд.

— Сорок долларов за то, чтобы обмануть смерть, — пробормотала она.

— Согласен, — ответил он. Он поглядел на близлежащие дома, где сквозь раскрытые занавески следили любопытные взгляды. — Люди пуэбло волнуются. Много лет уже целительница не приезжала для исцеления...

— Земледельцам лучше думать о земле, — просто сказала Ультима. — А теперь — пора за дело. — Она вышла из грузовичка.

— Что тебе понадобится? — спросил дед.

— Ты знаешь, — сказала она. — небольшая комната, простыни, вода, печка, атоле⁷², чтоб подкрепиться...

— Я приготовлю все сам, — сказал он.

— В доме женщины уже голоса по покойнику, — сказала Ультима. — Отошли их.

— Как скажешь, — отвечал дед. Не думаю, чтоб ему улыбалось очистить дом от жен своих сыновей, но он знал, что когда целительница трудится над снадобьем, она заправляет всем.

— Ночью придут принимать к дому животные. Койоты станут выть под дверью — прикажи сыновьям, чтоб не стреляли. Я сама справлюсь с теми, кто придет мешать исцелению.

Дед кивнул.

— Мы пойдем в дом сейчас? — спросил он.

— Нет. Сначала мне нужно поговорить с Тенорио. Он, должно быть, в своем логове, в месте, именуемом салуном? — спросила она. Дед подтвердил. — Я поговорю с ним. Сначала попытаюсь воззвать к его разуму. Он должен знать, что те, к вмешивается в судьбу, часто попадают в собственные сети...

— Я пошлю с тобой Педро и Хуана, — начал было дед, но она его прервала.

— С каких пор целительница нуждается в помощи, имея дело с псами? — отрезала она. — Пойдем, Антонио, — позвала она и двинулась вдоль по улице. Я поспешил за ней.

— Мальчик разве нужен? — крикнул вдогонку дед.

— Нужен, — отвечала она. — Ты не боишься, не правда ли, Антонио? — спросила она меня.

— Нет, — отвечал я, и взял ее за руку. Много глаз скрытно следили за нашим продвижением по пыльной, пустой улице. Салун стоял в конце ее, напротив церкви.

То был маленький, изношенный саманный домик с вывеской над входом. Вывеска гласила, что салун принадлежит Тенорио Трементина. Человек этот, подрабатывавший деревенским брадобреем по субботам, обладал сердцем чернее адской ночи!

72 Атоле — кукурузная похлебка.

Ультима, как видно, не боялась ни его, ни злых сил трех его дочерей. Без колебаний она толкнула дверь, я же последовал за ней. Четверо мужчин сгрудились вокруг одного из немногих столиков. Трое оглянулись и поглядели на Ультиму с удивлением. Они не ждали увидеть ее в этом недобром месте. Четвертый сидел спиной к нам, но я заметал, как задрожали его сутулые плечи.

— Я ищу Тенорио! — объявила Ультима. Голос ее был силен и уверен. Она стояла прямо, с тем же благородством, какое я часто наблюдал, когда мы бродили в льяносах. Она не боялась, и потому я старался стоять как она, изгнав страх из своего сердца.

— Чего тебе, ведьма? — прорычал человек, не смеявший обернуться.

— Покажи мне лицо, — потребовала Ультима. — Что, у тебя нет мужества встретиться лицом к лицу со старухой? Для чего ты сидишь спиной ко мне?

Тощая, сутулая фигура подскочила и обернулась. Я, вероятно, вздрогнул при виде его лица. Оно было худым и напряженным, борода торчала клочьями. Глаза — черные и узкие. Недобрый блеск излучали они. Тонкие губы задрожали, когда он прорычал: «Потому что ты — bruja⁷³»! Пена появилась у края его губ.

Ультима засмеялась.

— Ай, Тенорио, ты так же безобразен, как твоя темная душа. То была правда: никогда еще не видел я человека Уродливее.

— Toma!⁷⁴ — вскричал Тенорио. Он скрестил пальцы и сотворил крестное знамение перед лицом Ультимы. Она не отпрянула. Тенорио задержал дыхание и отпрянул сам, и трое его спутников-бродяг, уронив стулья на пол, подались назад. Они знали, что крест подействовал бы против всякой ведьмы, но он оказался бессилен перед Ультимой. Либо она не была ведьмой, либо, в их разумении, обладала силами, подвластными самому Сатане.

— Я — целительница, — тихо сказала Ультима, — я пришла, чтобы снять порчу. Это твои дочери, творящие зло, ведьмы...

— Ты лжешь, старуха! — вскричал он. Я думал, он набросится на Ультиму, но его скрюченное тело лишь задрожало от ярости. Он не смел коснуться ее.

— Тенорио! — заговорила Ультима строго. — Ты будешь глупцом, если не послушаешь меня. Мне не стоило приходить к тебе, но я пришла. Послушай же моего совета. Вели своим дочерям снять заклятие...

— Ложь! — вскричал он, словно от боли. Он повернулся остальным троим, призывая их в свидетели, но те не встали на его сторону. Они беспокойно переглянулись, а затем посмотрел на Ультиму.

— Я знаю, где и когда было наложено заклятие, продолжала Ультима. Когда Лукас зашел в салун пропустит стаканчик, да обкромсать волосы твоими зловещими ножницам! Я знаю, что твои дочери собрали отрезанные волосы, и с их помощью совершили злодейство!

Этого трое мужчин уже не вынесли. Они были в ужасе. Пряча от страха глаза, избегая взгляда Тенорио, они заторопились к выходу. Дверь с грохотом захлопнулась. Станный, темный вихрь прошел по пыльной

73 Ведьма (исп.).

74 Шлюха (исп.).

улице и взвыл горестно, огибая угол салуна. Гроза, надвигавшаяся отовсюду, разразилась, и взметнувшаяся пыль, казалось, закрыла свет солнца. В комнате стемнело.

— Ау, bruja! — Тенорио угрожающе поднял кулак, — за то, что ты поносила моих дочерей и мое доброе имя при людях, ты умрешь! — Голос его звучал угрозой, а глаза пылали, оглядывая Ультиму.

— Я не боюсь твоих угроз, Тенорио, — сказала спокойно Ультима. — Ты хорошо знаешь, что сила перешла ко мне от el hombre volador⁷⁵...

При упоминании этого великого целителя из Лас Пастурас Тенорио сжался, словно получил удар в лицо от невидимой силы.

— Я думала, удастся договориться с тобой, — продолжала Ультима, — Думала, ты поймешь, что вступают в игру силы, способные разбить множество судеб, но вижу, что это бесполезно. Твои дочери не снимут заклятие, и потому мне придется применить магию превыше зла, магию, что пребудет навеки...

— А как же мои трое дочерей? — вскричал Тенорио.

— Они осмелились вмешаться в судьбу, — отвечала Ультима.

— Пусть пеняют на себя... — Она взяла меня за руку, и мы вышли на улицу. Удушливая пыль была столь густой, что заслоняла небо. Я привык к пыльным бурям ранней весны, но эта, посреди лета, была неестественной. Стонал и завывал ветер, и в центре небес солнце стояло кроваво-красной точкой. Одну руку я поднес к глазам, а другой крепко держался за Ультиму, пока мы пробивались сквозь ветер.

Я думал о злодее Тенорио, и о том, как Ультима заставила его отступить, и тут услышал стук копыт. Будь я один, я не обратил бы на них внимания, настолько был озабочен тем, чтобы отыскать путь в пыльной буре. Но Ультима была бдительнее, чем я. Внезапно ступив в сторону, она рванула меня за собой, выдернув из-под копыт черного коня и всадника, промчавшегося мимо нас. Всадник, чуть не сбивший нас с ног, тут же исчез в облаках пыли.

— Тенорио! — закричала Ультима мне в ухо. — Спешит домой предупредить дочек.

— Остерегайся его коня, — добавила она, — его обучили топ тать насмерть... — Я понял, как близок был к увечью или гибели.

Когда мы подходили к дому дедушки, в буре наметилась передышка. Небо вокруг оставалось черным, но тучи несколько рассеялись. Женщины, уже собравшиеся в доме оплакивать дядю Лукаса, воспользовались случаем, чтобы, закрыв лицо шальями, разойтись по домам, прежде чем дьявольская буря разразится снова. Было очень странно видеть женщин в черном уходящими из дома, наружу, в ревущую бурю. Словно сама смерть спешило прочь, оставляя тело.

Мы вошли в дом. Дверь за нами захлопнулась. Во мраке нас встретил дед.

— Я уже стал волноваться, — сказал он.

— Все готово? — спросила Ультима.

— Как ты велела, — ответил он и провел нас сквозь темные тихие комнаты дома. Мигающая лампа, которую он на отбрасывала наши пляшущие тени на гладкую, чистую поверхность глиняных стен. Никогда не был дом столь тихим и пустым, как сегодня. Всегда были в нем мои

дяди, тети и племянники. Теперь он был словно немая гробница.

Наконец мы добрались до маленькой комнатки. Дед встал в дверях и поманил нас. Мы вошли. Земляной пол, сбрызнутый водой, стены — из гладких саманных кирпичей. Но чистый дух земли не мог заглушить сильного запаха смерти, наполнявшего комнату. Деревянная кровать несла на себе сморщенное тело умиравшего дяди Лукаса. Он был обернут в белое, и я подумал, что он уже мертв. Казалось, он не дышал. Глаза его были как две черные впадины, а тонкий пергамент желтой кожи обтянул костлявое лицо, словно сухая бумага.

Ультима подошла к нему и коснулась лба.

— Лукас, — прошептала она. Ответа не было.

— Он лежит так уже не первую неделю, — сказал дед, — безнадежен. — В глазах его стояли слезы.

— Пока есть жизнь, есть и надежда, — кивнула Ультима.

— Так, — согласился дед. Он распрямил плечи. — Я принес все, что ты просила, — он кивнул на небольшую печку и поленницу дров. На стуле, рядом с печкой, было сложено чистое белье, а на полке — вода, атоле, сахар, молоко, керосин и прочее.

— Мужчин предупредили насчет зверей, плакальщиц отослали по домам. Я буду ждать за стенкой, и если вам понадобится что-либо, я тут...

— Никому не вмешиваться, — сказала Ультима. Она уже снимала шаль и закатывала рукава.

— Понимаю, — сказал дед. — Жизнь его в твоих руках. — Он повернулся и вышел, затворив за собой дверь.

— Антонио, разожги огонь, — приказала Ультима. Она засветила керосиновую лампу, пока я разводил огонь. Затем зажгла ароматные куренья. Потрескивал огонь, разнося очистительный запах, и комната перестала казаться столь уж похожей на гробницу. Снаружи завывала буря, и опустилась черная ночь.

Мы согрели воды в большом тазу, и Ультима обмыла дядю. Он был младшим среди других, и я всегда помнил его полным жизни и дерзости. Теперь тело его было всего лишь скелетом, обтянутым сухой кожей, а в лице читалась боль заклятия. Сначала от его вида меня замутило, но, помогая Ультиме, я забыл об этом и набрался храбрости.

— Он выживет? — спросил я, пока она завертывала его в свежие простыни.

— Его оставили так слишком надолго, — сказала она. — То будет нелегкая битва...

— Но отчего не позвали тебя раньше? — спросил я.

— Церковь не позволяла твоему деду обратиться ко мне. Церковь боялась, что... — Она не кончила фразу, но я знал, что она имела в виду.

Священник в Эль Пуэрто не хотел, чтобы люди слишком доверялись власти целительницы. Он хотел, чтобы милосердие и вера церкви были единственными путеводными огнями для жителей деревни.

Окажется ли волшебство Ультимы сильнее сил всех святых и Святой Матери Церкви? Я не знал.

Ультима приготовила свое первое лекарство. Она смешала керосин с водой и осторожно подогрела миску на огне. Взяв множество трав и корней из черной сумки, она бросила их в теплую, маслянистую воду. Помешивая отвар, она что-то бормотала. Я не улавливал всего, но слышал: «Заклятие Трементина обратится вспять и падет на них самих... Испытаем юную кровь Луна против старой крови бывшего...»

Закончив, она остудила снадобье, затем с моей помощью мы подняли дядю и заставили проглотить лекарство. Он застонал от боли, забился в судорогах, словно хотел извергнуть снадобье. Было радостно видеть в нем знаки жизни, но трудно заставить его удержать лекарство.

— Пей, Лукас, — убеждала она его, а когда он стиснул зубы, она разжала их и заставила его выпить зелье Болезненный вой заполнил комнату. Он был ужасным, но в конце концов нам удалось влить лекарство до конца. Потом Ультима накрыла его, потому что он начал потеть и дрожать одновременно. В глазах стояла тоска, как у загнанного зверя. Наконец веки опустились, и усталость погрузила его в сон.

— Так, — сказала Ультима, — мы начали наше исцеление. — Она обернулась, поглядела на меня, и я увидел, насколько она устала. — Ты голоден? — улыбнулась она.

— Нет, — ответил я. Хотя я не ел с утра, происшедшие события заставили меня позабыть о еде.

— И все же нам лучше поесть, — сказала она, — это может оказаться последней трапезой на несколько дней вперед. Они взяли свежесрезанные волосы, заклятье очень сильное, а сил у него уже немного. Разложи-ка там одеяла и устраивайся на ночь, пока я сготовлю нам немного атоле.

Я разложил одеяла поближе к стене рядом с печкой, пока Ультима готовила еду. Дед принес сахара, сливок, два батона свежего хлеба, и мы славно поели.

— Хорошо, — сказал я. Поглядел на дядю. Он мирно спал. Лихорадка длилась недолго.

— Много полезного в сине-черной кукурузной муке⁷⁶, — улыбнулась она. — Индейцы считают ее священной, — и почему бы нет? В день, когда мы накормим Лукаса миской атоле, он будет здоров. Разве это не святость?

Я согласился.

— Сколько это займет времени? — спросил я.

— День-два...

— Когда мы были в баре Тенорио, ты его не боялась. А здесь — ты не страшилась войти туда, где поселилась смерть...

— А ты боишься? — в свою очередь спросила она, оставила миску в сторону и заглянула мне в глаза.

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Не знаю, — сказал я.

— Я скажу тебе, почему, — улыбнулась она. — Потому, что добро всегда сильнее зла. Всегда помни об этом, Антонио Малейшая доля добра способна выстоять против всего зла на свете, и победить. Не нужно бояться таких людей, как Тенорио.

Я кивнул.

— А его дочерей?

— Это женщины слишком безобразные, чтобы ублажить мужчин, — ответила она, — и вот они проводят свое время за чтением Черной Книги и творя злые дела бедным, доверчивым людям. Вместо того, чтобы трудиться, они служат свои черные мессы и пляшут в честь Дьявола во

⁷⁶ Мука из особого сорта кукурузы с иссиня-черными зернами.

тьме речной. Но они — недоучки, Антонио. — Ультима медленно покачала головой — их силе не совладать с доброй силой целительницы-курандеры. Не пройдет и нескольких дней, как они пожалеют, что отдали души дьяволу...

Снаружи раздался вой голодных койотов. Смех их звучав прямо под оконцем комнатки. Их когти скребли по саманные стенам домика. Я задрожал. Поглядел в тревоге на Ультиму, но та подняла руку, призывая слушать. Мы ждали, вслушиваясь в вой ветра да царапанье когтей и лай стаи.

И тут я услышал ее. То был крик совы Ультимы. «У-у-у-ху-у», — вскричала она, перекрывая вой ветра и, упав сверху обрушилась на койотов. Ее острые когти нашли цель, ибо злобный смех койотов сменился болезненным воплем.

Ультима засмеялась. «О-о, эти девицы Трементина. Завтра окажутся все в синяках да царапинах, — сказала она. — Но у меня впереди много дела», — заговорила она про себя. Поплотнее укрыла меня одеялами, а потом зажгла еще курений. Я устроился у стены, чтобы видеть все, что она станет делать. И хотя устал, но уснуть не мог.

Сила докторов и власть церкви на смогли излечить моего дядю. Теперь все зависело от волшебства Ультимы. Возможно ли, чтобы было больше чуда у Ультимы, чем у священника?

Веки налились тяжестью, но до конца не смыкались. Вместо сна я провалился в глубокое оцепенение. Взгляд мой застыл на дяде, и я не мог уже оторвать его. Я понимал, что творилось в комнате, но чувства были мне не подвластны. Вместо этого я оставался в каком-то сне наяву.

Я видел, как Ультима приготовила снадобье для дяди, а когда она заставила больного проглотить его, и лицо бедняги отразило боль, она отозвалась в моем теле. Я почти чувствовал во рту маслянистую горячую жидкость. Я наблюдал его судороги, но и мое тело было охвачено болезненными спазмами. Я почувствовал, что весь мокрый от пота, и попытался позвать Ультиму, но голоса не было. Я пробовал подняться, но не мог сдвинуться с места. Страдал от приступов боли, которые сотрясали дядю, и они перемежались ощущениями подъема и силы. Едва боль стихала, словно волна энергии проносилась сквозь тело. И все же я не мог двинуться. И не мог отвести глаз от своего дяди. Мы с ним словно проходили одно и то же исцеление, но я не в состоянии был объяснить этого. Я попытался молиться, но слова не шли на ум, и оставалась только неразрывная связь с дядей. Он лежал на другой стороне комнаты, но тела наши словно бы были нераздельны. Мы слились друг с другом, и объединились в общей борьбе с внутренним злом, что билось, пытаясь отразить волшебство Ультимы.

Время перестало существовать. Ультима входила и уходила. Стоны ветра и крики зверей снаружи смешивались с дымом курений и ароматом сосновых дров, пылавших в печи. Один раз Ультимы не было долго. Я слышал, как пела снаружи сова, и слышал шум ее крыл. Я увидел ее мудрый лик и хлопающие крылья в окне — и тут Ультима оказалась рядом. Ноги ее были мокры от глинистой почвы долины.

— Сова, — только и смог я вымолвить.

— Все хорошо, — ответила Ультима. Она коснулась моего лба, и ужасное напряжение, владевшее мной, казалось, спало с моих плеч. «Лихорадки нет, — прошептала она, — ты крепок. Кровь Луна густа в тебе...»

Ее рука несла прохладу, как воздух летней ночи.

Дядя простонал и заворочался на постели.

— Славно, — промолвила Ультима, — мы одолели духа смерти, теперь осталось только заставить больного извергнуть злого духа...

Она пошла к печке и приготовила новое лекарство. Это не пахло так, как первое, но было более едким. Я видел, как она добавляла новые масла, которых не брала прежде. Видел и то, что некоторые корешки были только что из земли. И впервые она стала как будто петь молитвы, а не бормотать их.

Окончив смешивать травы, она дала небольшой посудине настояться на печи, затем достала из своей черной сумки большой кусок свежей черной глины. Прикрутила керосиновую лампу и зажгла свечу. Затем сидя при ее свете, стала напевать, разминая мокрую глину. Она разделила ее на три части и тщательно обработала каждую. Когда она закончила, я увидел, что она изготовила трех кукол. Они были как живые, но я не помнил, чтоб они походили на кого-либо из моих знакомых. Затем она взяла теплого растаявшего воска со свечки и покрыла им кукол так, что те сделались телесного цвета. Когда они затвердели, она одела всех в кусочки ткани, которые достала из черной сумки.

Покончив с этим, она поставила кукол при свете мерцающей свечи, и я увидел трех женщин. Тогда Ультима обратилась к ним:

Вы сотворили зло, — пела она, —

Но добро сильнее зла,

А что вы хотели начать, прикончит вас...

Подняв троих кукол, она поднесла их к устам моего хворого дяди, и когда ондохнул на них, они словно стали извиваться в ее руках.

Я задрожал, увидев, как оживает глина.

Затем она взяла три булавки и, погрузив их в новое снадобье, воткнула булавку в каждую из кукол. Потом убрала их прочь. Остаток снадобья она заставила выпить моего дядю. Должно быть, оно было очень сильным, потому что тот кричал, когда она заставляла его глотать. Сильный запах наполнил комнату, и даже я ощутил внутри жгучую жидкость.

После этого я смог отдохнуть. Веки сомкнулись. Мышцы расслабились, и я соскользнул из сидячего положения, завернулся в одеяла. Я почувствовал, как нежные руки Ультимы укрывают меня — и больше ничего. Я заснул, и снов не было.

Проснувшись, я почувствовал себя очень слабым и голодным.

— Ультима, — позвал я. Она подошла ко мне и помогла сесть.

— Ау, mi Antonito, — дразнясь, сказала она. — Что ты за соня! Как ты чувствуешь себя?

— Проголодался, — сказал я слабо.

— Вот тебе миска свежего атоле, — усмехнулась она. Вымыла мне руки и лицо влажной тряпкой, а затем принесла тазик, чтоб я помочился, пока она заканчивала готовить горячую кашу. Резкий запах темно-желтой мочи смешался с ароматом атоле. Снова опускаясь на кровать, я почувствовал себя лучше.

— Как мой дядя Лукас? — спросил я. Он, казалось, мирно спал. Прежде его дыхания не было видно, а теперь грудь вздымалась ритмами жизни, и в лице пропала бледность.

— Он поправится, — сказала Ультима. Протянула мне миску синего атоле. Я поел, но поначалу не смог удержать пищу. Я

поперхнулся, Ультима подстелила ткань прямо передо мной, и на нее я изверг отравленную зеленую жижу. Нос и глаза жгло, но мне стало лучше.

— Со мной все будет хорошо? — спросил я, пока Ультима наводила порядок.

— Да, — улыбнулась она. Выбросила грязные тряпки в мешок в дальнем углу комнаты. — Попробуй теперь, — добавила она. Я так и сделал, и на сей раз меня не вырвало. Атоле и хлеб были чудными. Я поел и почувствовал себя обновленным.

— Могу ли я чем-то помочь тебе? — спросил я.

— Просто отдохни, — сказала она, — наше дело здесь почти завершено...

И тут мой дядя сел на постели. То было устрашающее зрелище — и никогда больше мне б не хотелось снова видеть такое. Словно покойник вставал из мертвых, и белый саван был мокрым от пота, прилипнув к его истощенному телу. Он кричал, словно зверь, которому причиняют адскую боль.

— Ай-и-ииииииии!

Крик рвался сквозь искривленные губы, с которых капала пена. Глаза широко глядели из темных ям, а его тонкие скелетообразные руки молотили воздух так, словно он сражался с фуриями ада.

— Ао-ооооохха... Айииии! — Кричал он в муке. Ультима мигом оказалась рядом с ним, удерживая, чтоб он не упал с постели. Тело его извивалось в безумных спазмах, а лицо исходило мукой.

— Пусть зло выйдет вон! — вскричала Ультима ему на ухо.

— Dios mio! — были его первые слова, и тут зло изверглось изнутри его. Зеленая жижа пошла изо рта, и Наконец, наружу вылетел большой клубок волос. Он упал на пол, горячий и извивающийся, словно клубок живых змей.

То были те самые волосы, орудие заклѣтья!

— А-ах! — торжествующе вскричала Ультима, и чистой тканью вымела вон злобный, оживший клубок волос. — Это сгорит под деревом, где пляшут ведьмы... — пела она, и быстро сунула нечисть в мешок. Тщательно она завязала его, а затем снова вернулась к дяде. Он держался за край постели, вцепившись в дерево высохшими пальцами, словно боясь вновь впасть в жестокий паралич. Он был слаб и весь в поту, но здоров. Глаза его говорили: он знает, что он снова мужчина, человек, вернувшийся живым из ада.

Ульtima помогла ему улечься. Она обмыла его и накормила — впервые за много дней. Он поглощал еду, словно оголодавший зверь. В первый раз он не удержал пищу, но оттого, что желудок отвык и был долгое время пуст. Мне оставалось только смотреть.

После этого мой дядя уснул, и Ультима собрала все вещи, готовясь к отъезду. Дело наше было сделано. Покончив с приготовлениями, она подошла к двери и позвала деда.

— Сын твой жив, старик, — сказала она. Спустила подкатанные рукава и застегнула их.

Дед наклонил голову. — Можно ли мне подать вестъ тем кто ожидает? — спросил он.

— Конечно, — кивнула Ультима. — Мы готовы к отъезду.

— Педро, — позвал дед. Потом он вошел в комнату осторожно подошел к постели, словно не зная, чего ожидать.

Лукас застонал и открыл глаза.

— Папа, — сказал он. Дедушка обхватил руками сына и вскричал: «Слава Господу!».

Тети, дяди и дальние родичи повалили комнату, и все; охватила радость. Весть об исцелении быстро разнеслась по Эль-Пуэрто. Дядья стали входить в комнату, чтобы приветствовать брата. Я поглядел на Ультиму и понял, что ей хочется исчезнуть отсюда как можно скорее.

— На первых порах не утомляйте его, — сказала она. Поглядела на Лукаса, который озирался вокруг удивленными, но счастливыми глазами.

— Gracias por mi vida⁷⁷, — сказал он Ультиме. И тут все мои дядья встали и принялись благодарить. Дед выступил вперед и вручил Ультиме кошелек с серебром, как требовалось по обычаю.

— Я никогда не смогу отплатить тебе за спасение сына, — сказал он.

Ультима взяла кошелек.

— Быть может, когда-нибудь мужчины из Эль Пуэрто спасут жизнь мне... — отвечала она. — Пойдем, Антонио, — и поманила меня. Она сжимала черную сумку и мешок, который предстояло сжечь. Мы протиснулись сквозь любопытную, взволнованную толпу, и та раздалась, пропуская нас.

— La Curandera, — воскликнул кто-то. Некоторые женщины наклоняли головы, другие крестились. — es una mujer que no a pecado, — прошептала одна. — Hechisera — bruja⁷⁸...

— Нет! — оспорила последнее слово одна из моих теток. Она склонилась на пути Ультимы и коснулась подола ее платья, пока та проходила мимо.

— Es sin pecado⁷⁹, — последнее, что я услышал, и мы вышли наружу. Дядя Педро подвел нас к грузовичку.

Он открыл дверцу Ультиме и сказал: «спасибо». Она кивнула и мы вошли. Он завел мотор и включил огни. Два луча прорезали одиночество ночи.

— Ты знаешь рошу, где Лукас видел пляску ведьм? — спросила Ультима.

— Си, — отвечал дядя.

— Вези нас туда, — велела Ультима.

Дядя Педро, вздохнув, пожал плечами.

— Ты сотворила чудо, — и если б не это, ни за что на свете не стал бы я ехать в это проклятое место... Грузовичок рванул вперед. Мы переехали старый деревянный мост и повернули направо. Машину мотало на коровьей тропе. По обе стороны нас смыкались темные заросли-боске⁸⁰.

Наконец, мы прибыли к концу избитой тропы. Дядя остановил грузовичок. Нас, казалось, поглотили плотные речные заросли. Крик странной птицы прорезал болотный ночной воздух. — Дальше ехать нельзя, — сказал дядя. — Поляна ведьм прямо впереди.

— Подождите здесь, — сказала Ультима. Она взвалила на спину

77 Благодарен до конца дней своих (исп.)

78 Целительница... это безгрешная женщина... колдунья... ведьма (исп.)

79 Безгрешная (исп.)

80 Заросли кустарника на юго-западе США (исп.)

мешок. И исчезла в густом кустарнике.

— О, что за храбрая женщина! — воскликнул дядя. Я ощутил, как он задрожал и стал креститься, отводя зло. Вокруг нас вздымались деревья, словно гигантские скелеты, лишенные зелени, голые и белесые.

— Дядя, — спросил я. — сколько времени провели мы в комнате с дядей Лукасом?

— Три дня, — ответил он. — Ты здоров, Тони? — он погладил меня по голове. После Ультимы то было первое человеческое прикосновение за долгое время.

— Да, — ответил я.

Мы заметили, как впереди взвилось пламя. То Ультима сжигала содержимое мешка, точно там, где плясали три ведьмы, когда их заметил дядя. Запах серы распространился в застойном, влажном воздухе. Дядя снова перекрестился.

— Мы в вечном долгу у нее, — сказал он. — за жизнь нашего брата. Ну и храбра же она — пойти одной в такое место! — добавил он.

Пламя в кустах погасло и обратилось в пепел. Мы ждали Ультиму. В кабине было очень тихо. Вдруг стук испугал нас, но в окне показалось смуглое лицо Ультимы. Она вошла и сказала дяде:

— Работа наша окончена. А теперь — домой, мы устали и должны поспать.

(Продолжение следует)

Инвариант

Продолжаем публикацию глав книги Алексиса де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке и повествующей об удивительных законах созидания фантастически развивающихся сообществ людей, а также о результатах отклонений от них.

Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев. Гл. IV. О принципе народовластия в Америке — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучать происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О федеральной конституции — №№ 4, 5-6, 1995; Часть вторая. Гл. I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет народ. Гл. II. О партиях в Соединенных Штатах. Гл. III. О свободе печати в Соединенных Штатах. Гл. IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах. — N 1-2, 1996; Гл. V. О демократическом правительстве в Америке. — N 3-4, 1996; Гл. VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества. — N 5-6, 1996; Гл. VII. О всевластии большинства в Соединенных Штатах и его последствиях. — N 7, 1996; Гл. VIII. Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах. — N 8-9, 1996; Гл. IX. Об основных причинах, способствующих существованию демократической республики в Соединенных Штатах. — N 10-11, 12, 1996.

Глава X

**НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННОГО
СОСТОЯНИЯ И ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО ТРЁХ РАС,
НАСЕЛЯЮЩИХ ТЕРРИТОРИЮ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ**

Основная задача, которую я себе ставил, выполнена. Я показал, по крайней мере насколько это было в моих силах, что представляют собой законы американской демократии, познакомил читателя с американскими нравами. Я мог бы на этом остановиться, но читателю, возможно, показалось бы, что я не полностью оправдал его ожидания.

Америка — страна не только глубокой и полной демократии, и народы, населяющие ее, можно рассматривать со многих точек зрения.

На страницах этой книги мне часто приходилось, в связи с моей темой, говорить об индейцах и неграх, но я ни разу не имел возможности остановиться на этом вопросе и показать, какое место занимают эти две расы в том демократическом обществе, которое я описывал. Говоря о духе и законах, положенных в основу американской федерации, я лишь вскользь и весьма неполно упоминал об опасностях, угрожающих ей. Я не мог подробно проанализировать вероятность ее длительного существования, которое зависит не только от законов и нравов. Говоря об объединенных республиках, я ни разу не делал прогнозов по поводу стабильности республиканской формы правления в Новом Свете. Я часто упоминал о коммерческой деятельности, процветающей в Америке, но не имел возможности рассмотреть будущее американского народа в этом плане.

Все эти вопросы соприкасаются с моей темой, но не входят в нее, они присущи американскому обществу, но не демократии. Я же хотел прежде всего дать описание именно демократии. Поэтому вначале мне пришлось обойти их, но, заканчивая свое исследование, я должен к ним вернуться.

Территория, которую занимает или на которую претендует в настоящее время американский Союз, простирается от Атлантического океана до берегов Южного моря. Она занимает весь континент, от востока до запада, на юге достигает тропиков, а на севере — середины арктических льдов.

Люди, населяющие это пространство, не являются, подобно европейцам, представителями одной расы. С первых же шагов мы встречаемся там с тремя совершенно различными, я бы даже сказал враждебными, расами. Воспитание, законы, происхождение и даже внешний облик воздвигли между ними почти непреодолимые препятствия. По воле судьбы они живут рядом, но не могут слиться воедино, объединиться, и каждая из них идет своим путем.

Среди этих столь различных людей на первом месте стоит белый

⁸¹ Публикуется по изданию: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

человек, европеец, самый образованный, самый сильный, самый счастливый. Это — человек в полном смысле слова. Ниже его стоят негры и индейцы.

Две эти обездоленные расы не имеют ничего общего ни в происхождении, ни во внешних чертах, ни в языке, ни в нравах. Единственное, что их объединяет, — это их страдания. И та и другая занимают подчиненное положение в своей стране, обе испытывают на себе гнет тирании. И хотя их несчастья неодинаковы, ответственность за них падает на одних и тех же людей.

Наблюдая то, что происходит в мире, можно прийти к мысли, что европеец занимает по отношению к людям других рас такую же позицию, как сам человек по отношению к животным. Он заставляет их работать на себя, а если ему не удастся сломить их сопротивление, он их уничтожает.

В результате угнетения негры утратили почти все черты, свойственные человеку! Негры в Соединенных Штатах не сохранили даже воспоминаний о своей отчизне, они не понимают языка своих отцов, отреклись от их веры, забыли их нравы. Но несмотря на то, что все их связи с Африкой разорваны, они не имеют никакого доступа к европейским достижениям. Они находятся между двумя обществами и не принадлежат более ни к одному из двух народов, один из которых их продал, а другой отвергает. Единственным и смутным образом родины для них во всем мире является дом их хозяина.

У негров нет семьи: их жены — это не что иное, как женщины, временно разделяющие их удовольствия, они лишены родительской власти над детьми.

Следует ли считать благодеянием Бога или высшим проявлением его гнева то состояние души, благодаря которому человек не чувствует самых страшных страданий и зачастую даже приобретает какое-то извращенное влечение к причине своих бед? Негры, погруженные в пучину горестей, не слишком остро ощущают свою обездоленность. Насилие сделало их рабами, рабское состояние развило в них рабские мысли и тщеславие. В них больше восхищения своими тиранами, чем ненависти к ним, они испытывают радость и гордость, рабски подражая тем, кто их угнетает.

Их интеллект снизился до уровня их души.

Рождаясь, негр сразу становится рабом. Мало того, часто его покупают еще во чреве матери, и, таким образом, он попадает в рабство до своего рождения.

У него нет ни нужд, ни развлечений, он лишен самостоятельности. Усваивая первые в своей жизни понятия, он осознает, что является собственностью другого человека, который заинтересован в том, чтобы он жил. Он видит, что забота о его судьбе принадлежит не ему, сама способность мыслить кажется ему бесполезным даром Провидения, и он спокойно пользуется всеми выгодами своего низкого положения.

Если он обретает свободу, то она часто кажется ему более тяжким грузом, чем рабство. Ведь он в своей жизни научился подчиняться всему, кроме рассудка, и, когда рассудок становится его единственным советчиком, он оказывается не в состоянии услышать его голос. Его осаждают тысячи новых потребностей, но у него нет знаний и достаточной энергии для того, чтобы их удовлетворить. Потребности — это повелители, с которыми надо уметь бороться, а он научился лишь подчиняться и повиноваться. Он дошел до крайней степени падения: рабство лишило его человеческого облика и свобода для него губительна.

Угнетение оказало не меньшее влияние и на индейские народы, но привело к совершенно иным результатам.

До появления белых в Новом Свете люди, населявшие Северную Америку, спокойно жили в лесах. Они были подвержены обычным превратностям дикой жизни и обладали пороками и добродетелями нецивилизованных народов. Европейцы прогнали индейские племена в отдаленные пустынные места и обрекли их на кочевую жизнь, полную невыносимых страданий.

У диких народов в качестве законов выступают убеждения и нравы.

В результате тирании европейцев у североамериканских индейцев ослабло чувство родины, их роды были рассеяны, традиции забылись, нить воспоминаний прервалась, привычки изменились, сверх всякой меры выросли потребности. Все это внесло в их жизнь беспорядок, они стали менее цивилизованными, чем были раньше. В то же время их моральные устои и физическое состояние постоянно ухудшались и чем несчастнее они становились, тем больше дичали. Однако европейцы не смогли изменить характер индейцев. Им удавалось уничтожить их, но никогда не удавалось цивилизовать или поработить.

Порабощение негров доходит до крайних пределов, свобода индейцев не имеет границ, но и то и другое приводило к одинаково трагическим результатам.

Негр лишен даже права располагать собственной личностью, для него самостоятельно распоряжаться своей жизнью — значит совершить кражу. Индеец же обретает неограниченную свободу, как только становится способен действовать самостоятельно. В семье послушание было ему едва знакомо, он никогда не уступал воле себе подобных, никто не учил его различать добровольное подчинение и позорное угнетение, ему неизвестно даже само слово «закон». Для него свобода — это отсутствие почти всех общественных связей. Он дорожит этой дикой свободой и предпочитает гибель потере малейшей ее частицы. На такого человека цивилизация не может оказать никакого воздействия.

Негры всячески пытаются влиться в общество белых, но тщетно, оно их отторгает. Они приспособляются к вкусам своих угнетателей, перенимают их убеждения и надеются путем подражания слиться с ними. С самого раннего детства они узнают, что их раса от природы ниже расы белых. Они и сами не далеки от этой мысли и поэтому стыдятся себя. Во всех своих чертах они видят следы рабства, и, если бы они могли, они с радостью согласились бы полностью отречься от себя.

Индейцы, напротив, полны мыслей о своем, как они полагают, благородном происхождении. Они живут и умирают среди видений, порожденных гордостью. Они не просто не хотят приспособляться к нашим нравам, но дорожат своей дикостью как отличительным знаком своей расы и отталкивают цивилизацию не столько из ненависти к ней, сколько из страха стать похожими на европейцев⁸². Они не желают

82 Североамериканские индейцы сохраняют свои убеждения и все свои традиции вплоть до малейших их особенностей с такой негибкой твердостью, примеров которой нет в истории. Вот уже двести лет, как кочевые племена Северной Америки ежедневно соприкасаются с белой расой, и можно сказать, что они не перенимали у нее ни одной идеи, ни одного обычая. В то же время европейцы оказали большое влияние на индейцев. Они сделали характер индейцев более суетным, но не привили им ни одной европейской черты.

Находясь летом 1831 года за озером Мичиган в местечке под названием Грин-Бей, где Соединенные Штаты граничат с территорией северо-западных индейцев, я познакомился

признавать совершенно наших изобретений, нашу тактику, глубину наших замыслов и противопоставляют этому богатства своих лесов, мужество, не знающее дисциплины, свободные порывы своей дикой природы. И эта неравная борьба ведет их к гибели.

Негры хотели бы слиться с европейцами, но не могут. Индейцы могли бы достичь в этом определенного успеха, но они презирают такую возможность. Первых низость обрекает на рабство, вторых гордость обрекает на гибель.

Однажды, когда я ехал по лесам, которые еще существуют в штате Алабама, я встретил хижину пионера. Мне не хотелось входить в его жилище, но я остановился отдохнуть у родника, который протекал неподалеку в лесу. Пока я находился в этом месте, туда пришла индианка (мы находились возле территории племени криков). Она держала за руку белую девочку лет пяти-шести, по-видимому, дочь пионера. За ними шла негритянка. Индианка была одета с какой-то варварской роскошью: в ноздрях и ушах у нее висели металлические кольца, свободно ниспадавшие на плечи волосы были переплетены стеклянными бусами. Я увидел, что она не замужем, потому что на ней были бусы из раковин, которые по обычаю девушки возлагают на брачное ложе. На негритянке была рваная европейская одежда.

Они сели на берегу ручья, и молодая индианка взяла девочку на руки и ласкала ее совсем по-матерински. Негритянка тоже пускала в ход множество невинных уловок, чтобы привлечь внимание маленькой креолки. В каждом движении девочки сквозило превосходство, совершенно необычное, учитывая ее слабость и возраст. Можно было подумать, что она принимает заботу своих спутниц с каким-то снисхождением.

Негритянка, присевшая перед своей хозяйкой на корточки и ловившая каждое ее желание, казалось, одновременно испытывала к ней материнскую привязанность и рабский страх. А индианка даже в порыве нежности сохраняла свободный, гордый и почти суровый вид.

Я подошел и молча наблюдал за этой сценой. Мое любопытство, наверное, не понравилось индианке: она резко поднялась, грубо оттолкнула от себя ребенка и, бросив на меня гневный взгляд, удалилась в лес.

Мне часто приходилось видеть вместе людей трех рас, населяющих Северную Америку, и по множеству различных признаков я уже был знаком с превосходством белых. Но в только что описанной мною картине было что-то особенно трогательное: здесь угнетенных и угнетателей

с одним американским офицером, майором Х. Однажды после того, как мы долго говорили о негибкости характера индейцев, он рассказал мне следующую историю: «Когда-то я был знаком с одним молодым индейцем, который учился в колледже в Новой Англии. Он учился очень успешно и стал совсем походить на цивилизованного человека. Когда в 1810 году началась война с англичанами, я вновь встретился с этим молодым человеком. Он служил в нашей армии, командовал воинами своего племени. Американцы согласились допустить индейцев в свои ряды только при условии, что они откажутся от своего ужасного обычая скальпировать пленных. Вечером после сражения при *** К. пришел посидеть у костра на нашем бивуаке. Я спросил, как прошел для него день, он рассказал мне и, постепенно возбужденный при воспоминании о своих подвигах, в конце концов приподнял свою одежду и сказал: „Посмотрите, только не выдавайте меня!“ И я увидел, добавил майор Х., у него под рубахой скальп англичанина, с которого еще сочилась кровь».

объединяли узы привязанности. Природа старалась сблизить их, и это еще больше подчеркивало ту огромную дистанцию, которую создали между ними предрассудки и законы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН, ЖИВУЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗА

Постепенное исчезновение коренных народов. — Как это происходит. — Бедствия, вызванные вынужденными миграциями индейцев. — У североамериканских индейцев было лишь два способа избежать уничтожения: война или цивилизация. — Они больше не в состоянии воевать. — Почему они не хотят воспринять цивилизацию, когда это возможно, и не могут, когда такое желание у них возникает. — Пример криков и чироков. — Политика отдельных штатов по отношению к индейцам. — Политика федерального правительства.

Все индейские племена, которые когда-то жили на территории Новой Англии, — наррагансеты, могикане, пикоты, — существуют лишь в воспоминаниях людей. Ленапы, у которых пятьдесят лет тому назад на берегах Делавэра побывал Пенн, сегодня исчезли. Я встречал последних ирокезов, они просили милостыню. Все народы, которые я перечислил, раньше населяли земли вплоть до моря. Теперь, чтобы встретить индейцев, нужно проехать более ста миль в глубь континента. Индейцы, не просто ушли, их больше не существует⁸³. И по мере того, как уходят или вымирают индейцы, их место занимает многочисленный и постоянно растущий народ. Никогда еще народы не переживали столь стремительного роста и не подвергались столь быстрому уничтожению.

Исчезновение индейцев происходит очень просто. Когда индейцы жили одни в местах, из которых их сейчас изгоняют, их потребности не отличались многообразием: они сами изготавливали себе оружие, не пили ничего, кроме речной воды, а одеждой им служили шкуры животных, мясом которых они питались.

Европейцы принесли североамериканским индейцам огнестрельное оружие, железо и спиртное, они научили их вместо примитивной одежды, которой индейцы в простоте своей удовлетворялись, носить одежду из нашей ткани. Индейцы приобрели новые вкусы, но не научились их удовлетворять, и у них возникла необходимость в плодах работы белых. В обмен на эти предметы, которых они сами не могли создать, индейцам нечего было предложить, кроме роскошных мехов, которые еще можно было добыть в лесах. С этого момента целью охоты индейцев стало не только удовлетворение их собственных нужд, но и легкомысленных страстей европейцев. Индейцы начали охотиться на лесных животных не только для того, чтобы обеспечить себя пищей, но и для того, чтобы иметь единственный предмет обмена, который они могли нам предложить⁸⁴. В то

83 В тринадцати изначально существовавших штатах насчитывается теперь лишь 6373 индейца.

84 Кларк и Касс в своем докладе конгрессу от 4 февраля 1829 года, с.23, писали: «Времена, когда индейцы добывали необходимую им пищу и одежду, не пользуясь плодами труда цивилизованных людей, ушли в прошлое. За Миссисипи, в крае, где еще встречаются огромные стада бизонов, живут индейские племена, которые перемещаются вслед за ними. Эти индейцы еще имеют возможность жить по обычаям своих отцов, но бизонов удается добывать все меньше и меньше. Менее крупных животных, таких, как медведь, лань, бобёр, мускусная крыса, то есть тех, которые

время как потребности индейцев росли, их богатства постоянно уменьшались.

Как только по соседству с территорией, занятой индейцами, возникает европейское поселение, животные начинают тревожиться⁸⁵. Тысячи индейцев, бродивших по лесам, не пугали их, но когда в каком-либо месте начинает раздаваться непрерывный шум, издаваемый работающим европейцем, они уходят оттуда на запад. Инстинкт подсказывает им, что там они найдут бескрайние незаселенные земли. «Стада бизонов уходят все дальше и дальше, — пишут Касс и Кларк в докладе конгрессу от 4 февраля 1829 года. — Еще несколько лет тому назад они подходили к подножию Аллеганских гор, а через несколько лет их, возможно, трудно будет увидеть в огромных равнинах, простирающихся вдоль Скалистых гор». Меня уверяли, что животные чувствуют приближение белых за двести миль. Таким образом, едва зная название индейского племени, белый человек уже наносит ему вред; индейцы в свою очередь начинают ощущать результаты его узурпации задолго до того, как узнают, кто ее совершает⁸⁶.

Вскоре отважные искатели приключений начинают проникать на индейские земли. Сначала они удаляются от крайней границы территории белых на пятнадцать — двадцать миль и строят жилище цивилизованного человека прямо на территории индейцев. Им нетрудно это сделать, поскольку границы территории народа, занятого охотой, неопределенны. Кроме того, земля принадлежит всему народу, она не является чьей-либо собственностью, никто не охраняет ее в личных интересах.

И тогда несколько семей европейцев, живущих очень далеко одна от другой, окончательно прогоняют диких животных со всего пространства, которое простирается между их жилищами. До этого индейцы жили в

главным образом дают индейцам то, что им необходимо для жизни, можно теперь добыть только с помощью ружей или капканов (traps).

Добыча пропитания для своих семей требует непомерных трудов, особенно от северо-западных индейцев. Часто охотник безуспешно преследует дичь в течение нескольких дней. В это время его семья либо питается корой и кореньями, либо погибает. Поэтому каждую зиму многие умирают от голода».

Индейцы не хотят жить как европейцы. В то же время они не могут обойтись без европейцев и жить совершенно так же, как их отцы. Об этом можно судить по одному факту, известному мне также из официальных источников. Люди одного племени с берегов озера Верхнее убили европейца. Американское правительство наложило запрет на торговлю с племенами, к которому принадлежали виновные, до тех пор, пока они не будут выданы, и они были выданы.

85 «Пять лет тому назад, — пишет Вольне в своей книге „Картины из жизни Соединенных Штатов“, с.370, - проезжая из Венсенна в Каскаскиас, по территории, которая теперь входит в штат Иллинойс, а тогда была совершенно дикой (1797 год), и пересекая прерии, путешественник обязательно встречал стада бизонов, насчитывающие от четырехсот до пятисот животных. Сейчас их больше нет, они ушли за Миссисипи, так как им не давали покоя охотники и особенно колокольчики американских коров».

86 В правдивости моих слов можно убедиться, ознакомившись с общим описанием индейских племен, живущих в границах, определенных Соединенными Штатами (Законодательные документы, 20-й конгресс, N 117, с. 90-105.) Из него следует, что численность племен, живущих в центре Америки, быстро убывает, хотя европейцы поселились еще очень далеко от них.

изобилии, а теперь им становится трудно обеспечить себя всем необходимым и еще труднее добыть нужные им предметы обмена. Прогнать дичь индейцев — это равносильно тому, чтобы сделать неурожайными поля наших земледельцев. Вскоре они лишаются почти всех средств к существованию. Тогда этих несчастных можно встретить в пустынных лесах, где они бродят, как голодные волки. Инстинктивная любовь к родине привязывает их к земле, на которой они родились⁸⁷, но на ней их ждет лишь нищета и смерть. Наконец, они решаются уйти и перемещаются вслед за стадами лосей, бизонов и бобрами, положившись на диких животных в выборе новой родины. Следовательно, строго говоря, не европейцы сгоняют американских индейцев с их земель, их гонит голод. Это удачное различие, не замеченное древними казуистами, было установлено современными мыслителями.

Невозможно вообразить ужасные страдания, сопровождающие эти вынужденные переселения. К тому моменту, когда индейцы покидают родные места, число их уже убыло, они измучены. Края, где они собираются поселиться, заняты другими племенами, которые смотрят на вновь пришедших с тревогой и подозрением. Позади у них — голод, впереди — война и повсюду — беды. Для того, чтобы избежать борьбы со столькими врагами, они разделяются. Каждый из них стремится найти средства к существованию в одиночку и втайне от других. Так в бескрайних глухих лесах они живут, подобно тому как живут в цивилизованном обществе изгнанники. Уже давно ослабленные общественные связи разрываются. Они уже потеряли родину, вскоре исчезнет и сам народ, останутся, быть может, лишь отдельные семьи. Забывается общее происхождение. Народ прекратил существование. В лучшем случае он продолжает жить в воспоминаниях американских археологов и известен нескольким эрудитам в Европе.

Я не хотел бы, чтобы читатель подумал, что я сгущаю краски. Я видел собственными глазами многие из тех бед, которые описываю, видел и такие, о которых я не в силах рассказать.

В конце 1831 года я находился на левом берегу Миссисипи, в местечке, которое европейцы называют Мемфис. В то время, когда я там был, туда пришла большая группа шоктавов (французы в Луизиане называют их «шактасы»). Они уходили со своих земель и хотели перебраться на правый берег Миссисипи, где рассчитывали найти пристанище, обещанное им американским правительством. Это было в середине зимы. В этом году стояли необычайные холода, земля была покрыта слежавшимся снегом, по реке плыли огромные льдины. Индейцы шли с семьями, с ними были раненые, больные, новорожденные дети и близкие к смерти старики. У них не было ни палаток, ни повозок, только немного провизии и оружие. Я видел, как они садились на корабль, чтобы переправиться через огромную реку, и эта величественная картина никогда не изгладится из моей памяти. В толпе индейцев не раздавалось ни рыданий, ни жалоб, они молчали. Они страдали уже давно и

⁸⁷ Индейцам, пишут Кларк и Касс в своем докладе конгрессу, как и нам, свойственно чувство привязанности к своему краю. Кроме того, с мыслью о потере земель, которые Великий дух даровал их предкам, они связывают некоторые суеверия, оказывающие большое влияние на племена, еще не уступившие или уступившие лишь небольшую часть своей территории европейцам. «Мы не продаем земли, где покоится прах наших отцов» — таков первый ответ, который они дают на предложения о покупке их земель.

чувствовали, что никак не могут облегчить свое положение. Все индейцы уже взошли на корабль, который должен был доставить их на другой берег, а собаки еще оставались на берегу. Когда они наконец поняли, что их хозяева уезжают навсегда, они отчаянно завывали, бросились в ледяную воду Миссисипи и поплыли за кораблем.

В наши дни индейцев лишают земель отработанным и, если можно так сказать, совершенно законным способом.

Когда европейское население начинает подбираться к еще не освоенным им землям, занятым каким-либо индейским народом, правительство Соединенных Штатов обычно посылает к нему высокое посольство. Белые собирают индейцев на большой равнине и, хорошо угостив их, говорят: «Что вы делаете в стране своих отцов? Скоро вам придется выкапывать их кости, чтобы прокормиться. И чем края, в которых вы живете, лучше других? Разве леса, болота и прерии есть только там, где вы живете, и разве вы не можете жить под другим солнцем? За горами, которые видны на горизонте, за озером, которое является западной границей вашей территории, лежат обширные земли, где еще в изобилии водятся дикие животные. Продайте нам свои земли и идите счастливо жить в те места». После таких речей перед индейцами раскладывают огнестрельное оружие, шерстяную одежду, бочонки со спиртным, стеклянные бусы, медные браслеты, серьги и зеркала⁸⁸. Если при виде всех этих богатств они все же колеблются, им намекают, что они не могут не дать согласия и что вскоре даже правительство будет не в состоянии гарантировать их права. Что делать? Наполовину по убеждению, наполовину по принуждению индейцы уходят. Они переселяются в новые пустынные места, но не пройдет и десяти лет, как белые настигнут их там. Так американцы по низкой цене приобретают целые провинции, которые не могли бы купить богатые европейские государи⁸⁹.

88 См. в Законодательных документах конгресса, док.17, описание того, что Происходит в таких случаях. Этот любопытный рассказ содержится в уже цитированном докладе Кларка и Льюиса Касса конгрессу от 4 февраля 1829 года. Касс в настоящее время — военный министр федерального правительства. «Когда индейцы приходят в то место, где должен быть заключен договор, — пишут Кларк и Касс, — они бедны, у них почти нет одежды. Там они видят и имеют возможность тщательно изучить множество ценных для них вещей — американские торговцы не забывают позаботиться о том, чтобы они были туда привезены. Женщины и дети, горя желанием удовлетворить свои нужды, начинают донимать мужчин множеством докучливых просьб и пускают в ход все свое влияние для того, чтобы земли были проданы. Обычно индейцы проявляют крайнее легкомыслие. Удовлетворить свои насущные потребности и сегодняшние желания — вот неодолимая страсть нецивилизованного человека. Он плохо понимает, что значит ожидать выгод в будущем, легко забывает прошлое, не думает о грядущем. Бесполезно просить индейцев уступить часть их территории, не будучи в состоянии немедленно удовлетворить их потребности. Ознакомившись без предвзятости с положением этих несчастных, не станешь удивляться их горячему желанию хоть немного облегчить свои страдания».

89 19 мая 1830 года Эд. Эверетт заявил в палате представителей, что на восток и запад от Миссисипи американцы уже приобрели по договорам 230 миллионов акров. В 1808 году озажи продали 48 миллионов акров за решу в тысячу долларов.

В 1818 году куапавы уступили 20 миллионов акров за 4 тысячи долларов. Они оставили себе для охоты территорию в 1 миллион акров и получили торжественные заверения, что на нее никто не будет посягать. Но и она вскоре была захвачена.

«Для того, чтобы завладеть пустынными землями, которые индейцы считают своей собственностью, — сказал в конгрессе 24 февраля 1830 года господин Белл, докладчик

Я описал самые серьезные проблемы и хочу добавить, что они представляются мне неразрешимыми. Думаю, что индейская раса в Северной Америке обречена на гибель, и не могу отделаться от мысли, что к тому времени, когда европейцы дойдут до Тихого океана, она уже не будет существовать⁹⁰.

У североамериканских индейцев было лишь два пути к спасению: война или цивилизация. Другими словами, они должны были либо уничтожить европейцев, либо стать равными им.

При зарождении колоний они могли бы объединившись, избавиться от небольшой кучки чужеземцев, высадившихся на берег их континента⁹¹. Они неоднократно пытались сделать это и даже были близки к успеху. Сегодня неравенство сил слишком велико, чтобы они могли думать о чем-либо подобном. Однако среди индейцев появляются еще гениальные люди, которые предвидят судьбу, уготованную нецивилизованным народам, и стремятся объединить все племена в общей ненависти к европейцам, но их усилия, ни к чему не ведут. Племена, живущие по соседству с белыми, слишком ослаблены, чтобы оказать им серьезное сопротивление. Другие, относясь к будущему с детским легкомыслием, свойственным природе нецивилизованных людей, ждут приближения опасности, для того чтобы с ней бороться. Одни не могут, а другие не хотят действовать.

Легко увидеть, что индейцы либо никогда не захотят становиться цивилизованными людьми, либо захотят и попытаются это сделать, когда будет уже поздно.

Цивилизация возникает в результате длительной общественной работы, ведущейся в одном месте, плоды которой различные поколения передают друг другу. Наибольшие трудности на пути к цивилизации встречаются у охотничьих народов. Пастушьи племена кочуют, но в их

комитета по делам индейцев, — мы взяли за правило оплачивать индейским племенам стоимость их охотничьих угодий (hunting-ground), после того как дичь их покинула или была истреблена. Гораздо выгоднее, гуманнее и, конечно справедливее действовать так, нежели захватывать территории дикарей вооруженным путем.

Обычай покупать у индейцев право на собственность, является, таким образом, новым способом приобретения, который пришел на смену насилию благодаря гуманности и выгоде (humanity and expedience). И он сделает нас хозяевами земель, которыми мы хотим владеть, поскольку мы открываем их, а также по праву цивилизованных народов селиться на территории, занятой дикими племенами.

До сих пор по многим причинам в глазах индейцев цена земли, на которой они живут, постоянно падает; по тем же причинам они беспрепятственно продают ее нам. Поэтому обычай покупать у дикарей их право на землю (right of occupancy) никогда не мог значительно задержать развитие Соединенных Штатов»(Законодательные документы, 21-й конгресс, N 227, с.6.)

90 Как нам показалось, это мнение разделяют почти все американские государственные деятели. «Если судить о будущем по тому, что происходило в прошлом, — сказал Касс в конгрессе, — то следует ждать постепенного уменьшения количества индейцев, а затем и окончательного исчезновения этой расы. Для того, чтобы этого не случилось, следовало бы или остановить расширение наших границ и дать возможность индейцам жить за их пределами, или в корне изменить наши отношения с ними; однако рассчитывать на это было бы неразумно».

91 Ср., кроме всего прочего, войну, которую вампаноаги и другие племена, объединившись под руководством Метакома, вели против колонистов Новой Англии в 1675 году, а также войну, которую пришлось вести англичанам в Виргинии в 1622 году.

перемещениях всегда есть определенный порядок, они постоянно возвращаются в одни и те же места. Охотники же живут там, где находятся преследуемые ими животные.

Неоднократно предпринимались попытки распространить знания среди индейцев, не меняя их кочевых привычек. Этим занимались иезуиты в Канаде и пуритане в Новой Англии. Ни те, ни другие не добились никаких стабильных результатов. Цивилизация рождалась в хижине и умирала в лесах. Серьезная ошибка этих людей, пытавшихся дать закон индейцам, состояла в непонимании того, что, если хочешь сделать народ цивилизованным, нужно прежде всего добиться, чтобы он стал оседлым, а это возможно, только если он займется земледелием. Следовательно, нужно было сначала превратить индейцев в землепашцев.

Мало того, что индейцы не имеют этой основы, необходимой для цивилизации, при ее создании они сталкиваются с огромными трудностями.

Люди, ведущие праздную и полную приключений жизнь охотников, испытывают почти непреодолимое отвращение к постоянной и однообразной работе, которой требует земледелие. Это можно заметить даже в нашем обществе, но гораздо больше это проявляется у народов, для которых привычка к охоте стала национальным обычаем.

Кроме этой основной причины, есть еще одна, не менее важная, которая воздействует только на индейцев. Я уже указывал на нее, но считаю своим долгом к ней возвратиться. Североамериканские индейцы смотрят на работу не только как на зло, но и как на бесчестье, и в борьбу с цивилизацией с одинаковым упорством вступает не только лень, но и гордость.

У самого жалкого индейца, живущего в хижине из коры, сохраняется высокое представление о своей индивидуальной ценности. Он считает физический труд унизительным занятием и сравнивает земледельца с быком, прокладывающим борозду. В любой нашей деятельности он видит рабскую работу. Дело не в том, что он не до конца понимает, какой властью располагают белые, или недооценивает величие их ума. Однако, хотя он и восхищается результатами нашей работы, он презирает средства, с помощью которых мы их достигаем. Он ощущает влияние нашего могущества, но себя ставит все же выше нас. Охота и война являются, по его мнению, единственными занятиями, достойными мужчины. Таким образом, индеец, убого живущий в глубине лесов, полон тех же мыслей и убеждений, что и средневековый рыцарь, живший в своем укрепленном замке. Если бы индеец был завоевателем, между ними не было бы никакого различия. Так, по странному стечению обстоятельств древние европейские предрассудки встречаются не на берегах Нового Света, населенных европейцами, а в его лесах.

На протяжении всей моей книги я неоднократно пытался показать, какое удивительное влияние оказывает, по моему мнению, общественное устройство на законы и нравы людей. Я позволю себе сказать еще несколько слов по этому поводу.

Когда я вижу сходство между политическими учреждениями наших праотцов, германцев, и кочевых североамериканских племен, между обычаями, описанными Тацитом, и теми, которые я подчас наблюдал собственными глазами, я не могу не прийти к выводу о том, что в Старом и Новом Свете одинаковые причины вызвали одинаковые следствия. И несмотря на видимое разнообразие форм жизни и деятельности человека,

вполне возможно отыскать ограниченное число основополагающих явлений, которые определяют существование всех остальных. Поэтому я склонен видеть во всем том, что мы называем германскими учреждениями, лишь обычаи варваров, а в 10-м, что мы называем феодальным мышлением, убеждения дикарей.

Хотя пороки и предрассудки и мешают североамериканским индейцам становиться земледельцами и приобщаться к цивилизованной жизни, бывают случаи, когда у них нет другого выхода.

Некоторые многочисленные народы Юга, и среди них чироки и крики⁹², оказались в окружении европейцев, которые после высадки на побережье спускались по Огайо или поднимались по Миссисипи и одновременно заселяли территории, расположенные вокруг мест проживания этих народов. Их не вытесняли с одних мест на другие, но постепенно их жизненное пространство сузилось до незначительных размеров. Так охотники сначала окружают молодой лес, а затем все вместе вступают в его пределы. Индейцы были поставлены перед выбором: цивилизация или гибель. Они были вынуждены начать жить своим трудом, как белые, хотя для них это было позором. Так они стали земледельцами и хотя не утратили полностью своих нравов и обычаев, но пожертвовали какой-то их частью, так как это было совершенно необходимо, чтобы выжить.

Чироки пошли еще дальше: они создали письменность и установили довольно стойкую форму правления. Поскольку в Новом Свете развитие идет стремительно, они, еще не имея всех предметов одежды, уже начали издавать газеты.

Европейский образ жизни особенно быстро распространялся среди индейцев там, где были метисы⁹³. Метис, который, с одной стороны, приобщается к культуре своего отца, а с другой — не теряет связи с дикими обычаями народа своей матери, способствует собственному переходу от дикости к цивилизации. Повсюду, где было много метисов, общественное устройство и нравы туземцев постепенно изменялись⁹⁴.

92 В настоящее время эти народы живут в штатах Джорджия, Теннесси, Алабама и Миссисипи. Когда-то на Юге было четыре крупных народа: шоктавы, шиказавы, крики и чироки. Остатки их существуют и по сей день. В 1830 году численность этих четырех народов составляла еще 75 тысяч человек.

Вообще, в настоящее время на территории, занятой англоамериканским Союзом, а также на той, права на которую он предъявляет, насчитывается около 300 тысяч индейцев. (См. Записки индейской комиссии города Нью-Йорка). В представленных конгрессу официальных документах указывается цифра 313 130.

93 В докладе комитета по делам индейцев, 21-й конгресс, № 227, с.23, изложены причины, по которым среди чироков было много метисов. Основная причина этого возникла во времена Войны за независимость. Многие американцы из штата Джорджия, воевавшие на стороне Англии, позднее были вынуждены уйти к индейцам и обзавелись там семьями.

94 К сожалению, в Северной Америке метисов было меньше, чем в других местах, и их влияние было несущественным. Эта часть Американского континента была заселена представителями двух великих европейских народов: французского и английского.

Французы не замедлили вступить в союз с индианками, однако, к великому несчастью, между их характером и характером индейцев обнаружилась необъяснимая близость. Вместо того, чтобы привить туземцам вкус к цивилизованной жизни и ее привычки, они нередко сами безоглядно предавались дикой жизни. В результате они стали самыми опасными жителями пустыни, а дружбу с индейцами завоевали, доведя до крайности свойственные туземцам пороки и добродетели. В 1685 году губернатор Канады господин

Следовательно, пример чироков доказывает, что индейцы способны стать цивилизованными людьми, но нисколько не доказывает, что они могут с успехом реализовать эту способность.

На пути к цивилизованной жизни индейцы неизбежно наталкиваются на трудности, в основе которых лежит одна причина общего характера.

Внимательное изучение истории показывает, что неразвитые народы обычно достигали цивилизации постепенно, своими собственными силами.

Только народам-победителям случалось воспринимать культуру побежденных ими народов.

Когда полудиким народ покоряет народ просвещенный, как это было при завоевании Римской империи северными народами или Китая монголами, то благодаря своему могуществу победителей варвары становятся на один уровень с цивилизованным человеком и чувствуют себя равными ему. Лишь позднее они становятся его соперниками. Варвары обладают силой, а цивилизованные народы — развитой культурой. Первые восхищаются науками и искусствами побежденных, вторые завидуют мощи победителей. В конце концов варвары вводят культурных людей в свои дворцы, а те в свою очередь допускают их в свои школы. Но когда народ-победитель располагает и материальной силой и духовным преимуществом, побежденным редко удается вступить на путь цивилизованного развития: они уходят или погибают.

Так, в общем, можно сказать, что индейцы ведут вооруженную борьбу за культуру, но не могут ее завоевать.

Если бы индейские племена, живущие сейчас в центре континента, смогли найти в себе необходимые силы для того, чтобы вступить на путь цивилизованного развития, им, возможно, это удалось бы. Обогнав по развитию окружающие их дикие народы, они могли бы постепенно накопить силы и опыт, и тогда при появлении на их границах европейцев они смогли бы если не сохранить независимость, то хотя бы добиться признания своих прав на землю и слиться с победителями. Но, к своему несчастью, индейцы входят в соприкосновение с самым развитым и, я бы сказал, самым алчным народом земного шара, находясь еще в полудиком состоянии. Их учителя становятся их хозяевами и приносят им не только культуру, но и угнетение.

На лесных просторах Северной Америки индейцы жили убого, но не чувствовали своей неполноценности. Когда же у них возникает желание стать членами общества белых людей, они могут занять в нем лишь самую низшую ступень. Ведь они входят в общество, где властвуют знания и богатство, невежественными и нищими. После беспокойной жизни,

де Сенонвиль писал Людовику XIV: «Мы длительное время полагали, что следует сблизиться с дикарями для того, чтобы приобщить их к французской культуре. Однако нужно признать, что это было заблуждением. Индейцы, которые сблизались с нами, нисколько не похожи на французов, а французы, которые общались с ними, превратились в дикарей: они выставляют напоказ свою индейскую одежду и дикий образ жизни».

Англичане, напротив, упорно хранили убеждения, обычаи и даже самые незначительные привычки своих отцов. В американской пустыне они оставались такими же, какими были в европейских городах. Поэтому они не хотели иметь ничего общего с туземцами, которых презирали, и всячески избегали возникновения смешанных семей.

Таким образом, французы не оказывали на индейцев никакого благотворного влияния, а англичане всегда были для них чужими.

полной лишений и опасностей, но также глубоких переживаний и величия⁹⁵, им приходится привыкать к однообразному, мрачному и унижительному существованию. Позорное положение в обществе и тяжелая работа ради куска хлеба — вот то единственное, что дает индейцам цивилизация, которую им так нахваляют.

Но даже и этого они не всегда могут добиться.

Когда индейцы начинают по примеру европейцев обрабатывать землю, они сразу же вступают в гибельную для них конкуренцию. Белому человеку известны секреты земледелия. Индеец же приступает к этому незнакомому ему занятию, не владея никакими умениями. Европейец без затруднений выращивает богатый урожай, тогда как индеец затрачивает огромные усилия для того, чтобы вырастить хоть что-то.

Европейец живет среди людей, потребности которых ему известны и близки.

Индеец оказывается один среди враждебного ему народа. Он плохо знает его нравы, язык и законы и в то же время не способен без него обойтись. Ведь обеспечить себе достаток он может, лишь обменивая плоды своего труда на товары белых, так как его соплеменники не в состоянии оказать ему существенную помощь.

Итак, когда индеец хочет продать произведенные им продукты, он не всегда умеет найти покупателя, тогда как земледelec европейского происхождения находит его без труда. Индеец производит продукцию за счет огромных затрат, европейец же продает свою по низкой цене.

Таким образом, избавившись от бед, подстерегающих нецивилизованные народы, индеец попадает под гнет несчастий, знакомых культурным народам. Ему так же трудно жить среди нашего изобилия, как в своих лесах.

Кроме того, его привычки, связанные с кочевой жизнью, еще не разрушены, традиции не потеряли над ним своей власти, а вкус к охоте не

95 В полной случайностей жизни охотничьих народов есть какая-то непреодолимая привлекательная сила, которая овладевает душой человека и зовет его за собой вопреки его разуму и опыту. В этом можно убедиться, прочитав «Воспоминания» Тэннера.

Тэннер — европейец, который в шестилетнем возрасте был похищен индейцами и жил с ними в лесах в течение тридцати лет. Нет ничего более ужасного, чем страдания, которые он описывает. Он рассказывает о племенах, не имеющих вождей, о семьях, не имеющих соплеменников, о людях, живущих в одиночку, — словом, о жалких остатках могущественных племен, которые без всякой цели бродят по пустынным снежным просторам Канады. Их преследуют голод и холод, каждый день грозит им смертью. Нравы традиции потеряли над ними прежнее влияние и власть, и они все больше дичают. Тэннер делил с ними все их лишения; он знал о своем европейском происхождении, никто не удерживал его силой вдали от белых. Напротив каждый год он приходил торговать с ними, бывал в их домах, видел достаток. Он знал, что если когда-нибудь он захочет вернуться к цивилизованной жизни, то легко сможет это сделать. И тем не менее, тридцать лет прожил в пустыне. Вернувшись наконец в цивилизованное общество, признавался, что описанная им полная несчастий жизнь имеет для нее необъяснимую тайную прелесть. Уже порвав с ней, он постоянно к и возвращается и с большими сожалениями расстаётся с ее невзгодами. Когда-же он окончательно поселился среди белых, то многие из его детей не захотели разделить его спокойную и зажиточную жизнь.

Я сам встречал Тэннера у устья озера Верхнее. Мне показалось, что он больше похож на дикаря, чем на цивилизованного человека.

Книга Тэннера не отличается ни последовательностью, ни вкусом, однако автор невольно дает в ней яркую картину предрассудков, страстей, пороков и особенно лишений тех людей, среди которых он жил.

угас. В его смятенном воображении возникают все более яркие картины диких радостей, которые он когда-то испытывал в лесах. Напротив, лишения и опасности, с которыми он там сталкивался, кажутся ему все менее страшными и значительными. Независимость, которой он обладал, живя среди равных себе людей, выгодно отличается от его подневольного состояния в цивилизованном обществе.

Вместе с тем, глушь, где он так долго жил свободным, совсем недалеко, он может достичь ее за несколько часов ходьбы. А его белые соседи предлагают высокую, по его мнению, цену за наполовину возделанное поле, которое кормит его с грехом пополам. Может быть, благодаря этим деньгам, которые ему обещают европейцы, он сможет спокойно и счастливо жить вдали от них. И он бросает свой плуг, берет оружие и навсегда возвращается в пустыню⁹⁶.

Наблюдая жизнь криков и чироков, о которых я упоминал, можно убедиться в правдивости этой грустной картины.

Хотя эти индейцы и не так много сделали, они, безусловно, проявили не меньше таланта, чем европейские народы в самых крупных своих начинаниях. Однако народам, как и отдельным людям, чтобы учиться, недостаточно ума и усилий, им еще нужно время.

Пока эти туземцы делали все для того, чтобы приобщиться к цивилизации, европейцы продолжали окружать их со всех сторон, все больше и больше ограничивая их жизненное пространство. Сейчас обе расы наконец встретились, они соприкасаются. Конечно, теперь индейцы стоят гораздо выше, чем их отцы-дикари, но им еще очень далеко до их белых соседей. Европейцы благодаря богатству и знаниям сразу же оказались в значительно более выгодном положении, чем индейцы: они

96 Разрушительное влияние высокоразвитых народов на менее развитые можно заметить и среди европейцев.

Около века тому назад французы основали в лесной глуши, на реке Уобаш, город Венсенн. Они жили там в достатке до появления американских эмигрантов. Эти последние вступили в конкуренцию со старожилами и сразу же начали их разорять; в конце концов они за бесценок скупили земли французов. В тот момент, когда господин де Вольне, от которого я узнал эти сведения, проезжал через Венсенн, там оставалось всего около ста французов, причем большая часть намеревалась уехать в Луизиану или в Канаду. Это были честные люди, но им не хватало знаний и сметки; они усвоили некоторые обычаи индейцев. Американцы, возможно, уступали им в моральном отношении, но были значительно выше интеллектуально: они были изобретательны, образованны, богаты, умели вести свои дела.

Я сам убедился в том, что в Канаде, где различие между двумя народами не столь явно, в торговле и промышленности преобладают не канадцы, а англичане. Я видел, как они проникают во все концы страны, оставляя французам все меньше и меньше пространства.

В Луизиане почти вся торговая и промышленная деятельность также сосредоточена в руках американцев английского происхождения.

В провинции Техас происходят еще более удивительные вещи: как известно, штат Техас входит в состав Мексики, это территория, которая граничит с Соединенными Штатами. Вот уже несколько лет американцы английского происхождения поодиночке переселяются в эту, пока еще пустынную провинцию. Они скупают земли и промышленные предприятия и быстро вытесняют местное население. Можно предвидеть, что если Мексика спешно не предпримет мер, чтобы остановить это движение, то вскоре потеряет Техас.

Если к подобным результатам приводят некоторые, сравнительно малозаметные, различия в уровне развития европейских народов, то легко себе представить, что должно произойти при встрече самого развитого европейского народа с примитивными индейскими племенами.

завладели землей. Белые селились среди индейцев, захватывали землю или покупали ее за бесценок, разоряли индейцев, вступая в конкуренцию, которую те, конечно, не могли выдержать. Индейцы оказались в изоляции в своей собственной стране, превратились в небольшую колонию беспокойных иностранцев среди многочисленного и подавляющего их народа⁹⁷.

Вашингтон писал в одном из своих посланий конгрессу: «Мы более просвещенны и более могущественны, чем индейские народы, и должны считать делом своей чести доброе и даже великодушное отношение к ним».

Но такая благородная и добродетельная политика никогда не проводилась в жизнь.

К алчности колонистов добавляется обычно еще и тирания правительства. Несмотря на то, что чироки и крики живут на своих исконных землях, которыми они владели еще до прихода европейцев, а также на то, что американцы не раз заключали с ними договоры как с иностранными народами, штаты, на территории которых они оказались, не пожелали признать их независимыми. Они задумали подчинить этих едва вышедших из лесов людей своим судьям, обычаям и законам⁹⁸. Несчастные индейцы стремятся к цивилизованной жизни, чтобы вырваться из нищеты, но притеснения толкают их назад к варварству. Многие из них бросают свои наполовину вспаханные поля и возвращаются к дикому образу жизни.

Внимательно ознакомившись с драконовскими мерами законодателей южных штатов, с образом действий их правителей и решением судов, легко убедиться в том, что целью всех этих дружных усилий является окончательное изгнание индейцев. В этой части Союза американцы, с завистью смотрят на земли, которыми владеют индейцы⁹⁹. Они чувствуют,

97 См. в законодательных документах, 21-й конгресс, № 89, сведения о различных бесчинствах, совершаемых белыми на индейской территории. То американцы английского происхождения заселяют часть этой территории, и войскам конгресса приходится их выселять, то они угоняют скот, жгут дома, уничтожают посевы индейцев или совершают над ними акты насилия.

Все эти документы доказывают, что индейцы ежедневно становятся жертвами злоупотребления силой. Обычно Союз направляет к индейцам агента, которому вменяется в обязанности представлять их в органах власти. Среди документов, которые я привожу, есть доклад агента племени чироков, который почти всегда, пишет о туземцах с сочувствием. «Вторжение белых на территорию чироков, — говорит он, — приведет к гибели тех, кто ее населяет и ведет бедное и безобидное существование» (с.12). Далее мы находим свидетельство о том, что штат Джорджия проводит установку межевых знаков с целью уменьшения территории племени чироков. Федеральный агент замечает, что, поскольку установка межевых знаков была проведена одними белыми, в отсутствие индейцев, она не имеет законной силы.

98 В 1829 году штат Алабама разделил территорию племени криков на округа и предоставил судьям-европейцам право судить индейцев.

В 1830 году штат Миссисипи распространил действие своих законов на индейцев шоктавов и чикасо. Было заявлено, что индейцы, которые Провозгласят себя вождями, будут приговорены к уплате штрафа в тысячу долларов и к годичному тюремному заключению.

99 Когда штат Миссисипи также подчинил своим законам шоктавов, которые жили на его территории, они собрались, и их вождь сообщил им о требованиях белых. Он прочел им некоторые законы, которым они отныне должны были подчиняться. Туземцы в один голос заявили, что они предпочитают вновь уйти в глушь. (Документы штата

что индейцы еще в значительной степени сохраняют привычки нецивилизованного образа жизни, и хотят ввергнуть их в отчаяние и заставить уйти, прежде чем в них прочно укоренится привычка к оседлой, цивилизованной жизни.

Чтобы найти защиту от притеснений отдельных штатов, крики и чироки обратились к федеральному правительству, которому не безразличны их беды. Оно искренне хотело бы спасти еще существующих индейцев, дав им возможность свободно распоряжаться той территорией, владение которой оно само им гарантировало. Однако его намерение привести в исполнение этот замысел наталкивается на ожесточенное сопротивление отдельных штатов. И в конце концов, чтобы не подвергать опасности американский Союз, федеральное правительство примиряется с гибелью нескольких уже наполовину истребленных диких племен.

Однако хотя оно и не может защитить индейцев, оно хотело бы облегчить их судьбу. Поэтому оно задумало переселить их за государственный счет в другие места.

Между 33 и 37 градусами северной широты простирается обширная местность, которая называется Арканзас, так же как и самая крупная река, которая по ней протекает. С одной стороны, она граничит с Мексикой, с другой, граница проходит по берегу Миссисипи. Эта местность изобилует ручьями и реками, там мягкий климат и плодородная почва. Населяют ее лишь несколько индейских кочевых племен. Правительство Союза хочет переселить остатки индейского населения Юга страны в ту часть этой местности, которая, соседствует с Мексикой, подальше от поселений американцев.

В конце 1831 года нас уверяли, что на берега Арканзаса переселено десять тысяч индейцев и переселение продолжается. Но конгрессу не удалось еще убедить всех индейцев, судьбу которых он хочет устроить, в необходимости переселения. Одни с радостью соглашались уехать подальше от тирании европейцев. Однако наиболее просвещенные индейцы отказываются покидать поспевающий урожай и свои новые жилища. Они полагают, что, если процесс цивилизации будет прерван, его невозможно будет восстановить, и опасаются, что еще неукоренившиеся привычки к оседлой жизни будут безвозвратно утеряны в дикой стране, где земледельческому народу надо все начинать сызнова. Зная, что в этой глуши они встретят враждебные племена, с которыми им придется вступить в борьбу, они в то же время понимают, что уже утратили энергию дикарей, но еще не приобрели силу цивилизованных людей. Кроме того, индейцы хорошо осознают, что предлагаемое им переселение — это не что иное, как временная мера. Кто сможет убедить их в том, что на новой территории их наконец оставят в покое? Соединенные Штаты берут на себя такое обязательство. Но разве когда-то им не гарантировали в самых возвышенных выражениях право на их нынешние территории?¹⁰⁰ Правда, в настоящее время американское

Миссисипи).

В Джорджии, жителей которой так стесняют индейцы, плотность населения составляет не более семи человек на квадратную милю. Во Франции на таком же пространстве проживает 162 человека.

100 В договоре, заключенном в 1790 году с криками, есть следующая статья: Соединенные Штаты торжественно гарантируют народу криков право на все принадлежащие ему на территории Союза земли.

правительство не отбирает у них земли, но оно и не препятствует вторжению на них белых. Пройдет несколько лет, и то же самое белое население, которое теснит индейцев сейчас, без сомнения, достигнет их в арканзасской глуши. Они вновь столкнутся с теми же проблемами, но возможности их решения уже будут исчерпаны. И поскольку рано или поздно они лишатся своих земель, им остается лишь безропотно смириться со своей гибелью.

Федеральное правительство проводит по отношению к индейцам менее корыстную и менее жесткую политику, чем правительства штатов, но все они ведут себя недостаточно добросовестно.

Штаты распространяют так называемое благотворное влияние своих законов на индейцев в расчете на то, что индейцы предпочтут уйти, чтобы не подчиняться им. Центральное правительство обещает этим несчастным постоянное убежище на Западе страны, хотя знает, что оно не в состоянии им его гарантировать¹⁰¹.

Итак, произвол штатов принуждает индейцев к бегству, которое становится возможным благодаря обещаниям и материальной помощи центрального правительства. Меры предпринимаются различные, но имеющие общую цель.

«По воле нашего небесного Отца, который правит миром, писали чироки в петиции конгрессу 19 ноября 1929 года, раса краснокожих людей в Америке стала малочисленной; раса белых людей стала многочисленной и общеизвестной.

Когда ваши предки приплыли к нашим берегам, краснокожие были сильны и, несмотря на свое невежество и дикость, они встретили их добром и позволили им ступить затекшими ногами на твердую землю. Наши и ваши отцы подали друг другу руки в знак дружбы и жили в мире.

Чего бы не просили белые люди для удовлетворения своих нужд, индейцы с готовностью все им давали. Тогда индейцы были хозяевами, а белые люди — просителями. Сегодня картина изменилась: сила краснокожего человека превратилась в слабость. По мере того как число его соседей росло, его власть все уменьшалась. В настоящее время из стольких могущественных племен, населявших землю, которую вы

В договоре, заключенном в июле 1791 года с чироками, есть следующая статья: «Соединенные Штаты торжественно гарантируют народу чироков право на все земли, владение которыми он не уступил ранее. Соединенные Штаты заявляют, что в случае если какой-либо гражданин Соединенных Штатов или какой-либо человек, не являющийся индейцем, поселится на территории чироков, то они лишат этого гражданина своей защиты и выдадут его народу чироков для того, чтобы он наказал его по своему усмотрению». Ст.8.

101 Тем не менее оно им это твердо обещает. См. письмо президента Крикам от 23 марта 1829 года (Записки индейской комиссии города Нью-Йорка, с.5): «За великой рекой (Миссисипи) ваш Отец приготовил для вас большую страну. Там ваши белые братья не будут вас беспокоить, у них не будет никаких прав на вашу землю; вы и ваши дети сможете жить там в мире и изобилии до тех пор, пока растет трава и текут ручьи. Эти земли будут принадлежать вам всегда».

В письме от 18 апреля 1829 года, адресованном чирокам, секретарь военного департамента пишет, что они не должны тешить себя надеждой сохранить в своем владении территории, на которых они живут в настоящее время. Однако он уверяет их, что земли за Миссисипи, если они согласятся туда уйти, останутся в их владении (там же, с.6). Но если у него нет власти для того, чтобы гарантировать права индейцев, то откуда она у него появится в будущем?

называете Соединенными Штатами, осталось лишь несколько, избежавших общего разгрома. Северные племена, столь известные среди нас своей силой, уже почти исчезли. Такой была судьба краснокожих в Америке.

Неужели и нам, последним представителям своей расы, не удастся избежать гибели?

В незапамятные времена наш общий небесный Отец дал нашим предкам земли, на которых мы живем; они передали их нам по наследству. Мы почтительно хранили их, так как в них покоятся останки наших предков. Разве мы когда-либо уступили это наследство или потеряли его? Позвольте смиренно спросить у вас, что может лучше подтверждать право народа на его страну, чем факт наследования и вечного владения. Мы знаем, что сегодня штат Джорджия и президент Соединенных Штатов полагают, что мы утратили это право. Но это утверждение кажется нам безосновательным. Когда мы его утратили? Разве мы совершили какое-либо преступление, которое могло бы лишить нас родины? Может быть, наша вина состоит в том, что во время Войны за независимость мы сражались под знаменем короля Великобритании? Если наше преступление состоит в этом, то почему уже в первом договоре, заключенном сразу после войны, вы не заявили о том, что мы лишились права собственности на свои земли? Почему вы не включили в этот договор следующую статью: Соединенные Штаты согласны заключить мир с народом чироков, но заявляют, что в наказание за их участие в войне их отныне будут рассматривать лишь как арендаторов, обязанных освободить земли в случае, если соседние штаты потребуют этого? Об этом нужно было заявить в тот момент, но тогда это никому не пришло в голову, да и наши отцы никогда бы не согласились заключить договор, который мог бы привести к потере ими своих самых священных прав и лишить их своей страны».

Так говорят индейцы, и они говорят правду. Их предложения, как мне кажется, неизбежно осуществляются.

С какой бы стороны мы ни рассматривали судьбу североамериканских аборигенов, мы повсюду увидим неразрешимые проблемы: если они ведут дикий образ жизни, белые, продвигаясь вперед, гонят их все дальше; если они хотят приобщиться к цивилизации, соприкосновение с людьми более высокого уровня культуры приводит их к угнетению и нищете. Ведут ли они кочевую жизнь в пустыне, переходят ли к оседлой жизни — все равно их ждет гибель. Только европейцы могут принести им просвещение, но сближение с европейцами развращает их и отбрасывает к варварству. Пока они живут в глуши, они не хотят менять свои обычаи. Когда же под давлением обстоятельств у них появляется такое желание, то оказывается, что время упущено.

Испанцы травят индейцев собаками, как диких зверей, они безжалостно и бесстыдно грабят Новый Свет, словно город, взятый приступом. Но все разрушить невозможно, ведь и у ярости есть пределы, и в конце концов остатки индейского населения, избежавшие истребления, смешиваются с победителями, принимают их религию, усваивают их нравы¹⁰².

102 Впрочем, в данном случае не следует приписывать все заслуги испанцам. Если бы индейские племена не вели оседлый образ жизни и не занимались земледелием еще до прихода европейцев, то и в Южной Америке они были бы точно так же уничтожены, как и в Северной.

В Соединенных Штатах поведение американцев по отношению к туземцам проникнуто глубочайшей любовью к соблюдению форм и законности. Они ни в коем случае не вмешиваются в дела индейцев, если те ведут дикий образ жизни, и обращаются с ними как с независимыми народами. Они не позволяют себе занимать их земли, не заключив надлежащим образом договор об их приобретении. И если случается так, что индейцы не могут больше жить на своей территории, они протягивают им братскую руку помощи и самолично спроваживают их умирать подальше от страны их предков.

Испанцы, прибегавшие к беспримерным зверствам, покрывшие себя несмываемым позором, не сумели ни истребить индейцев, ни помешать стать равноправными гражданами. Американцам в Соединенных Штатах удалось достичь и того и другого с удивительной легкостью, спокойно, законным и человеколюбивым путем. Они не проливали кровь и не нарушили в глазах мира ни одного великого принципа морали¹⁰³. Невозможно представить себе более полного соблюдения всех требований гуманности при истреблении людей.

МЕСТО ЧЕРНОЙ РАСЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ; ЧЕМ ЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ГРОЗИТ БЕЛЫМ

Почему отмена рабства и уничтожение его последствий представляет больше трудностей в современном мире, чем в древности. — В Соединенных Штатах по мере уничтожения рабства растет предубеждение белых по отношению к чернокожим. — Положение негров в северных и южных штатах. — По какой причине американцы стремятся к отмене рабства. — Рабское положение, отупляя раба, ведет в то же время к деградации хозяина. — Различия в развитии правого и левого берегов Огайо. — Чем они объясняются. — Люди черной расы сосредотачиваются на Юге, где главным образом сохраняется рабство. — Почему это происходит. — Факты, препятствующие отмене рабства в южных штатах. — Будущие опасности. — Тревога людей. — Создание колонии чернокожих в Африке. — Почему на Юге американцы, несмотря на свое отвращение к рабству, ужесточают условия содержания рабов.

Индейцы живут и гибнут сами по себе, в то время как судьба негров в определенной степени переплетается с судьбой европейцев. Эти две расы

103 См. среди прочих документов доклад господина Белла комитету по делам индейцев от 24 февраля 1830 года, в котором очень логично обосновывается (с.5) и с большой ученостью доказывается, что «the fundamental principle, that the Indians had no right by virtue of their ancient possession either of soil, or sovereignty, has never been abandoned expressly or by implication». То есть «давность владения не дает индейцам права ни на собственность, ни на суверенитет — вот основной принцип, от которого мы не отступали ни в наших заявлениях, ни в наших делах».

Читая этот мастерски составленный документ, удивляешься той легкости и непринужденности, с которыми автор с первых же строк отбрасывает аргументы, основанные на естественном праве и на здравом смысле, называя их абстрактными и теоретическими принципами. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в том, что единственное различие цивилизованного и Нецивилизованного человека в их отношении к справедливости заключается в следующем: первый оспаривает само существование прав, основанных на справедливости, тогда как второй просто нарушает эти права.

связаны друг с другом, но смешаться они не могут, им одинаково трудно как полностью разделиться, так и окончательно объединиться.

Присутствие чернокожих в Соединенных Штатах способно породить там в будущем самые страшные беды. К этому выводу неминуемо приводят любые поиски причин нынешних трудностей Союза и опасностей, с которыми он может столкнуться в будущем.

Как правило, для возникновения трудноразрешимых социальных проблем требуются немалые усилия людей. Однако существует одно общественное зло, которое проникает в общество незаметно. Поначалу его с трудом можно отличить от обычного злоупотребления властью; имя того, кто положил ему начало, не сохраняется в истории. Попав в почву, словно росток некоего проклятого Богом растения, это зло начинает питаться своими собственными соками, быстро растет и развивается самым естественным образом вместе с обществом, в которое оно проникло. Имя этого зла — рабство.

Христианство покончило с рабством, но в XVI веке христиане же и возродили его. Правда, они допустили его в свою общественную систему только как исключение и позаботились о том, чтобы рабами могли быть люди лишь одной расы. Таким образом, рана, нанесенная человечеству, не была обширной, но это лишь усугубило трудности ее лечения.

Нужно тщательно различать две вещи: рабство как таковое и его последствия.

И в древнем мире, и в современном обществе рабство порождает одни и те же болезни, которые, однако, приводят к разным последствиям. В древнем мире хозяин и раб принадлежали к одной расе, часто раб стоял выше хозяина по своему воспитанию и знаниям¹⁰⁴. Их разделяла только свобода одного и несвобода другого. Получив свободу, рабы быстро смешивались с хозяевами.

Итак, древние располагали довольно простым способом избавляться от рабства, и от его последствий — это было освобождение раба; и как только они прибегли к этому способу повсеместно, они добились успеха.

Конечно, нельзя утверждать, что в древности следы рабства исчезли сразу с его отменой.

От природы человеку свойственно предвзятое и пренебрежительное отношение к тому, кто еще недавно стоял ниже его на общественной лестнице; подобное отношение сохраняется в течение долгого времени после того, как люди становятся равными, и на смену действительному неравенству, обусловленному состоянием и законом, приходит мнимое неравенство, причиной которого являются нравы. Однако в древнем мире это последствие рабства не могло быть длительным: отпущенные на волю рабы были так похожи на свободных людей, что вскоре их невозможно было отличить от них.

Самым трудным для древних было изменить закон. В современном же обществе основная трудность заключается в изменении нравов, то есть для нас настоящие трудности начинаются там, где в древности они кончались.

Это объясняется тем, что в умах современных людей нематериальный и преходящий факт рабства самым прискорбным образом смешивается с

104 Известно, что многие античные писатели были рабами, назовем, к примеру, Эзопа и Теренция. В рабство попадали не только варвары, в результате войн рабами становились очень культурные люди.

фактом материальным и постоянным, с различием двух рас. С одной стороны, воспоминания о рабстве позорят расу, а с другой — она сама является вечным напоминанием о рабстве.

Ни один африканец не прибыл в Америку по своей воле. Это значит, что все чернокожие, живущие там в настоящее время, были или являются рабами. Таким образом, негры уже при рождении получают от своих предков внешние признаки своего низкого положения в обществе. Закон может отменить рабство, но один Бог способен стереть его следы.

В современном обществе раб отличается от хозяина не только своей несвободой, но и своим происхождением. Негра можно освободить, но от этого он не перестанет быть совершенно чужим для европейца. И это еще не все: этого человека, рожденного на самой низкой ступени общества и появившегося у нас в обличье раба, мы лишь с натяжкой можем назвать человеком. Его лицо кажется нам отвратительным, его ум — ограниченным, вкусы — низменными, мы почти готовы принять его за промежуточное существо между человеком и животным¹⁰⁵.

После отмены рабства современному человеку остается еще покончить с тремя неуловимыми и значительно более прочными, чем само рабство, предрассудками. Речь идет о превосходстве хозяина над рабом, белого человека над всеми другими людьми, а также о других расовых предрассудках.

Нам, имевшим счастье родиться среди подобных себе людей, обладающих по закону равными правами, очень трудно постичь, какая огромная пропасть отделяет американского негра от европейца. Но мы можем составить себе некоторое представление об этом, прибегнув к аналогии.

Когда-то и у нас существовало неравенство, основанное только на законе. Но ведь такое неравенство абсолютно искусственно! Нет ничего более противоречащего инстинктивным ощущениям человека, чем постоянные установленные законом различия между совершенно одинаковыми людьми. Однако эти различия существовали в течение веков и поныне существуют во многих местах. Они всюду оставили в сознании людей следы, которые плохо поддаются воздействию времени. Если так трудно покончить с неравенством, установленным лишь законом, то как уничтожить неравенство, незыблемая основа которого, казалось бы, заложена самой природой?

Что касается меня, то, когда я вижу, с какой мукой любые аристократические сословия смешиваются с народными массами, к каким крайним мерам они прибегают для того, чтобы в течение веков сохранять воображаемые границы, которые отделяют их от народа, во мне угасает всякая надежда на то, что неравенство, основанное на явных и вечных признаках, когда-либо исчезнет.

Мне думается, что надеяться на то, что европейцы когда-либо смешаются с неграми, — значит предаваться несбыточным мечтам. Ничто не позволяет мне надеяться на это, реальная действительность свидетельствует о противоположном.

До сих повсюду, где сила была на стороне белых, они держали негров в унижении и рабстве. Там, где верх брали негры, они уничтожали белых.

105 Для того, чтобы белые отказались от своего мнения о бывших рабах как о существах интеллектуально и морально неполноценных, негры должны измениться, но они не могут измениться до тех пор, пока существует это мнение.

Вот единственная форма отношений, которая когда-либо существовала между двумя расами.

По моим наблюдениям сейчас в некоторых частях Соединенных Штатов начинают отменяться законы, разделяющие две расы. Однако нравы остаются неизменными. Рабство отступает, но предрассудки, которые оно породило, сохраняются.

Разве в той части Союза, где негры стали свободными людьми, они сблизилась с белыми? Нет сомнения, что любой человек, побывавший в Соединенных Штатах, заметил нечто противоположное.

У меня сложилось впечатление, что расовые предрассудки сильнее проявляются в тех местах, где рабство отменено, чем в тех, где оно еще существует. Но наибольшая нетерпимость проявляется там, где рабство никогда не существовало.

Правда, в северных штатах закон разрешает белым Вступать в брак с неграми, но общественное мнение считает это Позором, и было бы трудно привести пример подобного брака.

Почти во всех штатах, где рабство отменено, негры получили право голоса. Но негр может прийти на избирательный участок лишь с риском для жизни. Негр может жаловаться на притеснения, но разбирать его жалобу будет белый судья. По закону он может быть присяжным, но предрассудки препятствуют действию этого закона. Дети негров не могут учиться в одной школе с детьми европейцев. В театрах ни за какие деньги он не может купить себе право сидеть рядом со своим бывшим хозяином. В больницах негры лежат в отдельных помещениях. Чернокожим позволяют молиться тому же Богу, которому молятся белые, но не в одном храме с ними. У них есть свои священники и свои церкви. Хотя двери рая для них не закрыты, неравенство сохраняется и на краю могилы. Негров хоронят в стороне от белых, и даже смерть, настигающая в равной степени всех, не уравнивает их в правах с белыми.

Итак, негры свободны и объявлены равными белым, но они не пользуются одинаковыми с ними правами, не разделяют их удовольствий, трудов и страданий, они даже не могут быть похоронены рядом с белыми.

На Юге, где все еще существует рабство, белые меньше сторонятся чернокожих, им случается вместе работать или развлекаться, у них существуют определенные формы общения. Законы, касающиеся негров там суровы, но обычаи проникнуты мягкостью и терпимостью.

На Юге хозяин не боится возвышать раба, так как знает, что при желании он всегда может поставить его на место. На Севере же четких границ, отделяющих униженную расу от белых, не существует, и белые из страха возможного смешения с чернокожими всеми силами стремятся держаться подальше от них.

У американцев, живущих на Юге, природа, время от времени вступая в свои права, восстанавливает равенство между белыми и чернокожими. На Севере гордыня заглушает даже самые бурные человеческие страсти. Американец с Севера, быть может, и согласился бы вступить в любовную связь с негритянкой, если бы по закону она не могла надеяться взойти на его брачное ложе. Но поскольку она может стать его супругой, он испытывает к ней отвращение и избегает ее.

Таким образом, создается впечатление, что в Соединенных Штатах, по мере освобождения негров растут предрассудки, выталкивающие их из общества. В то время как неравенство упраздняется законом, оно укореняется в нравах.

Но если мое описание взаимоотношений двух рас, живущих в Соединенных Штатах, соответствует действительности, то почему американцы отменили рабство на Севере страны? Почему оно сохраняется на Юге и по каким причинам там ужесточаются условия содержания рабов?

Ответ прост. В отмене рабства в Соединенных Штатах заинтересованы не чернокожие, а белые.

Впервые негры были привезены в Виргинию году в 1621-м. В Америке так же, как и повсюду в мире, рабство зародилось на Юге. Оттуда оно постепенно распространялось по стране. Однако, чем дальше на Север, тем меньше было количество рабов¹⁰⁶.

В «Исторической коллекции Массачусетса», том IV, с. 193, имеется любопытное исследование Белнепа о рабстве в Новой Англии. В нем говорится, что негров начали ввозить туда с 1630 года, но сразу же законы и нравы воспротивились рабству. См. также в этом же источнике свидетельство о том, как общественное мнение, а затем и закон сумели покончить с рабством. В Новой Англии, например, никогда не было много негров.

Возникли колонии, и по истечении века всех удивило одно необычайное обстоятельство: в провинциях, где рабов не было, население, богатство и благосостояние росли быстрее, чем в тех, где они были. Но ведь жители первых провинций были вынуждены сами обрабатывать землю или нанимать работников, тогда как жители вторых имели в своем распоряжении бесплатных работников. Следовательно, жизнь в одних местах требовала труда и расходов, в других же можно было жить в праздности, к тому же ничего не тратя. В выигрыше, однако, были первые провинции.

Это казалось необъяснимым, тем более что все эмигранты принадлежали к одной, европейской расе, имели одинаковые привычки и культуру, жили по одинаковым законам, а различались очень незначительно.

Шло время. Американцы от берегов Атлантического океана с каждым днем проникали все дальше в западную глушь. Там они находили новые земли и новые климатические условия, им приходилось преодолевать различные препятствия. Смешивались народы: южане попадали на Север, северяне — на Юг. И несмотря на такое разнообразие обстоятельств, всюду повторялось одно и то же: колонии, в которых не существовало рабства, становились населеннее и богаче, чем те, где оно существовало.

Постепенно возникло понимание того, что кабала не только жестока по отношению к рабу, но и губительна для хозяина.

Окончательно это было доказано, когда американцы поселились на берегах Огайо.

Река, которую индейцы обычно называли Огайо, или Прекрасная Река, несет свои воды по самой изумительной долине, в которой когда-либо жил человек. По обоим берегам Огайо тянутся холмы с неисчислимо плодородной почвой; там умеренный климат и здоровый воздух. Вдоль

106 Хотя на Севере было меньше рабов, выгода рабского труда там так же, как и на Юге, никогда не ставилась под сомнение. В 1740 году законодательное собрание штата Нью-Йорк заявило, что следует всячески поощрять прямой ввоз рабов и в то же время строго наказывать Контрабандистов, поскольку они могут помешать деятельности честных торговцев (Кент. Комментарии, т.11, с.206).

каждого берега проходит граница обширного штата: вдоль извилистого левого тянется граница штата Кентукки; штат, расположенный на правом берегу, носит то же название, что и река. Эти два штата различаются лишь в одном: в Кентукки разрешено иметь рабов, а в Огайо запрещено¹⁰⁷.

Таким образом, путешественник, плывущий по середине Огайо туда, где она впадает в Миссисипи, находится как бы между свободным обществом и рабовладельческим. И стоит ему поглядеть вокруг, как он сразу поймет, какое из этих общественных устройств способствует процветанию человечества.

Левый берег реки малонаселен, время от времени там можно видеть группы рабов, беззаботно бредущих по полупустынным полям; часто встречается девственный лес. Общество, кажется, пребывает в спячке, а человек предается праздности, в то время как природа живет бурной жизнью.

Что же касается правого берега, то с него доносится неясный шум, свидетельствующий о работе где-то вдалеке промышленных предприятий, на полях видны богатые всходы. Земледельцы живут в красивых домах, свидетельствующих об их вкусе и старании. Все дышит достатком, человек выглядит богатым и довольным: он трудится¹⁰⁸.

Штат Кентукки был основан в 1775 году, а штат Огайо двенадцатью годами позже. Для Америки двенадцать лет — это больше, чем пятьдесят лет для Европы. В настоящее время в Огайо живет на 250 тысяч человек больше, чем в Кентукки. Точные цифры по переписи 1830 года: Кентукки — 688 844; Огайо — 937 669.

Нетрудно понять, что рабовладение и свобода ведут к различным последствиям. Ими можно объяснить многие расхождения, существующие в жизни античного и современного общества.

На левом берегу Огайо работа является уделом рабов, на правом же ее рассматривают как средство достижения благосостояния и прогресса. На левом берегу труд презираем, на правом — уважаем. На левом берегу невозможно найти белых рабочих, так как белые боятся походить на рабов, работают только негры. На правом берегу не найдешь ни одного бездельника, белые берутся за всякую работу со свойственной им активностью и сообразительностью.

Итак, в Кентукки разработка природных богатств доверена ленивым и невежественным людям, в то время как трудолюбивые и просвещенные предаются безделью или переезжают в Огайо, где они могут найти применение своим способностям, не испытывая при этом стыда.

Правда, в Кентукки хозяева ничего не платят рабам за работу, но рабский труд не приносит им больших прибылей. Платя деньги белым рабочим, они бы с лихвой окупили свои расходы.

Свободному рабочему надо платить, но он работает быстрее, чем раб,

107 В штате Огайо не просто запрещено рабство, на его территорию не разрешен въезд и свободным неграм, они не имеют также права что-либо приобретать там. См. законодательство штата Огайо.

108 В штате Огайо предприимчивостью отличаются не только отдельные люди, сам штат ведет крупные дела. Штат Огайо проложил, например, между озером Эри и Огайо канал, который связывает долину Миссисипи с северной рекой. Благодаря этому каналу европейские товары, прибывающие в Нью-Йорк, можно доставлять по воде в Новый Орлеан, то есть на расстояние в более чем пятьсот лье в глубь континента.

а скорость выполнения работы — это один из важных элементов экономии. Белый продает свои услуги, но их покупают только в случае их необходимости. Чернокожий не может требовать никакой платы за свою работу, но его нужно постоянно кормить, о нем нужно, будь он болен или здоров, заботиться в течение всей его жизни, и в молодые, и в зрелые, наиболее производительные годы его жизни, и в годы его детства и старости, бесполезные для хозяина. Таким образом, и белый и чернокожий работают не бесплатно: свободный рабочий получает зарплату; а раба воспитывают, кормят, одевают, за ним ухаживают. На содержание раба хозяин тратит деньги постепенно, небольшими суммами, незаметно. Рабочему его зарплата выдается сразу, отчего создается впечатление, что обогащается только получатель. В действительности же раб стоит дороже рабочего, а его работа менее производительна¹⁰⁹.

Влияние рабства проявляется и в другом: оно оставляет глубокий след в душах хозяев, придавая определенную направленность их мыслям и склонностям.

Природа наделила людей, живущих на обоих берегах Огайо, энергичным и предприимчивым характером, но на каждой стороне реки люди по-разному используют свои качества.

На правом берегу главной целью белых, живущих плодами своих трудов, стало материальное благосостояние. Родные края дают им широчайший простор для применения способностей, их энергия всегда находит себе цель, а их страсть к обогащению выходит за пределы обычного человеческого корыстолюбия. Томимые желанием разбогатеть, они отважно вступают на любой путь, который открывает перед ними судьба. И независимо от того, становятся ли они моряками, пионерами, фабрикантами или землевладельцами, они одинаково упорны в труде и преодолении опасностей, присущих этим профессиям. Разнообразие их талантов восхитительно, а их жажда наживы близка к героизму.

Американцы, живущие на левом берегу Огайо, равно презирают как работу, так и всякое дело, для успеха которого она необходима. Они живут в праздности и достатке и обладают вкусами ничего не делающих людей. Деньги не имеют для них большой цены, они не столько стремятся к богатству, сколько к веселью и удовольствиям и тратят на них энергию, которой их соседи находят другое применение. Они страстно любят охоту и войну, умеют обращаться с оружием, им нравятся физические упражнения, требующие большой силы и ловкости. С юных лет они привыкают рисковать своей жизнью в поединках. Так рабство не просто

109 Кроме этих причин, вследствие которых труд свободных рабочих является более продуктивным и экономным повсюду, где в них не ощущается недостатка, нужно указать и еще одну свойственную лишь Соединенным Штатам. В этой стране только на берегах Миссисипи, у ее впадения в Мексиканский залив, научились с успехом выращивать сахарный тростник. В Луизиане разведение сахарного тростника приносит большую выгоду: нигде в другом месте работа земледельца не дает столь высокой прибыли. А поскольку между расходами на производство и произведенным продуктом всегда устанавливается некоторая взаимосвязь, в Луизиане высокие цены на рабов. К тому же Луизиана входит в федерацию штатов, и поэтому туда разрешается ввозить рабов из всех точек Союза. В результате высокие цены на рабов в Новом Орлеане приводят к росту цен на рабов на всех рынках страны. Таким образом, в местах, где земля не очень плодородна, ее обработка рабами стоит дорого, и в конкурентной борьбе побеждают свободные рабочие.

мешает белым обогащаться, оно лишает их самого стремления к этому.

В результате непрерывного двухвекового воздействия этих противоположных причин в английских колониях Северной Америки, возникли удивительные различия в деловых качествах южан и северян. Сегодня только на Севере есть корабли, промышленные предприятия, железные дороги и каналы.

Эти различия можно заметить, не только сравнивая жителей Севере и Юга, но и жителей Юга между собой. Почти все те, кто в южных штатах Союза занимается предпринимательской деятельностью, стремясь извлечь выгоду из рабского труда, приехали сюда с Севера. Северяне ежедневно прибывают в южные штаты, поскольку в них не так сильна конкуренция. Здесь они находят возможности, оставшиеся не замеченными местными жителями. Они приспособляются к рабовладельческой системе, хотя и не одобряют ее, и им удается извлечь из нее большую выгоду, чем ее создателям и сторонникам.

Если бы я хотел продолжить это сравнение, я легко доказал бы, что почти все различия в характере жителей Юга и Севера Америки возникли вследствие существования рабства. Но это увело бы меня от моей темы: меня сейчас интересуют не последствия порабощения людей, я хочу лишь уяснить, как оно воздействует на материальное процветание его приверженцев.

Древние не могли отчетливо понимать влияние рабства на производство материальных благ. Кабала существовала в то время во всем цивилизованном мире, ее не знали только варвары.

Поэтому христианское учение в борьбе с рабством на первое место ставило права раба. Теперь же стало возможным бороться с рабством также во имя хозяина. Это борьба, в которой выгода и мораль не противоречат друг другу.

По мере того, как эти истины проникали в сознание американцев, рабство постепенно отступало под натиском знаний и опыта.

Рабство зародилось на Юге, затем распространилось на Север, но сегодня оно исчезает. С Севера на Юг постепенно распространяется свобода. Самым крупным северным штатом, где существует рабство, является Пенсильвания, но устои его там уже подорваны. Мэриленд, расположенный к югу от Пенсильвании, с каждым днем приближается к его отмене, а в Виргинии, расположенной к югу от Мэриленда, уже идут споры о его пользе и опасностях¹¹⁰.

Одной из причин почти всех серьезных изменений в человеческих установлениях является порядок наследования собственности.

До сих пор, пока на Юге собственность передавалась по наследству не в равных долях, во главе каждой семьи стоял богатый человек, не ощущавший ни потребности, ни склонности к труду. Вместе с ним в той же праздности жили, как растения-паразиты, члены его семьи, лишенные

110 Есть особая причина, способствующая ослаблению рабовладельческой системы в этих двух штатах. В прошлом богатство этой части территории Союза было основано на выращивании табака. Использование рабов было особенно выгодно для обработки этой культуры. Однако в течение многих лет цена на табак падала, а цена на рабов оставалась прежней. Это привело к изменению соотношения производственных расходов и стоимости произведенной продукции. Поэтому сейчас жители Мэриленда и Виргинии в большей мере, чем тридцать лет тому назад, склонны либо отказаться от рабов при обработке табака, либо распрощаться и с этой культурой, и с рабством.

по закону доли в общем наследстве. Во всех семьях Юга наблюдалось то, что еще сейчас можно увидеть в аристократических семьях некоторых европейских стран: младшие члены семьи живут в подобном же безделье, что и старшие, хотя и не имеют такого же богатства. В основе этого сходства лежат абсолютно аналогичные причины. На Юге Соединенных Штатов все белое население представляет собой аристократическое сословие, возглавляемое группой привилегированных людей, владеющих своим богатством в течение веков из поколения в поколение ведущих праздный образ жизни. Эти люди были вождями американской аристократии, они представляли интересы своего сословия, хранили традиционные предрассудки белых, поддерживали представления о праздности как о деле чести. Среди этой аристократии можно было встретить бедных людей, но не трудящихся. Нищета считалась более почетной, чем труд. Вследствие этого чернокожие рабочие и рабы не имели конкурентов, и, что бы ни говорили о продуктивности их работы, приходилось прибегать к их услугам, так как других рабочих рук не было.

После отмены закона о наследовании все крупные состояния начали разрушаться. Все семьи в равной степени приблизились к положению, когда работа становится необходимой для существования. Многие семьи полностью исчезли: все осознали, что наступило время, когда каждый должен заботиться о себе сам. Сейчас еще встречаются богатые люди, но они не составляют единого сословия, передающего свои традиции от поколения к поколению. Они не сумели воспринять, сохранить и распространить во всех слоях населения общий дух. В результате предрассудков, согласно которому трудиться считалось позорным, стал повсюду забываться. Появилось больше бедняков, и они без всякого стыда начали искать возможность зарабатывать себе на жизнь. Итак, одним из непосредственных результатов наследования собственности в равных долях было возникновение класса свободных рабочих. Как только свободные рабочие вступили в конкуренцию с рабами, все почувствовали низкую производительность рабского труда. Таким образом, были поколеблены самые основы рабства, то есть представления о выгоде, которую оно приносит хозяину.

По мере того, как рабство вытесняется из северных штатов в южные, в том же направлении движется и чернокожее население. Вместе с рабством негры возвращаются в тропики, откуда их когда-то привезли.

Это может показаться на первый взгляд удивительным, но вскоре читатель поймет, отчего это происходит.

Отменяя рабство в принципе, американцы отнюдь не освобождают рабов.

Для того, чтобы последующее изложение было более понятным, я приведу пример, описав ситуацию в штате Нью-Йорк. В 1788 году в этом штате была запрещена продажа рабов. Это был обходной маневр, который имел целью запретить их ввоз. С этого времени количество негров увеличивалось там только за счет естественного роста чернокожего населения. Восемь лет спустя была предпринята более решительная мера: было объявлено, что с 4 июля 1799 года все дети, родившиеся от рабов, станут свободными. С этого момента исчезли все возможности увеличения количества рабов, и, хотя рабы еще существовали, можно сказать, что рабства уже не было.

Как только какой-либо северный штат заявляет о запрете на ввоз рабов, в него прекращают привозить с Юга чернокожих.

Если в каком-либо северном штате запрещается торговля неграми и владелец уже не может сбыть с рук своих рабов, они становятся для него обузой. В этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг.

Если какой-либо северный штат заявляет, что дети рабов будут от рождения свободными людьми, то рабы значительно обесцениваются: ведь их потомство уже не может стать предметом купли-продажи. И в этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг.

Но существует еще одна причина, более важная, чем уже упомянутые. По мере того как количество рабов в каком-либо штате уменьшается, там начинает ощущаться необходимость в свободных рабочих. А по мере того как растет количество свободных наемных рабочих, рабы, труд которых менее продуктивен, теряют цену или становятся ненужными. Это еще один случай, когда хозяину очень выгодно продать их на Юг, где конкуренции не существует.

Следовательно, отмена рабства не ведет к освобождению раба, у него лишь меняется хозяин: с Севера он попадает на Юг.

Что касается освобожденных рабов и негров, родившихся после отмены рабства, то они не уезжают с Севера на Юг, однако по отношению к европейцам они занимают место, сходное с местом туземцев: они невежественны, лишены прав и живут среди населения, стоящего значительно выше их по уровню достатка и знаний, постоянно сталкиваясь с тиранией законов и нетерпимостью нравов. В некоторых отношениях они еще более несчастны, чем индейцы: на них тяжким бременем лежат воспоминания о рабстве, они не могут требовать себе во владение какую-либо территорию. Многие не выносят страданий и погибают, другие скапливаются в городах, где они выполняют самую грязную работу и живут нищенской и неустроенной жизнью.

После отмены рабства белое население растет вдвое быстрее, чем черное, и если бы даже рост численности чернокожих оставался на том же уровне, что и во времена рабства, то все равно вскоре они бы затерялись среди чуждого им населения.

Территории, где используется рабский труд, обычно менее населены, чем те, на которых работают свободные люди. Кроме того, Америка — это молодая страна, и поэтому к моменту отмены рабства в каком-либо штате он бывает заселен лишь наполовину. Как только рабский труд в нем упраздняется и начинает ощущаться потребность в свободных рабочих, в него со всех концов страны устремляются толпы отважных авантюристов, которые приезжают для того, чтобы воспользоваться новыми возможностями, открывающимися перед предпринимателями. Они захватывают землю, на каждом участке поселяется белая семья. Эмигранты из Европы также направляются, в свободные штаты. Что делать бедняку из Европы, приехавшему в Новый Свет в поисках достатка и счастья, в местах, где труд считается бесчестьем?

В результате белое население растет естественным путем, а также пополняется за счет большого притока эмигрантов. Черных же эмигрантов не существует, и количество негров уменьшается. Вскоре количественное соотношение, существовавшее между двумя расами, в корне изменяется. Негров остается совсем немного, они превращаются в малочисленное, бедное и несчастное племя, не имеющее своей земли, и теряются среди многочисленного народа, владеющего ею. Об их существовании вспоминают, только совершая по отношению к ним

очередную несправедливость или жестокость.

Во многих западных штатах никогда не было негров, во всех северных их число быстро уменьшается. Таким образом, важный вопрос о взаимоотношениях этих двух рас касается ограниченной территории. Это снижает опасность проблемы, но не облегчает ее решения.

Чем дальше на юг расположен штат, тем труднее отменить в нем рабство с пользой для дела. Это объясняется несколькими материальными причинами, о которых необходимо рассказать подробно.

Первая причина — это климат. Нет сомнения в том, что чем ближе к тропикам живут европейцы, тем труднее им работать. Многие американцы утверждают, что под некоторыми широтами труд представляет для них смертельную опасность, тогда как негры могут там работать без всякого риска для жизни. Но я не думаю, что эти утверждения, столь приятные для ленивых жителей Юга, основаны на опыте. Ведь на Юге Испании и Италии климат такой же жаркий, как на юге Соединенных Штатов. Почему же в Америке европеец не может заниматься той же работой, которой он занимается в Европе? И если в Италии и Испании после отмены рабства хозяева не погибли, то может быть, и в Союзе им ничего не грозит? Я вовсе не думаю, что из-за природных условий европейцы, живущие в Джорджии и во Флориде, не могут обрабатывать землю своими руками без риска для жизни. Однако совершенно ясно, что там эта работа будет более изнурительной и менее продуктивной, чем в Новой Англии. Поскольку на Юге свободный работник не многим ценнее, чем раб, там менее целесообразно отменять рабство.

На севере Союза растут те же растения, что и в Европе, на юге же растут особые культуры.

Известно, что рабский труд разорителен при выращивании зерновых культур. Тот, кто выращивает пшеницу в стране, не знакомой с рабством, обычно не держит на службе много рабочих. Правда, во время сева и жатвы он нанимает многих, но они остаются в его доме недолго.

В рабовладельческом государстве земледелец вынужден содержать в течение целого года большое количество работников, нужду в которых он испытывает лишь в короткие периоды сева и жатвы. Ведь в отличие от свободных рабочих рабы не могут работать на себя и ждать дня, когда кто-либо захочет купить их услуги. Чтобы заставить их работать, их нужно купить.

Таким образом, оставляя в стороне отрицательные последствия рабства общего характера, следует отметить, что в странах, где выращиваются зерновые, рабский труд менее выгоден, чем там, где выращиваются другие культуры.

Напротив, на плантациях табака, хлопка и сахарного тростника требуется постоянная работа. Здесь можно использовать детей и женщин, что невозможно при выращивании пшеницы. Из этого следует, что по естественным причинам рабство больше подходит тем странам, где выращиваются эти растения.

Но табак, хлопок и сахарный тростник растут только на Юге и являются основными источниками его богатства. Отмена рабства поставила бы южан перед выбором: либо выращивать другие культуры и вступить в этом случае в конкуренцию с более активными и опытными северянами, либо выращивать те же культуры, но без рабов и в этом случае выдерживать конкуренцию с другими южными штатами,

использующими рабский труд.

Итак, в отличие от Севера у Юга есть особые причины для сохранения рабства.

Но есть и еще одна причина, самая существенная. Разумеется, в конце концов можно отменить рабство на Юге, но как там избавиться от чернокожих? На Севере отмена рабства и изгнание бывших рабов происходит одновременно, но нет никакой надежды, что то же самое можно будет сделать и на Юге.

Приводя доказательства того, что на Юге рабство больше соответствует естественным условиям и приносит большую выгоду, чем на Севере, я много раз говорил, что и численность рабов там, по-видимому, значительно выше, чем на Севере. Именно на Юг были привезены первые африканцы. Количество ввозимых сюда негров всегда было больше. Чем дальше на Юг, тем сильнее ощущается предрассудок, согласно которому уважения достойна лишь праздность. В штатах, соседствующих с тропиками, не работает ни один белый человек. По всем этим причинам на Юге больше, чем на Севере. И с каждым днем число их возрастает, так как по мере того, как рабство отменяется на одном конце Союза, негры стекаются на другой его конец. Таким образом, количество чернокожих на Юге увеличивается не только за счет естественного прироста населения, но и вследствие вынужденной эмиграции негров с Севера. На Юге Союза число чернокожих растет по тем же причинам, по которым так быстро растет количество белых на Севере.

В штате Мэн на 300 белых приходится 1 негр, в Массачусетсе на 100 — 1, в штате Нью-Йорк на 100 — 2, в Пенсильвании — 3, в Мэриленде — 34, в Виргинии — 42, и, наконец, в Южной Каролине — 55. Таким было соотношение черных и белых в 1830 году, но оно постоянно меняется. Ежедневно количество чернокожих на Севере уменьшается, а на Юге растет.

Совершенно очевидно, что в южных штатах Союза невозможно отменить рабство по примеру северных штатов, не породив тем самым зловещих проблем, которые совершенно не угрожали Северу.

Мы видели, что в северных штатах переход от рабства к свободе происходит постепенно. Взрослые негры остаются рабами, а их дети становятся свободными. Таким образом, не все негры сразу становятся членами общества. Те из них, кто мог бы употребить свою независимость во зло, остаются в кабале, на волю же отпускают тех, у кого еще есть время научиться искусству жить свободными до начала самостоятельной жизни.

На Юге такой способ применить невозможно. Заявление о том, что начиная с какого-то времени дети негров станут свободными людьми, вносит идею и принцип свободы в саму сущность рабства. Те негры, которые по закону остаются рабами, видя своих детей свободными, удивляются несправедливости, совершенной по отношению к ним судьбой, и начинают тревожиться и возмущаться. Рабство отныне теряет в их глазах ту моральную силу, которую ему давали время и обычай, оно сводится лишь к явному злоупотреблению силой. На Севере это противоречие не таило в себе никакой опасности, потому что черных там было мало, а белых — очень много. Но горе угнетателям, если первый луч такой свободы коснется двух миллионов человек сразу.

Освободив детей своих рабов, европейские обитатели Юга очень скоро были бы вынуждены распространить это благодеяние на всю

черную расу.

На Север, как я уже говорил, сразу после отмены рабства или с момента, когда она становится вероятной и близкой, начинаются два процесса: рабов вывозят дальше на Юг, а на их место стекаются белые из других северных штатов и эмигранты из Европы.

В самых южных штатах такие процессы возникнуть не могут. С одной стороны, количество рабов там слишком велико, чтобы можно было надеяться выпроводить их из страны, а с другой — европейцы и англоамериканцы с Севера опасаются приезжать на жительство в край, где работа все еще считается позором. К тому же они справедливо полагают, что штатам, где количество негров превышает или равно количеству белых, грозят великие потрясения, и не спешат распространять на них свою предпринимательскую деятельность.

Итак, отмена рабства не позволила бы южанам постепенно приспособить негров к свободе, как это сделали их братья с Севера, они не смогли бы уменьшить число чернокожих, и им пришлось бы в одиночку сдерживать их натиск. И через несколько лет там наряду с белым населением появилось бы многочисленное, почти равное ему по числу, свободное чернокожее население.

Тогда те нарушения прав негров, которые сегодня лежат в основе рабства, могут породить на Юге огромную опасность для белых. В настоящее время вся земля находится в руках европейцев, только они занимаются предпринимательской деятельностью, богатство, образование, оружие принадлежит лишь им. Чернокожие лишены всего этого, но им это и не нужно, ведь они — рабы. Но когда они станут свободными и должны будут сами заботиться о себе, без всего этого их ждет гибель. Таким образом, все то, что составляло силу белых при существовании рабства, оборачивается для них крупными опасностями после его отмены.

Пока негры остаются в кабале, с ними можно обращаться почти так же, как со скотом. Но если они получают свободу, ничто не помешает им обрести достаточную культуру для того, чтобы понять степень своей обездоленности и найти выход из нее. Кроме того, человеку присуще удивительное чувство относительной справедливости, уходящее корнями в глубину его души. Люди значительно острее воспринимают несправедливости, существующие внутри одного класса, чем те, которые существуют между классами. Они могут примириться с рабством, но постоянное унижение миллионов граждан, живущих из поколения в поколение в нищете, вызывает их протест. На Севере свободные негры сталкиваются с такими унижениями и несправедливостями, но они слабы и немногочисленны. На Юге же их было бы много и они были бы сильны.

Если предположить, что когда-либо белые и негры будут жить на одной земле как два разных народа, то сразу становится ясно, что для них будут возможны два пути: полное смешение или размежевание.

Выше я уже высказывал свое мнение о первом из них¹¹¹. Я не верю в то, что между белой и черной расами где-либо установится равенство.

111 Это мнение, впрочем, поддерживают люди, значительно более авторитетные, чем я. Вот что можно прочесть в «Воспоминаниях Джефферсона»: «Нет ничего, что было бы написано в книге судеб яснее, чем освобождение чернокожих. В то же время, когда обе расы будут свободными, они не смогут жить в одном государстве, так как природа, привычки и убеждения воздвигли между ними непреодолимые преграды».

Более того, я думаю, что в Соединенных Штатах ситуация будет значительно сложнее, чем в каком-либо другом месте. Случается, что один человек становится выше религиозных, местных или расовых предрассудков. И если этот человек является королем, он может произвести поразительные изменения в обществе. Однако целый народ не может стать выше самого себя.

Возможно, деспоту, который одинаково угнетал бы американцев и их бывших рабов, удалось бы добиться их смешения, но до сих пор, пока делами Америки управляет демократия, никто не может осмелиться на подобное предприятие. Напротив, можно предположить, что, чем большей свободой будут обладать белые в Соединенных Штатах, тем сильнее будет их стремление к размежеванию с неграми.

Я уже говорил выше, что прочная связь между европейцем и индейцем могла быть обеспечена метисом. Точно так же истинным связующим звеном между белым и негром является мулат. Там, где имеется много мулатов, слияние двух рас вполне возможно.

В Америке есть места, в которых европейцы и негры настолько перемешались, что трудно встретить совершенно белого или совершенно черного человека. В этом случае действительно можно говорить о смешении двух рас. Вернее, на их месте появляется новая раса, обладающая чертами и той и другой, но в то же время отличающаяся от обеих.

Из всех европейцев англичане в наименьшей степени смешались с неграми. На Юге Союза мулатов больше, чем на Севере, но в целом их значительно меньше, чем в любой другой европейской колонии. Вообще в Соединенных Штатах мулатов очень мало и сами по себе они очень слабы; в расовых конфликтах они обычно становятся на сторону белых. Так, в Европе лакеи крупных вельмож при общении с простым народом разыгрывают из себя людей благородного происхождения.

К гордости своим происхождением, свойственной англичанам, у американцев еще добавляется высокое чувство собственного достоинства, порожденного свободой и демократией. Белый человек в Соединенных Штатах гордится и своей росой, и самим собой.

Кроме того, раз уж на Севере негры и белые не смешиваются, то как это может произойти на Юге? Невозможно и на минуту предположить, что южанам, постоянно живущим в окружении, с одной стороны, ощущающих свое моральное и физическое превосходство белых, а с другой — негров, придет мысль о сближении с этими последними. Южане испытывают два сильных чувства, из-за которых они всегда будут держаться на расстоянии от негров: они боятся стать похожими на своих бывших рабов и быть ниже, чем их белые соседи.

Если бы мне обязательно нужно было сделать прогноз на будущее, я бы сказал, что, вероятнее всего, после отмены рабства на Юге брезгливость белого населения по отношению к неграм возрастет. Мое мнение основано на том, что я видел на Севере. Там, как я уже говорил, по мере того как исчезают законодательные различия между двумя расами, белые прилагают все больше стараний для того, чтобы держаться на расстоянии от черных. То же самое произойдет и на Юге. Страх белых жителей Севера перед опасностью их смешения с чернокожими основан на воображении. На Юге же такая опасность вполне реальна, и страх поэтому может лишь увеличиться.

Если, с одной стороны, признать тот несомненный факт, что в самых

южных областях страны чернокожее население растет, причем быстрее, чем белое население; а с другой — что черные и белые никогда не смогут смешаться и пользоваться в обществе одинаковыми правами, то следует сделать вывод о том, что рано или поздно черные и белые в южных штатах вступят в борьбу.

Каков будет ее результат?

Совершенно ясно, что ответом на этот вопрос могут служить лишь смутные предположения. Ценой большого напряжения человек может окинуть мысленным взором общее направление будущего развития, но на пути этого развития в свои права вступает случай, неподвластный никакому умственному усилию. В картине будущего случай представляет собой темное пятно, которого не могут коснуться лучи разума. Сейчас можно сказать лишь следующее: на Антильских островах, по-видимому, погибнет белая раса, а на континенте — черная.

Ведь на Антильских островах кучка белых живет в окружении огромного чернокожего населения, тогда как на континенте негры зажаты между морем и многочисленным белым населением, компактно проживающим на пространствах от канадских льдов до границы Виргинии, от берегов Миссури до побережья Атлантического океана. И если белые в Северной Америке будут действовать заодно, то трудно себе представить, чтобы неграм удалось избежать грозящего им уничтожения. Они погибнут от оружия и нищеты. Но у черного населения, живущего на берегу Мексиканского залива, есть возможность спастись, если борьба между двумя расами начнется после распада американской федерации. Если федеральные связи будут разорваны, то южанам не следовало бы рассчитывать на длительную поддержку со стороны их северных братьев. Северянам известно, что они вне опасности, и если рассудок и долг не заставят их прийти на помощь южанам, то можно предположить, что расовые симпатии тем более не смогут это сделать.

Впрочем, когда бы ни началась борьба между расами и если даже белое население Юга будет вынуждено бороться без посторонней помощи, оно вступит в схватку, имея огромные преимущества в знаниях и средствах. Однако, чернокожие смогут противопоставить им численность и силу отчаяния, что очень важно в вооруженной борьбе. Может быть, белую расу на Юге ждет то же, что случилось с испанскими маврами? После нескольких веков владычества она постепенно уйдет в те места, откуда когда-то пришли ее предки, оставив негров хозяевами в стране, которую, казалось бы, само Провидение предназначило для них: они легко переносят ее климат, в котором им легче работать, чем белым.

Более или менее отдаленная, но неизбежная опасность борьбы черного и белого населения на Юге Союза постоянно представляется воображению американцев как тягостный сон. Жители Севера ежедневно говорят об этой опасности, хотя непосредственно им ничто не угрожает. Они предвидят несчастья и безуспешно ищут способ предотвратить их.

В южных штатах об этом не говорят, там не обсуждают будущее с иностранцами, избегают подобных разговоров с друзьями. Каждый таит свои думы про себя. Однако в молчании южан есть что-то более пугающее, чем в откровенных опасениях северян.

Вследствие этой всеобщей тревоги возникло мало кому известное предприятие, которое может изменить судьбу части человечества.

Из страха перед описанной мной опасностью группа американских граждан образовала общество, которое поставило себе целью вывозить за

свой счет на берега Гвинеи негров, стремящихся избежать гнетущего их произвола¹¹².

А в 1820 году этому обществу удалось основать в Африке на 7-м градусе северной широты поселение, которое оно назвало Либерия. По последним сведениям, там поселилось уже 2500 негров. Переселившись на свою бывшую родину, чернокожие создали там учреждения, подобные американским. В Либерии существует система представительства, там есть негры-присяжные, негры-судьи, негры-священники, имеются храмы и газеты. И вследствие удивительной переменчивости, свойственной нашему миру, белым запрещено жить в этом поселении¹¹³.

Вот уж, действительно, неожиданный поворот судьбы! Два века прошло с тех пор, как европейцы впервые вырвали негров из объятий их семей и увезли их на берега Северной Америки. Сегодня же европейцы опять пересекают Атлантический океан, чтобы возратить потомков тех самых негров в страну, из которой они когда-то увезли их отцов. Варвары отправлялись в кабалу за светом цивилизации; будучи в рабстве, они учились искусству жить свободными.

До настоящего времени Африка была чужда наукам и искусствам белых. Может быть, теперь европейские достижения проникнут туда вместе с вернувшимися на родину африканцами. Итак, основание Либерии несет в себе прекрасную и великую идею, но эта идея может принести богатые плоды лишь в Старом Свете, в Новом же она бесполезна.

За двенадцать лет Общество колонизации черных переселило в Африку 2 500 негров. За то же время в Соединенных Штатах их родилось около 700 тысяч.

Даже если бы в колонию Либерия можно было ежегодно переселять тысячи новых жителей, причем таких, которым бы это пошло на пользу; даже если бы за дело взялся Союз, а не общество и если бы он использовал для вывоза негров в Африку свои средства и свои корабли, ему не удалось бы уравновесить даже естественный прирост чернокожего населения. Если же число ежегодно вывозимых негров не будет равно числу тех, которые рождаются, ему не удастся даже приостановить развитие этого ежедневно обостряющегося недуга своего общества¹¹⁴.

Негритянская раса никогда не покинет Американский континент, куда она попала по воле страстей и пороков европейцев. Она может исчезнуть из Нового Света, только если прекратит существовать. Жители Соединенных Штатов могут отдалить потрясения, которые внушают им страх, но им не удастся устранить их причину.

Я должен признаться, что, по моему мнению, отмена рабства в южных штатах не может отсрочить столкновение двух рас.

112 Это общество стало называться Обществом колонизации черных.

113 Это правило было предписано самими основателями поселения. Они опасались, что в Африке произойдет то же, что происходит на окраинах Соединенных Штатов: вступив в контакт с более просвещенной расой, негры так же, как индейцы, будут уничтожены прежде, чем смогут стать цивилизованными людьми.

114 В 1830 году в Соединенных Штатах было 2 010 327 рабов и 319 439 свободных негров, в целом их численность достигала 2 329 766 человек — то есть негры в это время составляли немногим более пятой части от всего населения Соединенных Штатов.

Негры могут длительное время безропотно сносить рабство. Но если они станут свободными людьми, лишенными почти всех гражданских прав, то вскоре возмутятся и, не будучи в состоянии стать равными белым, станут их врагами.

На Севере освобождение рабов принесло заметную пользу: и с рабством было покончено, и свободные негры не представляли никакой опасности. Их было слишком мало, и они и думать не могли о своих правах. На Юге ситуация иная.

На Севере рабовладельцы связывали проблему рабства с развитием торговли и промышленности, на Юге же — это вопрос жизни или смерти. Поэтому смешивать проблему рабства на Севере и на Юге нельзя.

Я вовсе не стремлюсь, избави меня Боже, найти принципиальные оправдания содержанию негров в неволе, как это делают некоторые американские авторы. Я только хочу сказать, что тем, кто когда-то допустил ее существование, сегодня не так легко ее упразднить.

Должен признать, что, размышляя над судьбой Юга, я вижу лишь два пути для живущего там белого населения: либо освободить негров и смешаться с ними, либо держать их на расстоянии и как можно дольше не отменять рабства. Любой компромисс, как мне кажется, очень быстро приведет к самой страшной гражданской войне и, возможно, к истреблению одной из рас.

Жители Юга придерживаются такой же точки зрения, и этим объясняется их поведение. Поскольку они не хотят смешиваться с неграми, они не хотят освобождать их.

Это не значит, что все южане считают, будто бы рабство обеспечивает богатство рабовладельцу. В этом отношении многие из них придерживаются той же точки зрения, что и северяне, и охотно соглашаются с тем, что рабство — это зло. Однако они думают, что для того, чтобы можно было жить, это зло должно быть сохранено.

По мере распространения просвещения на Юге многие жители этой части страны начали отдавать себе отчет в том, что рабство приносит вред рабовладельцу. Но благодаря тому же просвещению они более ясно, чем ранее, видят почти полную невозможность его отмены. В результате возникает удивительное противоречие: чем больше возражений вызывает польза рабства, тем прочнее его существование закрепляется законом. В то время как на Севере основы рабства постепенно разрушаются, на Юге они подкрепляются все более суровыми законами.

Современные законы южных штатов, касающиеся рабов, отличаются какой-то неслыханной жестокостью и сами по себе свидетельствуют о глубоком кризисе в законотворческой деятельности. Достаточно их прочитать, чтобы убедиться в том, что обе расы, живущие в этой части страны, находятся в безвыходном положении.

Американцы, живущие на Юге Союза, вовсе не усилили жестокость содержания рабов, напротив, условия жизни рабов улучшились. В древности раба удерживали лишь оковы и смерть, южане же нашли способы сохранения своей власти, основанные на рассудке. Они, если можно так выразиться, одухотворили деспотизм и насилие. Древние лишь стремились помешать рабу освободиться от своих оков, а наши современники постарались лишить его стремление к свободе. В древности заковано было тело раба, дух же его был свободен, он имел доступ к просвещению. В этом была логика, ведь в те времена существовала естественная возможность прекращения рабского состояния. В один

прекрасный день раб мог стать свободным и равным своему хозяину.

Жители Юга не допускают мысли о том, что когда-либо негры смогут стать равными им. Поэтому они под страхом суровых наказаний запретили обучать их чтению и письму. Они не хотят поднимать негров до своего уровня и содержат их почти так же, как скот.

Во все времена таившаяся в глубине рабства надежда на освобождение смягчала его жестокость.

Южане поняли, насколько опасно освобождать рабов, если они никогда не смогут стать равными своим бывшим хозяевам.

Освободить человека, оставив его в нищете и бесправии, есть ли более верный способ подготовить будущего вождя восставших рабов? К тому же уже давно было замечено, что присутствие свободных негров порождало смутное беспокойство в глубине души тех, кто еще оставался в рабстве, и пробуждало в них неясные проблески мысли о своих правах. На Юге хозяева в большинстве случаев лишены возможности освобождать своих рабов. Освобождение не запрещено, но оно требует выполнения формальностей, которые его усложняют.

Я встречался на Юге Союза со старым человеком, который когда-то состоял в незаконной связи с одной из своих негритянок. У них было несколько детей, и все они считались рабами своего отца. Отец немало думал о том, чтобы завещать им хотя бы свободу, но прошли годы прежде, чем он сумел преодолеть препятствия, воздвигнутые законодателями на пути освобождения рабов. За это время он состарился и был близок к смерти. И он уже представлял себе, как его сыновей будут перевозить с рынка на рынок и как после отцовской власти они попадут во власть чужого человека. Эти ужасные картины приводили в исступление его угасающее воображение. При виде его тоски и отчаяния я понял, как жестоко умеет мстить природа за те раны, которые ей наносят законы.

Такие страдания, конечно, ужасны, но разве не являются они логическим и неизбежным следствием самого существования рабства в современном мире?

Европейцы превратили в рабов людей другой расы, стоящей, по мнению многих из них, на более низкой ступени развития по сравнению с прочими расами. Мысль о возможном смешении с этой расой внушала им отвращение. Они полагали, что рабство будет существовать вечно, поскольку между крайней степенью неравенства, в котором живут рабы, и полным равенством, естественным для свободных людей, не может быть никакого длительного промежуточного состояния.

Европейцы смутно ощутили эту истину, но не осознали ее до конца. По отношению к неграм они руководствовались то выгодой, то гордыней, то жалостью. Сначала они нарушили все человеческие права негров, а затем объяснили им их ценность и нерушимость. Они открыли рабам доступ в свое общество, но когда те попытались в него войти, их принялись гнать и шельмовать. Желая сохранить рабство, они либо против своей воли, либо безотчетно двигались к свободе, но не решались при этом ни полностью пренебречь справедливостью, ни окончательно ее восстановить.

Если ничто не предвещает наступления времени, когда южане смешиваются с неграми, то могут ли они, не подвергаясь смертельной опасности, позволить своим рабам обрести свободу? И если для спасения своей собственной расы они вынуждены держать их в оковах, то разве не простительно, что они прибегают для этого к самым действенным

средствам?

То, что происходит на Юге Союза, чудовищно, но в то же время это естественное следствие рабства. Когда извращается природный порядок вещей, когда человечество стонет и тщетно бьется в сетях законов, не следует, по-моему, гневно клеймить наших современников, руками которых творятся эти беды. Все возмущение должно быть направлено против тех, кто возродил в нашем мире рабство после более чем тысячелетнего существования равенства. Впрочем, какие бы усилия ни прикладывали южане для того, чтобы сохранить рабство, им это не удастся. Теснящееся в одной точке земного шара, несправедливое с точки зрения христианства, пагубное с точки зрения экономической политики, рабство, сохраняющееся в окружении демократической свободы и современного просвещения, не может существовать долго. Оно падет под ударами рабов или по воле хозяев. И в том и в другом случае следует ожидать глубоких потрясений. Если негры не будут освобождены, они сами силой добьются свободы. Если же она будет им дарована, то они не замедлят употребить ее во зло.

Голоса пространства

Пол Андерсон — Ивану Ефремову

7 февраля 1966 г.

Уважаемый профессор Ефремов!

Я был приятно удивлен, получив Ваше письмо. Мне очень понравились те из Ваших рассказов, которые удалось найти на английском — к сожалению, их мало (Мое незнание русского также достойно сожаления, и, возможно, мне менее простительно.) Я и не знал,

что мои работы были опубликованы в Советском Союзе, или даже что они известны, за исключением одного рассказа, упомянутого в критической статье.

Мне бы хотелось послать Вам «Снега Ганимеда», как Вы и просили, но у меня не осталось больше экземпляров. Потеря не велика, если говорить откровенно, это не такая уж хорошая книга. Но я могу послать Вам «Flandry of Terra», а также сборник, названный «Время и Звёзды». Если он у Вас уже есть, надеюсь, Вы сможете подарить его кому-нибудь.

Если Вас интересуют другие мои творения, я буду счастлив, по возможности, послать их Вам И, разумеется, я был бы рад прочитать еще что-нибудь из советской научной фантастики Хорошо, что можно, на время оставляя в стороне политические разногласия, просто поздравить вашу страну с ее великим достижением — прилунением ракеты.

С уважением,
Пол Андерсон

* * *

31 июля 1966 г.

Уважаемый профессор Ефремов!

Очень прошу Вас простить меня за долгое молчание. Но прежде чем объяснить его причину, я хотел бы пожелать Вам скорейшего выздоровления, так как узнал, что Вы сейчас больны.

Причина же просто в том, что я был очень занят, не только работой, но и многим другим. В тот момент, когда Вы мне написали, я помогал своему знакомому перевести яхту из Сиэттла в Калифорнию. Нам следовало бы подождать перемены погоды, но этому человеку было крайне необходимо вернуться вовремя на работу. После этого я был вынужден предпринять еще несколько дальних поездок, не оставляя при этом работу, чтобы успеть закончить книгу и несколько рассказов к назначенному сроку.

Кроме того, я пытался найти книги Мерритта, заказанные Вами, но мне это не удалось. Я живу в небольшом городке, и несмотря на то, что он находится не так далеко от Беркли или даже от Сан-Франциско, выбраться в город не очень просто. Но в любом случае, я буду продолжать поиски, и если мне подвернется что-нибудь Мерритта, я обязательно вышлю Вам. Вместе с тем, мне кажется (хотя я не вполне уверен), что некоторые из этих книг были переизданы компанией «Эйс Букс» располагающейся по адресу: 1120 Авеню ов Америкас, Нью-Йорк, 10036. Может быть, их редактор Терри Карр — мой друг — сможет Вам помочь.

А пока высылаю Вам пару своих книг. «Troubletwisters» — это сборник рассказов. Вы, без сомнения, сочтете невозможной экстраполяцию на будущее неограниченного капитализма, которого в наши дни не существует даже в Америке, но который может, в принципе, вернуться. Хотя, возможно, инопланетный антураж развлечет Вас. Там также есть и более серьезная вещь с довольно неудачным названием, придуманным не мной, на тему ксенобиологии. Конечно, некоторый включенный туда материал уже устарел, особенно — касающийся планет Солнечной системы. Но большая часть материала основана на предположениях, и поэтому не может быть опровергнута как неверная. Хотя, вполне вероятно, так оно и есть!

Спасибо за Ваши собственные книги, которые я прочел с огромным

удовольствием. Столкновение со старым добрым «чувством изумления» вносит свежесть в западную научную фантастику и исторические романы, которые настолько усложнились стилистически в последнее время.

Знакомы ли Вам книги Ф.Карсака? Это очень хороший французский фантаст. Его настоящее имя — Франсуа Борде, он профессор палеолитической археологии в Университете в Бордо. Если вы хотите ему написать (он свободно говорит по-английски, хотя, возможно, вы знаете французский намного лучше меня), то его адрес: 46 Рю Жуи, 33 Таланс, Франция. Мы с женой с огромным удовольствием вспоминаем, как гостили у него прошлым летом.

Кстати, на конференции фантастов мы были очень рады познакомиться с доктором Джозефом Несвадбой из Чехословакии. Английское название его романа — «Ordinary Life» («Обычная жизнь»).

Ах, да! Я должен внести небольшую поправку. У меня нет никакого права называться «доктор» или «профессор», поскольку я располагаю лишь степенью бакалавра физики и к тому же я никогда не преподавал. Мне очень льстит, что Вы и А.Д.Бородаевский, на чье любезное письмо я тоже должен ответить, одариваете меня учеными званиями, но я их не заслужил!

Я надеюсь, что Вы продолжите писать — и не только научные работы. Я попытаюсь достать необходимые Вам книги, хотя, как видите, это не всегда возможно, особенно в последнее время, когда книги в мягкой обложке у нас исчезают с прилавков гораздо быстрее книг в твердом переплете. И если они не переиздаются, то найти их очень сложно. Может быть, получится наладить что-то вроде обмена книгами, как Вы и предложили.

На этом я должен закончить. Желаю Вам здоровья и счастья.

С уважением,
Пол Андерсон.

* * *

31 марта 1967 г.

Оринда, Калифорния

Дорогой профессор Ефремов,

Благодарю Вас за Ваше письмо и те книги, которые Вы мне прислали — я прочитал их с огромным удовольствием. Ваши рассказы наполнены удивлением, атмосферой чуда, которой, к сожалению, недостает в большинстве современной американской научной фантастики и приключенческой литературы.

Поскольку Вас интересует средневековая романтика, я посылаю Вам несколько снимков, сделанных во время последнего рыцарского турнира, состоявшегося у нас на прошлой неделе. К сожалению, пасмурная погода, которая стояла в этот день, не способствовала контрастности на цветных фотографиях. Но они хоть чуть-чуть могут помочь Вам ощутить аромат Средневековья. Все костюмы и оружие выглядят весьма колоритно, хотя и сделаны своими руками. На этих фото рыцарь в стальном шлеме, красном плаще и желтой рубаше, с изображением креста и солнца на голубом щите — это я; молодая девушка в красном платье — моя дочь Астрид. Я сражался не так уж плохо, учитывая тот факт, что все остальные участники турнира были младше меня; я умудрился выиграть больше битв, чем проиграл, и при этом не получить ни одной серьезной травмы.

Отдельно от письма я посылаю Вам сегодня еще и книги. Я не смог найти книги Карлоса Фуэнтеса «Аура», о которой Вы просили. По-видимому, ее не существует в переводе на английский, по крайней мере, в списках она не значится. Я мог бы предложить Вам его книгу под названием «Смерть Артемио Круга» — если хотите. Я испытывал некоторые сомнения относительно того, стоит ли посылать книгу «Naked Lunch» У. Берроуза. Это одна из самых ужасных книг, какие я когда-либо читал — сюрреалистическое описание жизни наркоманов и дегенератов. У нее, однако, есть важная нравственная цель, и так как из Вашей биографии я понял, что Вы знакомы с самыми различными сторонами жизни, я все-таки решил ее послать. Только прошу Вас учесть, что эти сюжеты не являются чем-то характерным для жизни Америки.

В противовес я также посылаю книгу, написанную моим другом. Это любительское, некоммерческое издание, но, тем не менее, в нем содержится серьезное исследование истории американского фантастического журнала под названием «Analog», в прошлом — «Astounding Science Fiction». Вам, может быть, интересно будет узнать, что происходило в мире нашей научной фантастики в течение последних тридцати лет.

Помимо этого, у меня не так много новостей. Жизнь наша в основном протекает тихо и спокойно (в последнее время). Я работаю над рассказом, который мог бы стать основой для сценария фильма, и который скорее всего перерастет в роман. Идея его заключается в следующем: как Вам известно, сейчас считается весьма вероятным существование во Вселенной «свободных» планет, т. е. небесных тел, орбита которых не является замкнутой вокруг какой-либо звезды. Если эта планета достаточно велика, то можно предположить, что в определенный момент прошлого некоторое количество воды и газа было выброшено из её недр на поверхность. Затем все это замерзло в холоде межзвездного пространства. Если такая планета пройдет достаточно близко от звезды-гиганта, то лед начнет таять и испаряться. Это было бы невероятное зрелище!

Но я испытываю некоторые трудности с определением точных математических соотношений, характерных для подобной ситуации: например, в течение какого времени планета может находиться на достаточно близком расстоянии от звезды (прежде чем она опять начнет от него удаляться). В этой связи весьма полезной является книга И.С.Шкловского, опубликованная на английском языке с комментариями Карла Сагана, под названием «Разумная жизнь во Вселенной». Русское название — «Вселенная, жизнь, разум», и, конечно же, Вы знаете её.

Кстати, Вы немного неправильно меня поняли: хотя мы и одеваемся приблизительно в стиле XIV века для своих турниров, это далеко не самая моя любимая эпоха. На самом деле, это время было одинаково плохим как для Восточной, так и для Западной Европы. Более ранний период, скажем, приблизительно с 1000 по 1250 год, был не таким утонченным и во многом более жестоким, но в это время было больше свободы.

И, конечно же, не мне Вам говорить о том, каким высокоцивилизованным государством была в этот период Киевская Русь. На самом деле, я провел нечто вроде исследования этой эпохи. В конечном счете я намереваюсь написать биографический роман о короле норвежском Харальде III. Он погиб в 1066 году во время попытки захватить Англию, всего за месяц до вторжения войск Вильгельма

Завоевателя; и его атака, уничтожившая такое большое количество лучших войск Харальда Годвинссона, возможно, явилась одной из причин победы норманнов. А перед этим у него была невероятная жизнь, полная приключений, в ходе которых он побывал в Иерусалиме и Константинополе.

Естественно, мне пришлось изучать российскую историю этого периода — поскольку Харальд был близким другом Ярослава Мудрого и, более того, был женат на одной из его дочерей. Есть также некоторое основание предполагать, что после раскола христианской церкви на католическую и православную Харальд сочувствовал православным. В любом случае, ясно, что он отрицал авторитет Папы Римского в вопросе о назначении епископов. Если бы он остался в живых, он, возможно, преуспел бы в том, в чем император Генрих позже потерпел неудачу: в утверждении превосходства государственной власти над церковной. Возможные последствия этого были бы очень интересными.

Меня также интересует та роль, которую он пытался играть после своего возвращения туда и принятия норвежской короны. Он вошел в историю как тиран, но с его именем связано множество прогрессивных начинаний: например, основание города Осло и поставки зерна в Исландию в то время, когда там был неурожай. И, безусловно, он имел множество преданных сторонников, особенно среди молодого поколения. Я думаю, что, будучи под сильным русским влиянием, он пытался установить в Норвегии централизованную монархию византийского типа. Его попытка не увенчалась успехом, его сын еще спокойно правил страной, но при правлении его внука анархизм викингов снова взял верх и разрушил монархическое устройство Норвегии. Однако сам этот конфликт между новыми и старыми идеями весьма занимателен.

Странно, что эти две культуры существовали в одно и то же время: яркая культура Киевской Руси и молодая, но подающая надежды культура Скандинавии; и что исчезли они также почти одновременно: одна в результате монгольского нашествия, другая за счет объединения с западным христианским миром. (Конечно, скандинавы, были крещены раньше, но как показывает случай Харальда, это было довольно-таки поверхностно примерно до 1300 года.) По сохранившимся фрагментам культуры Киевской Руси и Скандинавии мы можем предположить, что мир мог бы быть лучше, если бы эти культуры возобладали.

Впрочем, это просто романтическая гипотеза. (Я только хотел показать, что наши интересы в истории сходны.) На этом я заканчиваю письмо, с наилучшими пожеланиями всей вашей семье.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

22 июня 1967 г.

Оринда, Калифорния США

Дорогой профессор Ефремов,

Я снова должен извиниться за большую задержку с ответом. Было очень много работы, а когда в течение всего дня пишешь по необходимости, то вечером едва ли возможно написать настоящее письмо просто для души.

Большое спасибо за чудесные книги, которые я получил несколько

дней назад. Все члены моей семьи и друзья просто восхищены. Остается лишь сожалеть, что я не могу читать по-русски, но попробую найти кого-нибудь, кто смог бы сделать для меня перевод. (В ближайшие годы, возможно, мне удастся побороть лень и выучиться хоть немного русскому. Дедов брат из Дании послужит мне в том примером. Однажды, во времена вашей революции, он воскликнул: «Когда такие грандиозные события происходят в этой стране, какой же это позор не знать русского языка, какой позор!» Вскоре он научился читать по-русски. Тогда ему было 75 лет.) Сказки на английском языке довольно милы, мне хорошо известны венгерские варианты многих из них. Например, в одной из венгерских сказок главному герою приходится пасти лошадей ведьмы Железный Нос. На самом деле эта сказка очень похожа на вашу сказку про Марью Моревну. А в другой сказке замок на утиных ножках пытается убежать от главного героя.

В обеих книгах очень красивые иллюстрации. Я и не знал, что стиль древнерусской архитектуры до такой степени похож на скандинавский. Некоторые из изображенных строений почти полностью соответствуют деревянным церквям периода раннего средневековья, которые, в свою очередь едва ли отличались от языческих храмов, существовавших за несколько столетий до них. Я не знаю — может быть, знаете Вы: русские или скандинавы первыми создали этот стиль, или, возможно, он был общим для всех балтийских народов?

Конечно, в Европе принято считать, что культура Киевской Руси начинается со шведов, основавших государство. (Кстати, мне попались книги, где Рюрика отождествляют с Хрюреком — викингом, прославившимся во Фландрии и Франции. Так ли это было на самом деле или нет, я не знаю.) Обычно говорят, что само слово «Русь» имеет шведское происхождение. Его возводят к названию местечка Рослэн в южной Швеции или к слову «ру», что значит «to row» — грести. Ведь людям приходилось много грести, когда они путешествовали по рекам. Арабский путешественник X века Ибн Хаукал оставил нам подробное описание похорон вождя руссов, которое точь-в-точь воспроизводит скандинавскую легенду о похоронах убитого бога Бальдура.

Такой теории обычно придерживаются в Западной Европе и США. Однако когда я готовил материалы для будущей книги о короле Харальде, я долго беседовал с одним русским профессором-историком. Он был очень сведущим человеком: например, рассказал, что, в соответствии с современными научными представлениями, влияние шведов на Русь касалось исключительно династических вопросов, структуры военной организации и выхода торговых путей к Балтике. Культура Киевской Руси была по своей сути глубоко самобытной, хотя, конечно, на раннем этапе проявилось влияние Византии.

Я считаю эту точку зрения вполне справедливой. Несомненно, скажем, что новгородское вече имеет только поверхностное сходство с подобным представительным институтом власти — тингом — в Скандинавии. (По правде говоря, я думаю, что чужеземные викинги были поражены обилием ссор, возникавших на вече. Аналогичные собрания в Скандинавии должны были проходить по правилам очень чинно, а если и случались драки, то впоследствии вражда не утихала буквально в течение веков.) И еще задолго до образования Киевской Руси, скажем, у скифов, уже существовала своя собственная великолепная культура. Хотя я, конечно, к сожалению, не настолько компетентен в вопросе об истории

древнерусских племен, чтобы судить об этом.

Впрочем, вероятнее, что это русские оказали на скандинавов более сильное влияние, а не наоборот. Здесь можно упомянуть такую, казалось бы, незначительную деталь: некоторых из самых великих королей Дании звали Вальдемарами, что само по себе является не чем иным, как искаженным именем Владимир.

И затем также существует целая проблема «эзиров», как их называли скандинавы, или «ансов», как еще раньше их называли готы — т. е. скандинавских богов. Все знают легенды об Одине, Торе, но в этих мифах, так же как и в других, заключена более сложная история. Собственно, существовали два рода богов — эзиры и ваниры. Последние были богами плодородия, любви и моря. Некогда между двумя родами богов разгорелась война. Ни одна из сторон не могла одолеть другую, они договорились, в конце концов, жить вместе в мире и согласии. (Хотелось бы, чтобы люди XX века научились поступать столь же разумно.) Принято считать, что это отражает процесс частичного вытеснения исконных хтонических богов воинственными богами индоевропейских завоевателей около 1800 лет до н. э., которые принесли с собой свой пантеон, в котором главными были мужские божества неба, огня и войны.

Возможно. Но существует еще одна теория. Такие средневековые историки, как датчанин Саксон Грамматик и исландец Снорри Стурлусон, будучи христианами, не могли признать древних богов настоящими богами. Но в то же время они не отрицали реальности их существования. Вместо этого они говорили, что Один, Тор и другие были в далеком прошлом вождями племен, и позднее им стали поклоняться как богам. Снорри рассказывает об этом подробно. Он утверждает, что изначально территория Асгарда находилась на юге России неподалеку от Крыма, там же был Танаквизл, или по-другому Ванаквизл — родина ваниров. Эти два народа воевали, заключили мир, и к началу нашей эры переселились на север, чтобы не попасть во власть Римской империи. Дойдя до Скандинавии, они утвердили свое господство, обучили людей ремеслам. После их смерти им начали поклоняться.

Как вам известно, на этой территории существовала греческая колония, носившая название Танаис, там жили народы «ансаланы», которых называли также «анзами». (К тому же одна из этих народностей называла себя «рукх-анза», т. е. Великолепными Аланами; было высказано предположение, что от них и пошло название «Русь».) В I веке до н. э. некоторые из аланов попытались завоевать Крым, но были разбиты Диофантом — военачальником, посланным в те места Митридатом, царем Понта. А через несколько лет сам Митридат был покорен римлянами.

Я развил гипотезу, согласно которой часть народа рукх-анза, к которым присоединилась в поисках приключений часть греков из Танаиса, на самом деле отошли к северу, чтобы избежать римского завоевания. Они, конечно, многое могли дать скандинавам, включая рунический алфавит (греческого происхождения) и более развитые формы общественного и военного устройства. Там они встретились бы с совсем незначительным сопротивлением, так как Северная Европа переживала в то время длительный период тяжелых погодных условий, и поэтому многим пришлось податься в чужие края, (скажем, народ кимбри, который примерно в 100 г. до н. э. пытался завоевать Италию). Многие другие черты ранней скандинавской культуры таковы, что вполне

могли бы иметь русское происхождение, к примеру, традиция жертвоприношения лошадей.

В этой связи меня заинтересовало Ваше замечание по поводу влияния Ирана на древнюю Русь. Не кажется ли Вам, что скандинавская мифология, рассказывающая о Валгалле и неизбежном конце мира в битве между богами и демонами, похожа на далекое эхо митраической религии?

Но все это происходило еще задолго до времен нашего старого доброго Харальда Норвежского. Я был очень удивлен, когда узнал, что его считают едва ли не народным героем в России тоже. Доказательством этого служит процитированный вами отрывок из действительно замечательной баллады графа Толстого, описывающей Харальда.

Мне бы хотелось когда-нибудь (к тому времени, когда я овладею Вашим языком) познакомиться с этой балладой целиком.

Вам, может быть, будет интересно узнать, что еще раньше брат-полукровка Харальда Олаф, будучи королем Норвегии, был выслан из страны в результате народного бунта (так как он, желая христианизировать свой народ, пользовался для этого слишком жестокими способами.) Он нашел прибежище у Ярослава, а женой Ярослава была Ингигерда — дочь шведского короля.

Олаф и Ингигерда были когда-то обручены, но из-за ссоры с ее отцом свадьба не состоялась, и Ингигерда вышла замуж за Ярослава. Очевидно, именно она позаботилась о том, чтобы Олафу оказали хороший прием, когда он попросил убежища. (Хотя мне кажется, что Ярослав сам был не прочь приютить Олафа, принимая во внимание, что тот сможет понадобиться ему в качестве противовеса силе датского короля Кнута, который в то время стал и королем Норвегии и, возможно, попытался бы завоевать также Балтику.) По-видимому, Олаф и Ингигерда все еще Испытывали друг к другу нежные чувства. По крайней мере, в саге говорится, что однажды вечером Олаф стоял на холме и увидел ее, как она в сопровождении дам проезжала на коне мимо него, склонив голову и с поблекшим лицом. Тогда он написал это, как мне кажется, очень красивое стихотворение, которое я попытался перевести на английский.

С холма я взглядом провожал далеких всадников,
в их веренице всех грациозней моя милая.
Глаза сияли, меня лишая надежды горестной.
Что ж, все печали на нас ложатся лишь по
заслугам.

На родине в благодатные дни,
раскинув высоко над землями ярла
зеленые ветви свои, стояли деревья.
Но время прошло, и вскоре их листья
поникли безропотно, поблекли в безмолвии.
Лишь золотой венок украшает сейчас
голову Ингигерды.

(В переводе стихотворения я сохранил аллитерацию, но упростил сложные риторические фигуры, встретившиеся в древнескандинавском оригинале. Ярл — это земельный собственник, наподобие английского барона или, как мне кажется, русского боярина.)

Я не знаю, соглашаться или нет с Вашей негативной оценкой роли церковной культуры в Средние Века. В Западной Европе это была единственная, существовавшая тогда культура. По крайней мере, она ввела книжную традицию, благодаря ей возник, если и не факт, то идеал человеческого братства и равенства, она способствовала распространению классической учености. С другой стороны, она, конечно, оказала влияние на процесс подавления личной свободы, усугубила многие конфликты или даже на почве религиозного фанатизма породила их.

Несмотря на все это, хотим мы этого или нет, нам, людям Западной Европы и Америки, следует признать, что наша цивилизация во многом была порождена римской католической церковью. Возможно, мы вышли бы лучше, будь у нас другая «мать», но сейчас с этим уже ничего нельзя поделать. И, разумеется, мы могли бы получиться еще хуже (к примеру, по завершении кратковременного периода расцвета, ислам абсолютно обанкротился и стал, по всей видимости, тормозом в развитии общества).

Но Все вышесказанное не может быть в полной мере применимо к России. Как однажды заметил мой друг, ваша история — почти полная противоположность нашей. После падения Римской империи Западная Европа представляла собой, по существу, местность, состоящую из феодальных наделов. Гораздо позже из этой матрицы выделились города и возникли классы ремесленников и купцов; в конце концов, они стали главной доминирующей силой. Россия начинала с городов и капитализма, влияние которого распространялось и на отдаленные районы. Я не знаю, согласились бы Вы с суждением моего друга, но, по крайней мере, оно кажется любопытным.

К ответу на Ваш вопрос, на открытке. Как ни странно, хотя английский язык и имеет очень богатый словарный состав, слово «солнце» в английском не имеет уменьшительной формы. У нас иногда называют солнце латинским словом «Sol», реже греческим «гелиос», также существуют поэтические иносказания, например, «дневное светило». Но, видимо, у нас действительно нет слова, соответствующего вашему «солнышко».

Собираясь поблагодарить Вас за сборники легенд, я, похоже, слишком далеко ушел в историю и пока еще не сказал спасибо за обзорную статью, которую Вы мне любезно прислали. Снова придется ждать перевода, прежде чем смогу дать свой комментарий, но мне будет особенно интересно узнать, какова была реакция на мой ответ господ Дмитревского и Брандиса. Если ответ показался им недружелюбным, то я прошу извинения, у меня совсем не было намерения их обидеть. В политическом отношении я считаю себя американским консерватором, то есть тем, кто думает, что традиции американского общества больше всего подходят для американцев, — в особенности традиция максимального невмешательства правительства в дела личности. (В нашей стране, несомненно, много негативного, и это нужно менять, консерваторы же просто считают, что эти необходимые изменения лучше всего вносить осторожно и что наши давно существующие для этого процедуры вполне способны помочь справиться с этими проблемами.) Однако ясно как день, что американские законы и обычаи не подходят для всех других народов мира, и в самом деле, человечество выигрывает от того, что существует много разных общественных систем, которые проходят проверку одновременно. Мы желаем великому советскому народу всяческих

успехов в созидании такого общества, к которому он стремится.

Довольно об этом. Мир и так переполнен политикой. Но я должен затронуть одну проблему, некоторым образом связанную с этим, а именно, проблему пересылки Вам книг и журналов. Я был бы рад прислать Вам то, что Вам бы хотелось получить, если достану, но не знаю, что у Вас уже есть. (Например, я был немного удивлен, когда узнал, что, по-видимому, Вы можете получать по подписке, скажем «Analog», хотя подписаться на иностранные издания у вас очень трудно.) До недавнего времени я также не знал, что почту необходимо регистрировать, чтобы быть уверенным в том, что она благополучно дойдет до Вас. Для отправки почты в другие страны этого никогда не приходилось делать. Я думаю, что трудности в доставке возникают из-за отсутствия прямых почтовых связей между СССР и США. Во всяком случае, я не уверен дошло ли что-нибудь из того, что я посылал. Получили ли Вы, например, мою книгу о внеземной биологии? Дошли ли романы «The High Crusade» и «Virgin Planet»? (Если я правильно помню, они были отправлены на адрес господина Бородаевского.) Пожалуйста, напишите мне, что у Вас уже есть и чего пока нет, и я постараюсь в этом помочь.

Короткий роман «World Without Stars», о которой Вы спрашивали, идентичен журнальной публикации «The Ancient Gods». Несколько месяцев назад я послал ее господину Бородаевскому, который так и не получил ни одного журнала. Поэтому я зарегистрировал посылку и отправил ее еще раз. Надеюсь, на этот раз она дойдет нормально. Я предполагаю, что вы и Бородаевский даете друг другу почитать свои книги.

Кстати, передайте ему от меня привет. Я вскоре напишу ему. Когда имеешь корреспондентов, знакомых друг с другом, лучше, наверное, писать им в разное время и на разные темы. Таким образом, каждый из них может получить больше информации. Значит, я напишу ему о региональной встрече писателей-фантастов и любителей фантастики, которая состоится в Лос Анджелесе. Мы уезжаем на следующей неделе, и я думаю, что там будет интересно.

Вся моя семья шлет Вам и Вашей семье самые наилучшие пожелания.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

21 сентября 1967 г.

Оринда, Калифорния, США

Уважаемый профессор Ефремов,

Еще раз прошу прощения за то, что так долго не отвечаю на Ваши письма. Одна из причин в том, что после тяжелого творческого дня я не могу заставить себя сесть за письма. Также многое другое отнимает мое свободное время. Мы имеем большой участок земли вокруг дома (около полуакра, больше одного гектара, хотя он и не весь обработан), и я должен несколько часов в неделю проводить в саду. Затем, я являюсь активным членом нескольких профессиональных и общественных организаций. И, конечно, время уходит на общение с близкими, друзьями и семьей.

Сейчас, помимо других дел, я готовлюсь к участию в некоторых

мероприятиях нашего общества медиевистов. У нас будет еще один турнир в конце месяца. И потом, в конце октября, мы проведем живую шахматную игру. Для этого будут собраны две группы — наши из Сан-Франциско вызвали лос-анджелесцев — на поле, разделенное на квадраты. Каждый человек играет роль шахматной фигуры с заранее оговоренным вооружением (я должен был быть офицером с палашом и щитом). Фигуры будут передвигаться согласно шахматным правилам, направляемые игроком своей стороны. При захвате будет происходить сражение между двумя людьми по правилам турнира. Проигравшая «фигура» захватывается: тем не менее проигравшая сторона получает право сделать следующий ход. Это должно быть интересным, хотя я боюсь, что это будет довольно странная партия.

На следующий год я хочу организовать встречу Ассоциации писателей-фантастов Запада. Кроме банкета, на котором будут награждения и т.д., мы хотим провести конференцию по интересующим нас вопросам.

Но достаточно о моих делах. Я их упомянул в объяснение своего молчания.

Спасибо за книгу об Александре Якобсоне. Очень милые иллюстрации. Русско-английский словарь я еще не получил, но с нетерпением жду его. В связи с этим — о посылке книг Вам. Я с удовольствием сделаю это. Есть пара проблем, которые нужно решить, прежде чем размахиваться слишком широко.

Первое: как Вы упомянули, у Вас уже имеется многое, мне тогда нет смысла посылать Вам вторые экземпляры. Второе: отправка заказной бандеролью. Я бы, конечно, прибег к такому способу ради чего-то по настоящему ценного. Но некоторые посылки будут состоять из дешевых книг, в бумажной обложке. По некой причине — вероятно советское почтовое предписание — я не могу послать более двух книг одной бандеролью. Американская почта требует довольно-таки высокую плату за регистрацию. Если других вариантов нет — я заплачу; но, если деньги можно сэкономить, я лучше потрачу их на большее количество книг для Вас!

Поэтому, я поставил эксперимент и послал Вам простой бандеролью две книги. В одной собрание рассказов Роберта Хайнлайна, другая — сборник Стэнли Вейнбаума, который был одним из лучших ранних американских писателей-фантастов. Если вы получите это через приемлемое время, тогда, я думаю, мы можем рассчитывать в дальнейшем на получение Вами дешевых книг почтой — и я довольно легко смогу посылать вам большее количество бандеролей с двумя книгами в каждой. Если Вы не получите их в течение одного или двух месяцев, мы решим, что они пропали в пути, и я лучше буду регистрировать все. Эти две книги хорошие, но издания дешевые и их довольно легко заменить новыми, поэтому я и выбрал их для эксперимента.

Большая часть нашей научной фантастики доступна в таких недорогих изданиях. Например, есть шеститомник И.И.Смита «Человек — линза»; юмористические и приключенческие рассказы де Кампа; многие романы Хайнлайна, публиковавшиеся в журнале «Astounding» в Золотой Век, и т.д. и т. п. Мне сказали, что большинство книг А. Мерритта недавно были переизданы. Как только я их найду, то сразу куплю для Вас.

Лучший однотомный сборник — это антология «Приключения в

Космосе и Времени», изданный Хили и Маккомасом. Она содержит невероятное количество шедевров Золотого Века, которые упоминал Альва Роджерс. К несчастью, антология Хили и Маккомаса давно стала библиографической редкостью. Но я, наверное, смогу достать экземпляр для Вас.

Мой друг в Нью-Йорке имеет большую коллекцию старых журналов. У него есть бесплатный доступ к фотокопировальной технике и он говорит, что с радостью сделает копии некоторых рассказов, список которых Вам дали. Еще не ясно, получится ли, потому что журналы нельзя ровно положить под панель машины. Но если все выйдет как надо — Вы сможете кое-что получить таким образом. Что касается литературы другого рода, я попытаюсь достать некоторые книги, которые вы хотите. Живя за городом, я не посещаю книжные магазины каждый день, но довольно скоро у меня будет возможность поехать в Беркли где есть довольно широкий выбор.

Не знаю, понравится ли вам наши «готические» романы. Это слово претерпело любопытную эволюцию. Первые готические произведения содержали немного фантастики и гротеска. (Вы знаете работы Айзак Дайнесен? Она была замечательным писателем и ее «Семь готических историй» просто классика). Около 25 лет назад появился роман «Ребекка» Дафны дю Морье: довольно-таки захватывающая история о молодой девушке, которая приходит жить в большой старый дом. Над живущей там семьей довлеет зловещая тайна прошлого. Был поставлен фильм, а несколько лет назад книга была переиздана, будучи правильно названа готическим романом. Он стал необычайно популярен, и было напечатано много имитаций. Они тоже были названы готическими. Так возник стереотип. «Готический роман» в Америке на сегодняшний день всегда содержит невинную молодую женщину, мрачный старый особняк, красивого, но загадочного молодого человека, принадлежащего к зловещей семье — и, короче, когда Вы читаете один из них, Вы читаете все сразу. С удовольствием пришлю Вам одну или две книги, если хотите, но, если честно, читать их будет пустая трата времени.

Во всяком случае, я постараюсь достать то, что вы особенно хотите, и время от времени буду присылать Вам кое-какие книги из тех, что сам найду интересным.

Конечно, доктор Бородаевский может достать несколько книг на распродаже в Канаде, пока он там, и привезти в своем багаже. Мы были очень рады, когда он позвонил нам из Монреаля.

Перед тем, как закончить тему о книгах, я хотел бы спросить, есть ли у Вас книги, которые, по моему мнению, представляют особый интерес: серия «Основание» Айзека Азимова, трехтомник Дж. Р.Р.Толкина «Повелитель колец», «Дюна» Франка Херберта. Исторические романы Л.Спрэга де Кампа (об эллинистической эре) — и, если это еще можно достать, его историю путешествия во времени в Италию 5-6 веков «Если не наступит тьма». Также превосходный исторический роман «Длинные корабли» о викингх Франса Бенгтссона (привожу название по-английски, но писатель — швед, и, вероятно, книга могла быть переведена на русский со шведского). Очень рекомендую перечисленные выше книги.

Это переносит нас снова на предмет истории.

Предложенное вами происхождение названия Россия очень интересно. Оно мне представляется вполне правдоподобным. Однако с уверенностью что-либо утверждать сложно. Это напоминает мне то, что я

узнал много лет назад во время визита в Данию. Названия мест в этой стране несут информацию о времени, когда были основаны города, так что глядя на названия, каждый может сказать, в каком веке основано поселение. Например, окончание «-рюд» (к примеру, Хиллерюд) означает прогалину в лесу, и такие места очень старые, с 1000 г. н.э. или ранее. Окончание «-руп» или «-strup» (в английском «торп») означает деревушку, жители которой часто принадлежали к одной семье; Гандеструп — это поселение Гандов, со средневекового периода. Название типа «Хандерслев» — середины средневековья: окончание «лев» означает «наследство».

(Хандерслев — это наследство Хадинга т.е. то, что Хадинг оставил потомкам). И так далее. Я уже забыл подробности. Интересно то, что некоторые деревни имеют названия, которые не включены ни в какую систему и не несут какого-либо значения. Предполагается, что эти названия идут еще из каменного века! Есть ли что-нибудь похожее в России? (Некоторое время назад, я с интересом прочитал о захоронении охотника палеолита, найденном в хорошей сохранности к северу от Москвы). Интересно, не говорили ли североевропейцы времен неолита на языках, сходных с баскским, — ведь это люди Боевого Топора, как их называют, вторгшиеся 3800 лет назад, когда Северная Европа была неолитической, принесли индоевропейские языки.

(Моя жена однажды опубликовала юмористический фантастический рассказ об исходе мифической войны между кентаврами и людьми. Не указывая источник, она взяла имена, названия и т. д. из языка басков! Вы наверное слышали старую легенду о том, как дьявол хотел вернуться на небеса. Во искупление бог велел ему выучить язык басков. Через семь лет тот выучил только одно слово и то не мог правильно употребить его, поэтому бросил это дело и вернулся в Ад).

Кстати, где по вашему мнению образовались индоевропейские культуры? (Я говорю «культуры», потому что были бесчисленные набеги в разные части мира, за период в тысячу лет; пришельцы не принадлежали к одной расе, но черпали элементы языков, религий, социальный строй и т. д. из какого-то общего источника). Я очень сомневаюсь в кем-то выдвинутой теории о происхождении их с южного побережья Балтийского моря. Вряд ли там могла возникнуть конная колесница, которая была большим индоевропейским военным изобретением. Самое популярное мнение в настоящее время — по крайней мере, в тех источниках, которые я прочитал — относит их к сегодняшней Польше. Но это видится мне также невозможным, потому, что она так далеко от районов типа Анатолии, где впервые зафиксировано историческое поселение индоевропейцев. Для меня юг России все-таки представляется самой вероятной их родиной. Хотя, я всего лишь дилетант.

Хочется также узнать ваше мнение, как палеонтолога, о южно-африканских открытиях очень раннего проточеловека и выводах относительно этого. Мне кажется вполне вероятным, что существа, родственные австралопитекам, могли там возникнуть в виде приматов, которые сначала ели падаль, а затем охотились, и что все человекоподобные — их потомки. Но этому пока нет неоспоримых доказательств. (Конечно, те писатели, которые как Роберт Ардри утверждают, что такое наследие порождает инстинкт убивать, переходят границы доказанного). Недавно антрополог Карлтон Кун взбудоражил всех, выдвинув идею, что разные расы хомо сапиенс — он перечислил

пять: европеоиды, монголоиды, австралоиды, бушмены и негроиды — образовались в разных местах и в разное время; то есть, их общее начало еще до возникновения homo sapiens, а не примитивная форма человека. За это он был назван расистом. Но такое обвинение, естественно, не имеет смысла: если наследственные линии действительно настолько отличаются друг от друга, то нечего говорить о недостатках и превосходстве одного вида человека над другим. (Все эти вопросы очень меня занимают, потому что я обещал написать небольшую популярную статью о новых открытиях в области эволюции человека, и поэтому интенсивно изучаю этот предмет.)

Возвращаясь к письменной, особенно к средневековой истории: я не столь уверен как Вы, что христианство, как таковое, несло цивилизирующее влияние. Ведь этические нормы — доброта, честность и т.д. — возникали сами по себе во многих культурах. Кстати, ранние христиане были не менее жестокими, чем нехристиане. Часто даже более немилосердны, воюя в религиозных войнах. (Язычники могли себе позволить быть терпимыми, но иудейско-христианско-мусульманские традиции требуют всеобщего следования канонам только своего вероисповедания). Мне кажется, что важнее всего была объединяющая функция церкви. (Поэтому, например, хотя англичане и французы ненавидели друг друга веками, они сохранили единое — католицизм; именно через него продолжался обмен идеями между ними). Церковь постепенно становилась все более и более тиранической — это правда. Но в Западной Европе, если этого не было в православных странах, всегда существовало напряжение между церковью и государством, которое предотвращало от полного обладания властью той или иной стороной. Поэтому была некоторая свобода развития личности. И большая часть современной демократии берет начало из протестантской Реформации, которая, как вы знаете, была по сути попыткой очистить искаженную практику римско-католической церкви.

Конечно, Реформация была гораздо более значительным явлением. Лютер был далеко не первым протестантом; просто он первый преуспел в том, где его предшественники, вроде Яна Гуса, потерпели поражение. Из-за внутренних противоречий вместе с требованием досконального следования доктринам — требования, которого во многих религиях нет — христианство порождало снова и снова одинаковые ереси. Например, современная унитарная церковь всего лишь версия древней арианской веры; арианство, как Вы знаете, было попыткой восстановить монотеизм, которому угрожала доктрина Святой Троицы. Подобным образом, мормонская церковь, здесь, в Америке — которая, поистине, словно вышла из научно-фантастического романа! — в сущности, следует гностицизму. Что же касается спора между католиками и православными, то он возник вокруг вопроса о действительной природе Святого Духа, — однако, это Вы знаете, конечно, лучше моего.

Вне всякого сомнения, тут играют роль и вопросы практического свойства. Патриарх Константинополя имел достаточно причин, чтобы не признавать главенство Папы Римского над собой. Таким же образом европейские монархи часто сопротивлялись папскому влиянию; как вы помните, французские короли переводили Пап в Авиньон на некоторое время. Тем не менее, и это имело догматическую подоплеку. Что это за Божья сила, которой обладал Римский епископ? Как следует толковать знамение Христа Св. Петру? Если протестантизм был только

реформаторским движением, то он должен был оживить церковь (как сделали это реформы, приведшие к разделению церквей), а не раздробить ее. Но основная позиция протестантизма не может примириться с католичеством. Например, протестанты утверждали, что хорошие дела не помогут для спасения; вера была более важным и существенным требованием. Это прямо противоречило католицизму. Еще более важным для развития современного миропорядка было логическое следствие этой доктрины. Если нужна была вера, то она должна быть глубоко личной. Тут уже не шла речь о простом механическом чтении молитв и посещении церковных служб. Вместе с изобретением книгопечатания, требования всеобщего чтения Библии способствовало распространения грамотности. И, конечно, когда такое множество людей задумались о религиозных вопросах, стали плодятся ереси; лютеранская церковь раскололась на сотни различных сект; и при отсутствии единой могучей церкви смогло развиваться гражданское светское государство. Причем оно не могло стать тираническим светским государством; ему приходилось считаться со слишком большим количеством различных мнений.

Я, в общем-то, не собирался так долго распространяться об этом предмете. Только хотел сказать, что церковь и ее идеология неразрывно связаны с развитием современного мира — к лучшему или к худшему, но христианская этика вовсе не из ряда вон выходящий кодекс поведения, подобный мог бы развиваться, возможно, и среди поклоняющихся Одину, Перкунасу, Кернунносу, или кто там у Вас был исконно русским Богом-Отцом.

Мы можем позволить себе умозрительным построением фантастической альтернативы о нашем друге Харальде Норвежском, зяте Ярослава Мудрого. В его дни Норвегия входила в епархию Бремена вместе с Данией. Дания была ближе к Бремену, чем Норвегия, и соперничающий с Харальдом Свен Датский был в хороших отношениях с Бременом и Римом. (Кстати, Свен переписывался с Гильдебрандтом, который позже стал великим реформатором Папой Григорием). Поэтому, чтобы предотвратить наводнение норвежской церкви враждебными ему священниками, Харальд возложил на себя право назначать священников в своем королевстве — очень важное право, как Вы понимаете. Папа направлял посыльных с протестами. Харальд отвечал: «Другого архиепископа в Норвегии, кроме меня, я не знаю».

На этом, кажется, дело и закончилось, наверное потому, что Харальд вскоре был убит во время попытки захватить Англию, и его сын, будучи в мире с Данией, не имел причин ссориться с Римом. Но давайте предположим, что Харальд победил сначала англичан, затем норманнов. Он бы стал одним из самых могущественных королей в Европе. Если бы он остался на позициях назначения священников, препирательства дошли бы до того, что Папа мог бы отлучить его от церкви, или наложил бы отлучение на всю его империю. Но он бы не уступил, как это сделал английский король Иоанн в 13 веке, Харальду было куда податься. В конце концов, жена его была русской; у него было много связей при царском дворе, он, должно быть, посещал православные службы во время странствий — раскол между церквями был достаточно недавним. Короче, он вполне бы мог обратить Норвегию и Англию в православную веру! Получилось бы это или нет, в конце концов, я не знаю. Как не знаю и того, могли бы другие страны, такие как Дания и Швеция быть вовлеченными в ту же сферу, и других следствии этой перемены — но будет весьма

заманчиво поразмышлять об этом.

Я просто писал, что приходило на ум, сев за пишущую машинку. Вам, верно, это ужасно надоело, и в любом случае пора ужинать, поэтому я заканчиваю. Однако, я бы хотел еще сказать, что мне очень понравился ваш рассказ перепечатанный в журнале «F&SF». Если Вы еще не видели номер с этой публикацией, я с радостью его Вам пришлю. (Кстати, если Вы хотите иметь подписку на некоторые наши журналы, я пришлю по возможности). Надеюсь, что Вы мне напишете, когда дела вам позволят выкроить время. Пожалуйста, без колебаний, говорите мне, что Вас интересует по части книжек и т. д. из США. Вы были столь великодушны, что я очень рад сделать что-нибудь для Вас. А пока наши лучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш,

Пол Андерсон.

* * *

31 октября 1967 г.

Оринда, Калифорния, США.

Дорогой профессор Ефремов,

Извините, пожалуйста, что я так долго не отвечал Вам. У меня здесь было очень много дел. Но, безусловно, я должен искренне поблагодарить Вас за большой русский словарь, чрезвычайно красивый томик «Руслана и Людмилы» (кстати, одноименная опера здесь очень популярна) и интересные фотографии из Кижей. Вся наша семья очень рада этим подаркам.

На самом деле я написал Вам примерно месяц назад, может, немного раньше. Но отчасти в виде эксперимента отправил письмо не как заказное, а как обычное, так что, возможно, Вы его и не получили. То же самое относится к посланным мною двум сборникам научно-фантастических рассказов, один из которых принадлежит раннему американскому мастеру научной фантастики Стенли Вейнбауму, а второй — Роберту Хайнлайну. Поскольку заказные бандероли в Америке стоят дорого, а упомянутые книги были весьма дешевыми изданиями, то я решил проверить, дойдут ли они обычной почтой.

Если Вы их не получите в разумные сроки, пожалуйста, сообщите мне, и я вышлю Вам другие экземпляры, на этот раз заказной бандеролью. Тем временем я посылаю Вам — заказными — две книги. (По какой-то причине одна посылка в Вашу страну может содержать не более двух книг. Ограничение это введено скорее советской, чем американской стороной, поскольку в отношении других стран, насколько я знаю, подобного запрета нет). Одна из книг — «Миры научной фантастики» — интересна тем, что все рассказы в ней были отобраны самими писателями. Другая — «Лицо в бездне» А.Мерритта. Вам будет приятно узнать то, что я обнаружил: многие из его вещей недавно переиздавались, так что я смогу послать их Вам.

Вообще-то, в этот раз я намеревался послать также «Лунный пруд», но неожиданно вспомнил, что один из злодеев там — русский, карикатурно изображенный коммунист. Если это не кажется Вам обидным и не смущает, то я вышлю книгу; во всем остальном она очень неплоха. Остальные работы Мерритта вовсе не являются спорными, и я достану их для Вас, как только представится случай.

Но так как вполне может оказаться, что доктор Бородаевский привезет с Экспо-67 много книг, будет лучше, если я подожду, чтобы не дублировать экземпляры.

«Острова рыбацки» Фоско Марайни в приличном магазине, куда я обычно хожу, не оказалось (Оринда — не город, а отдаленный пригород Сан-Франциско, и около дома нет вообще никаких магазинов), но она значится в списках. Я заказал ее для Вас и вышлю, как только ее доставят. Знаете ли Вы очаровательную книгу «Встреча с Японией» того же автора? Но для тех, кто интересуется японской историей и этнографией, даже лучше, по моему мнению, книга «Японский трактир» Оливера Стэтлера. Это описание старинного трактира, стоящего на знаменитой дороге Токайдо. Если Вы хотите получить что-нибудь из этих книг, я буду рад достать их для Вас. Тем временем я буду искать остальные книги из Вашего списка.

Возвращаясь к научной фантастике, хочу заметить, что журналы, относящиеся к периоду «Золотого века», являются букинистической редкостью и чрезвычайно дороги. Однако лучшие рассказы того времени включены в антологии. Я изо всех сил пытаюсь достать для Вас сборник Хили и Маккомаса «Приключения во времени и пространстве», в которую включено большинство лучших рассказов. К сожалению, эта книга не переиздается, и ее нелегко достать, но, я думаю, при достаточной настойчивости, я смогу одну отыскать. По моей просьбе, несколько моих друзей из других городов тоже ищут ее. Как я писал в своем прошлом письме, которое могло не дойти до Вас, кое-кто пообещал мне также попробовать сделать фотокопию некоторых из рассказов, но он не уверен, что это возможно, поскольку журналы трудно разогнуть нельзя.

Что касается личной жизни, то у меня все в порядке, однако я очень занят. Я закончил один роман и, согласно контракту, должен к концу года завершить другой. (Все не так плохо, как кажется, поскольку второй роман, на самом деле, всего лишь более длинная версия уже опубликованного рассказа). До весны я также должен закончить более короткую книгу для детей, простой рассказ, основанный на фактах, о том, что может ожидать человека в космосе. В этой связи, Вашу страну надо, несомненно, поздравить с недавними достижениями, связанными с посадкой на Венеру, и автоматической стыковкой на орбите.

Вся эта работа была временно отложена, поскольку в начале месяца примерно неделю у нас гостил Франсуа Борде. Прежде всего он, конечно же, известный французский специалист по первобытной истории, который иногда пишет научно-фантастические рассказы под псевдонимом Ф.Карсак, и кроме того, просто наш старый друг. Он был у своего коллеги в штате Айдахо, который воссоздает еще один метод работы с кремнем (Это поистине забавное зрелище — видеть современного человека, изготавливающего наконечник копья из куска кремня при помощи рога северного оленя!). До возвращения домой ему нужно было заехать в Лос-Анджелес, чтобы проверить, действительно ли несколько предположительно очень древних предметов, найденных там, являются природными или сделанными человеком. (Он чувствовал уверенность в том, что они природные, но если б они действительно оказались искусственными, то это означало бы, что в Америке человек появился очень давно). Так что он, естественно, задержался на некоторое время в районе Сан-Франциско.

Совершенно случайно в это время у нас проходила Ярмарка

Удовольствий эпохи Возрождения Это было что-то вроде воссозданного средневекового базара, на котором местные переодетые художники торговали своими произведениями, и одновременно устраивались танцы, игры и другие развлечения, разыгрывались старинные пьесы. Все это делалось ради финансовой выгоды местной учебной радиостанции. (Как Вы знаете, в этой стране нет государственных радиостанций, кроме, пожалуй, некоторых университетских. Так что станциям, не имеющим коммерческих спонсоров, приходится рассчитывать на пожертвования и любые другие источники средств, какие они в состоянии найти). В целом, все это было довольно забавно.

В один из дней мы, испытанные бойцы рыцарских турниров, приняли участие в живой шахматной игре. Вы читали старые повести Эдгара Райса Бэрроуза о Джоне Картере на Марсе. Если да, то Вы, вероятно, помните, что в одной из повестей играют во что-то вроде шахмат на разбитом на клетки поле, а в роли фигур выступают живые вооруженные люди. Мы сделали примерно то же самое. Каждый из игроков имел свое характерное оружие: пешки — короткий колющий меч и маленький круглый щит, ладьи — боевые топоры (на этот раз я был ладьей), кони — меч и щит, слоны — жезлы, ферзи, которых мы называли в тот день военными вождями, — любое выбранное ими оружие. Конечно, как всегда, это были безопасные имитации настоящего оружия, хотя ими можно было поставить синяк, если сильный удар достигал цели. Кроме фигур, там были и игроки — хозяева шахмат, — которые говорили своим людям, как они должны делать ходы (все согласно обычным правилам). Однако захват фигур происходил в результате поединка между ними: побежденная фигура считалась съеденной. Затем сторона, потерявшая фигуру, получала право следующего хода. Я забыл добавить, что короли не имели оружия, убивая божественной силой.

Это была славная идея. К сожалению, для зрелищности не хватало скорости: все происходило слишком медленно. Надеюсь мы найдем какой-нибудь способ исправить этот недостаток, поскольку было бы интересно проводить такой шахматный турнир ежегодно.

Кстати, еще о старине: сейчас Хэллоуин. Я не знаю, слышали ли Вы о нем: хотя этот праздник отмечается по Римскому католическому календарю, лишь немногие западные страны обращают на него внимание вне Англии, а в США и Канаду этот праздник пришел из Англии. Так или иначе, первое ноября — праздник Всех святых, то есть день, посвященный сразу всем святым духам. День и ночь перед праздником называются Кануном дня всех святых, или Хэллоуином. В средние века было распространено поверье, что в эту ночь всем злым духам разрешено свободно разгуливать по земле — традиция, безусловно, напоминающая германскую Вальпургиеву ночь. Когда это верование умерло, родился обычай, по которому на Хэллоуин детям разрешено проказничать. Я помню, как еще будучи мальчиком, примерно за месяц до праздника, я собирал определенный сорт маленьких диких дынь. На Хэллоуин мы выходили на улицу и кидались в неосторожных прохожих гнилыми дынями. Писать на окнах мылом, опрокидывать мусорные баки, — было обычными нашими шалостями. Все это делалось без какого-либо злого умысла. Тем не менее людей это раздражало, и потому теперь такие проделки больше не допускаются.

Вместо этого сегодня маленькие дети наряжаются ведьмами, колдунами, привидениями или кем-нибудь еще — как подсказывает им

воображение, и ходят по домам, звоня в двери и говоря «trick or treat»¹¹⁵. По идее, это должно означать, что если им не дадут конфету или другое угощение, они подшутят над вами. Но я уверен, что никто из них не знает, как это сделать! По сути говоря, эта традиция настолько осовременилась, что они даже не просят угощения, а собирают небольшие суммы денег для детского фонда Объединенных Наций.

Так или иначе, мы уже приготовили несколько конфет и монеток и сделали тыквенный фонарь — выдолбленную тыкву с горящей свечей внутри, — и приготовились к приему гостей. Тем временем, пора за работу. Так что я заканчиваю свое письмо с наилучшими пожеланиями Вашей семье от нашей.

Сердечно Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

31 января 1968 г.

Оринда, Калифорния, США

Уважаемый профессор Ефремов,

Еще раз позвольте попросить у Вас прощения за то, что подолгу не отвечаю на ваши многочисленные письма. Причина этому самая обыкновенная: столько много всего нужно было сделать, что просто не оставалось времени на переписку. И боюсь, что это письмо будет коротким, как потому, что на очень многие еще нужно ответить, так и потому, что очень мало интересного произошло здесь.

Во-первых, я Вам премного благодарен за красивые книги по китайской архитектуре и по советским космическим исследованиям, а также за томик Пушкина и фотографии Кижей, которые Вы прислали ранее. Мы от них в восторге и наши друзья, которым мы их показываем, также полны восхищения.

Я даже не представлял, что Леонов не только космонавт, но и художник! Его работа не просто удивительна, так как написана с натуры, но также очень хороша сама по себе. Интересно заметить, между прочим, в Вашей книге приводятся более смелые предположения о межзвездных полетах и возможных открытиях в дальних уголках Вселенной, чем в любом серьезном западном издании такого рода, что я видел.

В знак благодарности я посылаю Вам некоторые книги, мною подобранные, в двух коробках. Одна из них — по доисторическому искусству, и, возможно, будет Вам интересна, остальные — научная фантастика, в том числе и мерритовские, что я смог найти. До сих пор мне не очень везло в моих попытках достать для Вас издания Золотого Века, не считая репринта «Вселенной» и «Здравого Смысла» из хайнлайновской классической серии. Мой план фотокопирования журналов также не увенчался успехом. Сейчас я пытаюсь достать антологию «Путешествия во времени и в пространстве», которая включает в себя основные рассказы Золотого Века. Но она больше не переиздается и поэтому ее трудно найти.

Однако, я надеюсь, что Вам понравится содержание этой посылки. Я вложил пару моих собственных романов и, наверное, мне нужно

извиниться перед Вами за довольно жесткого наполовину русского героя во «Вражеских Звездах».

Он был задуман как пришелец с дальней, обратной нашей планеты, где, как выяснилось, существовал какой-то сохранившийся царистский режим и где он провел много лет своей жизни, сражаясь с деспотическим правительством землян, что оставило ему мало времени для образования. В настоящий момент я работаю над другим романом, в котором также идет речь о международном экипаже на космическом корабле, и русский там совсем другой человек!

Так случилось, что работа, которая отнимала все мое время от написания писем и которую я только что закончил, — это документальная книга для мальчиков о космических полетах, в которой рассказывается как об их истории по настоящий день, так и о возможном будущем. Несмотря на то, что в книге акцент сделан, естественно, на достижениях американцев, я постарался отдать должное Советскому Союзу. Вероятно эта книга будет опубликована через год, и я буду рад прислать Вам экземпляр, если Вы хотите.

Кроме этого, я после длительного времени завершил свой, как я думаю, единственный существующий на английском языке перевод «Гурренсанга» И.Р. Якобсена. Вы знакомы с этим стихотворным циклом датской поэзии 19 века? Арнольд Шонберг использовал немецкую версию в качестве либретто для своего «Гуррелидера», красивой и к удивлению забытой музыки, так что, возможно, Вы слышали об этом, или может быть существует непосредственно русский перевод. В нем говорится о средневековом датском короле Вальдемаре (вероятно, Вальдемаре IV), который проклял Бога, когда его любимая умерла, и который был обречен после своей смерти бродить как привидение каждую ночь до дня Страшного Суда. Если Вам это интересно, то я могу Вам прислать свою версию этого перевода. Это был, главным образом, любительский труд (я его сделал, главным образом, из-за любви к поэзии); если даже удастся найти издателя, то гонорар будет чисто формальным. Поэзия не настолько популярна в нашей стране, как должна была бы быть.

Но все-таки работа не была такой уж непрерывной. Мы замечательно провели Рождественские праздники. Школы закрываются примерно на две недели в это время года, поэтому сразу же после Рождества вся наша семья смогла поехать в Лос-Анджелес. Главным образом, мы ездили туда, чтобы повидаться с друзьями, но нам также удалось — после стольких лет! — посетить музей, где выставлены ископаемые из смоляных шахт Ла Брей. Они, несомненно, впечатляют.

После возвращения домой мы ходили на интересный вечер, организованный той же группой, что проводит турниры. Как вы знаете, существовал обычай в Средние Века устраивать рыцарские турниры в Двенадцатую ночь (Епифанскую), и именно это мы и устроили. Все были одеты в костюмы Средневековья или Возрождения; вечер проходил в зале в стиле Тюдоров с двумя большими каминами, где жарились два упитанных поросенка; было много вина, как глинтвейна, так и простого. Вначале была свадьба: одна молодая пара решила обвенчаться в такой обстановке, и это была очень романтическая церемония. После была коронация и посвящение в рыцари тех, кто был лучшим в турнирах. (Если Вы простите мне мое хвастовство, я горжусь тем, что также был посвящен; все остальные, участвовавшие в турнирах, были значительно моложе.) Потом король уступил место традиционному Лорду Беспорядка,

который должен был дать команду веселиться, что он и сделал. Например, он приказал новоиспеченным рыцарям играть в «музыкальные стулья». Всегда оставалось на один стул меньше, когда прекращалась музыка, и тот, кому не доставалось стула, выбывал из игры, пока, наконец, не остался только один стул. Небольшой оркестр играл на старинных инструментах и были танцы, такие как павана, бранл — танец с факелами и галльярда. В общем, это было красочное представление, которое бы Вам понравилось. К сожалению, наш фотоаппарат был в неисправности, поэтому фотографии, вероятно, не получатся.

Также я был занят приготовлениями к сегодняшнему приему Ассоциации писателей-фантастов США. Это новая, но очень деятельная и полезная организация. Среди всего прочего, там присуждают награды за лучшие рассказы года, которые определяются путем голосования самих членов общества. Это происходит на приеме в марте, который происходит одновременно на западном и восточном побережьях. В этом году данное мероприятие на западном побережье будет проходить в Беркли и меня выбрали им руководить.

Но в остальном это была тихая, трудовая жизнь, которая будет проходить в таком же темпе до лета. Тогда, если все будет хорошо, возможно, мы сможем провести какое-то время в горах.

Это все, что заслуживает моего рассказа, и к тому же уже поздно, поэтому я закончу. Мы надеемся, что у Вас, Вашей семьи и Бородаевских все хорошо и вы счастливы, и что все будет идти в том же духе в наступающем году.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

2 июля 1968 г.

Оринда, Калифорния, США

Уважаемый профессор Ефремов,

Прошу извинить, что не ответил на Ваше письмо раньше. На переписку было совсем мало времени. В любом случае, мне следовало поблагодарить Вас за книги, присланные мне раньше. Обе сказки чудесны, а иллюстрации к ним просто восхитили наших друзей из «средневекового» общества, ну а детские стишки просто очаровательны. Впечатляют также изображения Луны и планет, выполненные чехословацким художником. Они очень хороши. Совсем недавно мы получили альбом Рериха. Его картины повергли нас в большое изумление, так как ранее мы о нем ничего не слышали. Довольно странным является тот факт, что такой замечательный художник неизвестен широкой публике.

За все — большое спасибо. Я постараюсь достать для Вас побольше книг, чтобы хоть немного отдариться. Вас особенно интересуют книги о других странах, не так ли? Возможно, сейчас Вы уже получили антологию фантастики, которую я выслал. Она включает лучшие рассказы «Золотого века». Я достал бы для Вас экземпляр раньше, но ошибочно счел, что ее больше не издадут.

Еще одна моя ошибка — предположение, что правилами разрешается пересылать в Вашу страну бандеролью не более двух книг. Прочитав же правила повнимательнее, я понял, что нельзя только пересылать больше

двух экземпляров одной и той же книги, ограничения же в количестве нет. Это сокращает время, хлопоты и затраты, к тому же позволит мне отправлять больше книг, чем прежде.

Хотели бы Вы иметь экземпляр «Опасных видений»? Это большой сборник фантастических рассказов, написанных без всевозможных табу, которые обычно навязывает большинство издателей журналов. Авторы были вольны писать о том, что выбрали, сколь бы спорным ни был их материал. Разумеется, не все рассказы хороши, но некоторые из них — просто блестящие. Хотя, конечно, Вам вполне может прийти не по вкусу чтение экспериментов на иностранном языке!

Кстати, об экспериментах: недавно мы посмотрели научно-фантастический фильм «2001: Космическая одиссея». Надеюсь, что его покажут в Москве — должны показать, так как в нем нет ничего обидного ни для кого, и Вы сможете увидеть действительно необыкновенные спецэффекты. Действие начинается в далеком прошлом в небольшой группе пралюдей, затем переносится на Луну в XXI век, а оттуда на Юпитер, и заканчивается чисто символическим эпизодом в духе кинематографического сюрреализма.

Возвращаясь к более личному, хочу сказать, что очень сожалею о Вашем нездоровье. Надеюсь, Вам уже лучше. К тому же, приятно было узнать, что Вы закончили новую книгу. Поздравляю!

В этом году у меня было довольно много работы. Но все же мне удалось немного развлечься. В апреле, когда школы закрыты на пасхальные каникулы, мы всей семьей ездили в Долину Смерти. Возможно, Вы слышали что-нибудь об этих местах: это самая низменная часть территории Соединенных Штатов в Южной Калифорнии, которая местами опускается ниже уровня моря. Она представляет собой сплошную пустыню, а название ей дали пионеры-первооткрыватели, чуть не погибшие здесь. Но вообще-то, если принять меры предосторожности, то путешествие по ней может показаться довольно заманчивым и привлекательным. Здесь есть и огромные песчаные дюны, и крутые утесы, каньоны, ярких цветов скалы. Воздух настолько чист, что по вечерам небо сплошь усыпано звездами. Весной, когда зацветают полевые цветы (крошечные, но ярко выделяющиеся среди полыни), дни стоят не слишком жаркие. Ночи прохладные, но не холодные: мы обходились спальными мешками. После посещения Долины Смерти мы на несколько дней отправились в высокогорье Сьерры Невады, бродили по нестаявшему еще там снегу и восхищались гигантскими секвойями. А одно дерево каждый раз, когда я его вижу (так называемое Дерево генерала Гранта), повергает меня в размышления о мифическом древе жизни Йггдрасиле.

Вернувшись, я принял участие еще в одном турнире, в котором сломал ребро, когда удар пришелся мимо моего щита. Травма не была серьезной, и все уже почти зажило. Но тем не менее на какое-то время я вышел из строя. В результате навалилось много работы. В прошлом месяце мне удалось на неделю вырваться походить под парусом вдоль южного побережья, на что в действительности у меня не было права. И в качестве наказания пришлось снова работать по 15 часов в сутки! Теперь дела уже более или менее вошли в свое русло, и на этой неделе я могу отвезти семью в Лос-Анджелес на съезд любителей научной фантастики. Это сравнительно малое, неофициальное мероприятие, а международная «всемирная конвенция» состоится в сентябре в Беркли.

Из — за занятости нет возможности продолжать работу над

историческим романом. При задуманном объеме требуются месяцы работы только над ним и, естественно, деньги на жизнь в течение этих месяцев. По этой причине я должен заниматься другими вещами, пока не придет время. Одна из текущих работ, возможно, Вас очень удивит, если она вообще выйдет в свет. Это, скорее, фэнтези, чем фантастика, основанная на предположении, что магия действительна (причиной недоказанности этого является магнетическое воздействие железа, электричества и т. п., препятствующее проявлению сверхъестественных сил. Некий ученый обнаруживает это и находит способ экранировки электромагнитных полей). Но, конечно, современный человек из насыщенного техникой мира начинает использовать магию просто как еще одну разновидность техники. Например, вместо автомобиля и самолета для передвижения он использует метлу или ковер-самолет, вместо телевизора глядит в хрустальный шар. Главный герой — добродушный оборотень, а героиня — ведьма с лицензией. Вся же соль состоит в том, что героям нужна помощь эксперта по неевклидовой геометрии, более сильного, чем живущие в настоящее время. Им удастся получить такую помощь от духа Николая Ивановича Лобачевского. (Прочитав его биографию, я пришел к выводу, что он очень значительная личность). Безусловно, рассказ написан лишь для развлечения, не всерьез).

К сожалению, вынужден заканчивать письмо. С наилучшими пожеланиями от моей семьи Вашей и Бородаевским.

Всем сердцем Ваш,

Пол Андерсон.

* * *

25 сентября 1968 г.

Оринда, Калифорния, США

Уважаемый проф. Ефремов,

Огромное Вам спасибо за прекрасные репродукции картин Рериха и Александры Якобсон, а также мастеров Палеха. Все мы, и наши друзья, которым мы их показывали, восхищены ими.

Я извиняюсь, что не написал Вам раньше, но причины, как увидите, прежняя — я просто-напросто был слишком занят. На самом деле я отказываюсь от своей доли большой барки, которую я однажды помогал строить, так как у нас больше нет времени использовать ее.

Самое приятное, что со мной произошло за последнее время, это звонок Вашего друга доктора Кейлис-Борока, который случайно оказался в наших краях на несколько дней проездом. Нам было приятно показать ему Сан-Франциско и пригласить его отужинать у нас. Несколькими днями позже мы свозили его на местное соревнования, что, я думаю, его позабавило. Он очень приятный человек, и у нас нашлось много общих тем для беседы.

Однако мы были очень опечалены, когда узнали от него, как Вы были больны, и очень надеемся, что Вы поправляетесь. Здесь, как я уже говорил, мы ведем очень активный образ жизни. В июле мы ездили в Лос-Анджелес на местный съезд писателей-фантастов, на котором было очень забавно. В начале августа мы с дочерью ездили в горы Сьерра-Невада. (Дочке 14 лет, но она выглядит и ведет себя старше своих лет.) Мы оставили машину в конце дороги в Секвойя-парк, надели рюкзаки и

двинулись дальше пешком. Мы находились в глуши около 10 дней, преодолевая горные перевалы на высоте 3700 метров, что не всегда было легко. Например, однажды нам пришлось пройти через тягун в несколько километров длиной. Но с гордостью могу сказать, что дочь ни разу не пожаловалась. Конечно, по дороге встречались очень красивые места, где мы просто наслаждались природой.

Едва мы вернулись домой, как у нас начали собираться друзья из разных частей страны. Они намеривались посетить съезд писателей-фантастов в Беркли, но сначала хотели осмотреть Сан-Франциско и его окрестности. Поэтому мы стали на время экскурсоводами. У нас также остановились шестеро или семеро молодых людей приблизительно на неделю; многим из них пришлось спать на лужайке в спальных мешках, но все остались довольны.

Затем открылся съезд. Это был всемирный съезд писателей-фантастов, с большим количеством участников, который по традиции проходит в течение нескольких дней в конце августа или в начале сентября. Как Вы, несомненно, знаете, на него собираются люди, интересующиеся фантастикой: читатели, писатели, редакторы, художники, издатели и многие другие. Существует официальная часть, на которой обсуждаются проблемы и дальнейшие перспективы. Но самой лучшей частью всегда является встреча старых друзей и знакомство с новыми. Этот съезд для меня завершился ночью последнего дня, когда мы с Гордоном Диксоном просидели в коридоре и пропели почти до рассвета. Такие мероприятия постепенно действительно приобретают все более международный характер. Некоторые из них были проведены в Канаде и в Англии; еще один съезд ожидается в Германии через несколько лет. На этом съезде в Беркли присутствовали представители таких далеких государств, как Япония и Уругвай, помимо участников различных европейских стран. Надеялись, что, возможно, один или два человека смогут приехать из Советского Союза, но наши надежды, к сожалению, не сбылись.

После съезда кое-кто задержался еще на неделю. Для нас это означало снова показ достопримечательностей, снова вечеринки, снова просиживать все ночи за разговорами. Конечно, нам это нравилось, но, должен признаться, что возвращение к нормальному ритму жизни стало облегчением!

Помимо этого, постоянно масса дел в связи с заседаниями литературных обществ, подготовкой к большой писательской конференции, повседневной работой для Ассоциации писателей-фантастов Америки и Ассоциации писателей Америки жанра мистери (обе организации ставят своей задачей улучшение положения писателей), плюс к этому, все время возникают требующие участия вопросы в жизни нашего района, увлекательная деятельность общества специалистов по истории средних веков и многие другие. К тому же, что может подтвердить Вам Кейлис-Борок, у нас достаточно большой сад, который требует много внимания (лужайки, фруктовые деревья, розы, лилии и прочее: растения большей частью нетипичны для условий Калифорнии и без постоянного ухода вскоре погибнут).

К тому же я нахожусь под давлением контракта, по которому я должен закончить роман до конца этого года, а редакторы постоянно поторапливают, поэтому в последующие несколько месяцев мне придется провести немало времени за этим письменным столом.

Сожалею, что фильму «Андромеда» не особенно повезло. Возможно, другому Вашему произведению на экране больше повезет?

Посылаю Вам книгу «Опасные видения» («Dangerous Visions»), надеюсь, что она дойдет благополучно и понравится Вам. Некоторые из рассказов весьма любопытны, особенно я бы отметил «Верхом на пурпурной волне» («Riders of the Purple Wage») Филиппа Хозе Фармера, хотя он использует так много стилистических приемов, основанных на игре слов, что рассказ может оказаться довольно сложным для понимания. Как только представится возможность, я попытаюсь достать заинтересовавшие Вас книги издательства «Бэллантайн» и пришлю их. Получив столько замечательных репродукций и иллюстрированных книг от Вас, мы бы хотели найти что-нибудь особенное и отправить в ответ. Боюсь, что в настоящее время в Америке не так уж много по-настоящему хороших иллюстраций, за исключением некоторых книг для детей. Хотя существует множество различных фотоальбомов, особенно с видами природы.

Теперь пора идти отправлять это письмо (и много других; на моем письменном столе скопилась огромная пачка неотвеченных писем) и заняться домашними делами. Наши наилучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

16 февраля 1969 г.

Оринда, Калифорния, США.

Дорогой профессор Ефремов!

Прошу прощения за то, что долго не отвечал. Как Вы скоро поймете, я был слишком занят, чтобы писать. Благодарю Вас за поздравления с тем, что «Аполлон» облетел вокруг Луны. Мы смотрели трансляцию полета по телевидению, и когда корабль огибал невидимую сторону Луны, мы как раз наряжали елку. В свою очередь, мне хотелось бы отметить храбрость ваших космонавтов, которые провели стыковку корабля, и мы были очень рады, что они не пострадали, когда какой-то сумасшедший открыл стрельбу во время церемонии встречи.

По всей видимости, СССР собирается построить по меньшей мере одну большую станцию на околоземной орбите. Это вполне естественное решение перед отправкой экспедиций на планеты Солнечной системы. К сожалению, в США не предвидится таких глобальных планов после завершения программы посадки на Луну. И если первыми людьми на Луне, похоже, будут американцы, то на Марс, вполне вероятно, первыми высадятся русские.

Возвращаясь к делам житейским. Мы очень расстроились, узнав, что Вы никак не поправитесь, и надеемся, что Вам все же стало лучше. Может, в состоянии помочь современная хирургия? Как Володя Кейлис-Борок написал Вам, мы имели удовольствие принимать его у себя до того, как он уехал в Массачусетс. Нам было очень жаль, что он не смог остаться дольше, но буквально этим же вечером он любезно пригласил нас на балет Чайковского «Щелкунчик» в Сан-Франциско. Так сложилось, что это стало местной рождественской традицией.

Сами мы отметили праздники довольно скромно. В день Нового года

мы отправились с друзьями на берег океана, чтобы собирать там на пляже устриц. (Погода была прекрасная, как прохладный весенний день в северных широтах. С тех пор у нас было несколько сильных ливней.) Мы приготовили устриц на «Пирушку Двенадцатой ночи», праздник, который в Средневековье отмечали каждый год накануне или во время праздника Епифании¹¹⁶.

В январе я уезжал на несколько дней. Как Вы знаете, у Калифорнийского университета есть несколько кампусов в разных частях штата. В том, что в Сан-Диего (к югу от Лос-Анджелеса) есть специальная так называемая «программа для приглашенных лекторов». Человек, приглашенный в кампус, проводит там несколько дней, ему оплачивают все расходы, и, кроме того, он получает гонорар. В свою очередь, он читает одну лекцию, и предполагается, что студенты смогут поговорить с ним в неформальной обстановке. Предметом моей лекции, конечно, была научная фантастика и, разумеется, я упомянул Ваше имя. Время было напряженным, но очень интересным. Люди оказались очень образованными. Также мне представилась возможность поиграть в трехмерную игру с компьютером. Он выиграл, как это, впрочем, всегда и бывает. Кроме этого, мне удалось посмотреть снимки лунной поверхности, снятые с борта самим Гарольдом Юреем.

Они любезно оплатили пребывание моей жены. Завершив свои обязанности в колледже, мы навестили старых друзей в Сан-Диего. Наверное, я рассказывал Вам о них. Мужа зовут Д.С.Эдмондсон, он опубликовал несколько отличных научно-фантастических рассказов. Его жена — гражданка Америки чисто мексиканского происхождения, поэтому некоторые ее родственники говорят не по-испански, а на наречии нахуатль. Они пригласили еще нескольких своих друзей, чтобы познакомить их с нами, и в ту ночь мы спали в большом раздвижном фургоне, который они используют для путешествий и называют «El Colosse del Norte» — «Северный колосс».

На следующий день они повезли нас на прогулку в мексиканский город Тихуана (грязную ловушку для туристов) и затем — через живописную сельскую местность в пограничный город Текате (маленький и уютный). К сожалению, моя жена не очень хорошо себя чувствовала, наверное от усталости и слишком бурного веселья накануне. Увидев ее, американские пограничники подумали, что она находится под влиянием наркотиков и что мы вполне могли попытаться ввезти марихуану обратно в США. Они стали обыскивать машину, но скоро сдались, так как увидели, что мы совершенно их не боимся и только зеваем от скуки.

На самом деле, я сочувствую американским пограничникам. В последнее время незаконный провоз наркотиков стал слишком серьезной проблемой.

С тех пор я практически не встаю из-за письменного стола. Я

¹¹⁶ Епифания (от епифи — названия одиннадцатого месяца Египетского и Египетско-Александрийского, соответствующего нашему июню), или Троица (Пятидесятница), один из двенадцатых (апостольских) праздников христианской церкви, отмечаемый на 50-й день от Пасхи (конец марта — начало апреля), т. е., примерно, в конце мая — начале июня; согласно Свящ Писанию, празднуется в воспоминание события сошествия Св Духа на апостолов. В цикле артуровских легенд этот праздник занимает одно из центральных мест. Так, чудеса (главным образом, связанные с видением Св. Грааля), происходящие в это время при дворе короля Артура, как правило, дают начало новым приключениям рыцарей Круглого стола

заклучил контракт, который обязывает меня написать шесть книг в течение последующих трех лет. Гонорар очень хороший, но первую книгу я должен сдать к 1 апреля. Вторую, которая будет состоять как из старого материала, так и из нового — двумя месяцами позже. Кроме того, я редактирую сборник призеров «Небьюлы» (приз за литературное мастерство, присуждаемый путем голосования членов Ассоциации американских писателей-фантастов), а также выполняю массу других дел. Вот почему я так долго не писал.

Конечно, мы не только работали. Вчера, к примеру, мы смотрели британско-итальянский фильм Зефирелли «Ромео и Джульетта». Это было потрясающе: моя мать, которая много раз видела эту пьесу на сцене, сказала, что с этой постановкой ничто не может сравниться. Помимо того, «Ромео и Джульетту» играли совсем молодые актеры, необыкновенно одаренные. Я очень надеюсь, что Вы сможете увидеть этот фильм в Москве.

Кстати, о кино. Мои поздравления в связи с призом, полученным «Андромедой». Мне бы очень хотелось посмотреть этот фильм. И это вполне возможно. Сейчас к нам поступает довольно много советских картин. Не так давно я смотрел «Александра Невского» в четвертый или пятый раз, хотя знал, что этот фильм старый.

Рад, что Вам понравился мой «Звездный туман». Когда опубликуют мою последнюю повесть «Тау Зеро» — наверное, это будет через год — я отправлю Вам экземпляр. Она посвящена экспедиции на космическом корабле и основана на изменении времени по теории Эйнштейна, которую Вы используете в своей фантастике. Экипаж корабля международный, и мне будет интересно узнать Ваше мнение об образе русского инженера.

Извините, но пока еще не удалось достать те книги, которые Вы просили. Список у меня на руках, и я обязательно постараюсь добыть как можно больше. Я отложил это дело, отчасти, под давлением работы, а также из-за чересчур затянувшейся забастовки рабочих, сделавшей невозможным отправку посылок обычной почтой; что касается авиапочты, то она так дорога, что и подступиться нельзя. Стачка уже сейчас закончилась, и я надеюсь на днях выслать Вам несколько бандеролей.

В ответ на Ваш вопрос, о котором Вы, вероятно, забыли, могу сказать, что в нашем саду нет ничего особенно экзотического, но гинкго довольно-таки широко распространились по США, а в ботанических садах встречается араукария и другие экзотические деревья. А эвкалипты уже почти завоевали всю Калифорнию.

Вы читали об экологическом бедствии, постигшем Санта-Барбару этим месяцем? Нефть на шельфе прорвалась. Перед тем, как удалось ее остановить, нефть разлилась на сотни квадратных миль по поверхности воды и на десятки — вдоль пляжа. Никто не знает, сколько тысяч животных погибло, не говоря уже о самых мелких организмах и морской растительности, также вряд ли кто-нибудь имеет представление о том, сколько времени потребуется для восстановления всей экосистемы. Я провел много времени в этом замечательном по красоте месте, купаясь и плавая, так что я рассержен даже больше, чем большинство борцов за охрану природы. Сейчас установили временный запрет на бурение прибрежных нефтяных скважин, и я надеюсь, что он станет постоянным.

Чем больше я углубляюсь в предмет, тем сильнее сомневаюсь в том,

что предсказываемый научными фантастами кошмар перенаселения планеты в 20-30 миллиардов человек может стать реальностью. Экологическая основа рухнет раньше. Большинство людей просто не осознает, насколько близка наша страна к подобной катастрофе. Мне верится, что такие страны, как Ваша, где расхищение природы не зашло еще столь далеко, пока имеют шанс найти более разумный способ удовлетворения человеческих потребностей, к тому же ощущают ответственность за это.

(Недавно в фитопланктоне, который снабжает Землю 50 % кислорода, были обнаружены остатки инсектицида).

Но все же я не хочу сказать, что все так безнадежно мрачно. Еще не слишком поздно принять меры.

Ваши замечания по поводу еврейской нации весьма интересны. Американские евреи большей частью основательно ассимилированы. Немногих из них можно отличить от людей англо-саксонских корней, за исключением особой гордости своим происхождением. (Оно и в самом деле является поводом для гордости. Уже достаточно того, что они выжили, несмотря на то, что их преследовали во все века, но этот народ сохранил и свою интеллектуальную традицию. Недавно скончавшийся Элсворт Хантингтон предполагал, что здесь имел место настоящий интеллектуально-генетический отбор, так же, как в некоторых других нациях.) Несомненно, такое отношение оказало достаточное влияние на американскую внешнюю политику, сделав ее даже преувеличенно произраильской. (Мой друг из Франции, Ф.Борде, думает, что сильные державы должны объединиться и установить мир на Ближнем Востоке. Может быть, он прав.)

Во время своих путешествий в Мехико, по югу Франции, в Греции, Югославии, даже Австрии или, скажем, среди индейских поселений на юго-западе США и негритянских районов Оукланда в Калифорнии, я поразился, насколько в северо-западной Европе, на большей территории США и в англоязычной Канаде расовая принадлежность нивелирована. Поэтому, вероятно, выделение американского иудаизма представляет собой попытку сохранить этническую идентичность, свой национальный колорит и традицию. В этой связи было очень интересно послушать выступление проф. Кейлис-Борока о преемственности старых фольклорных традиций в СССР.

Когда-нибудь мы с женой обязательно должны побывать в вашей стране. В этом году работа не позволяет этого сделать. На следующий год мы снова собираемся в Европу, однако пробудем там недолго, так что сможем посетить всего лишь несколько западных стран. (Отчасти, это делается ради дочери. Она поедет с нами, ведь до сих пор она не видела Старого света, за исключением небольшой части Скандинавии. Поскольку первыми поселенцами Америки были, в основном, выходцы из Англии и Франции, ей следует увидеть эти страны в первую очередь). Вероятно, мы сможем навестить Вас в 1971 году. Я бы очень хотел посетить не только места туристического плана, включая Самарканд, но и побродить по горам и лесам, если это возможно.

Ну и ну! Длина этого письма превзошла все мои ожидания. В это воскресенье я решил не работать за письменным столом, к тому же, сегодня один из немногих дней за последнее время, когда нет дождя; поэтому мне нужно попытаться кое-что починить по хозяйству.

Пора заканчивать. Наилучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

16 июня 1969 г.

Оринда, Калифорния

Дорогой профессор Ефремов!

Мы уже довольно долго не получали друг от друга писем, и я с радостью сообщаю, что книга с репродукциями Чюрлёниса находится у меня уже несколько дней. Картины великолепны. Некоторые из них мы, несомненно, поместим в рамки и повесим на стены.

Надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здравии. Если профессор Кейлис-Борок уже вернулся, передайте ему мои лучшие пожелания.

Как Вы увидите, я очень старался отыскать заказанные Вами книги. Наконец, я достал некоторые из них и отправил Вам вместе с несколькими другими по своему выбору. Не всегда есть возможность купить книгу, которая требуется, так как издания в мягком переплете зачастую быстро расходятся, и поэтому в моей посылке будут не все книги, которые Вы просили. Возможно, я найду некоторые из них у букинистов несколько позже. Надеюсь, посылка дойдет до Вас в целости и сохранности. Отправлять заказной бандеролью такие книжки слишком дорого. А по всей видимости, даже ценные бандероли не всегда доходят.

Странно, но я не смог найти книгу Хайнлайна «Чужой в чужой стране» вовремя. Может быть, теперь, когда движение «хиппи» начинает затухать, ее тоже больше не переиздают. Однако вчера, выполняя кое-какие поручения в Беркли, я разыскал один экземпляр и обязательно отправлю его Вам вместе с другими изданиями, которые могут заинтересовать Вас (включая мою книгу о космическом полете для подростков).

Странно и забавно, что эта книга Хайнлайна стала чем-то вроде Библии для многих молодых представителей богемы. Сам Хайнлайн — очень консервативный отставной морской офицер и, скорее всего, только забавляется, рассматривая некоторые религиозные понятия в своем романе.

Часть моих более молодых знакомых в той или иной степени была связана со сложным и пестрым движением, называемым «хиппи». Это понятие включает в себя особые взаимоотношения между людьми, поведение и стиль жизни. На самом деле, здесь нет ничего нового. Гоген и Бодлер высказывали те же мысли несколько поколений назад. Уже в наши дни, примерно 10-15 лет назад, стало заметным так называемое движение «beat»; после того, как русские запустили первые спутники, последователей этого движения стали называть «битниками». Идея была несколько восточной: жить как можно проще, мало работать, иметь мало обязательств с тем, чтобы быть свободным и развивать себя духовно и физически. В основном это были последователи дзен-буддизма, большей частью (за редким исключением) грязные, неухоженные и мрачные люди. Спустя некоторое время все потеряли к ним интерес.

Первые хиппи придерживались примерно тех же принципов, но вначале более последовательно и конструктивно. По их мнению, общество со временем можно изменить, действуя терпеливо и рационально.

Это были, по большей части, молодые люди, зачастую еще до 20 лет,

которые отказывались от того, что они называли ложными ценностями, коррумпированной и жестокой цивилизацией. Основной акцент они делали на личной свободе, включая сексуальную, на любви и взаимопомощи, на пацифизме и радости жизни. Я должен признать, что поначалу радости было хоть отбавляй — яркие, эксцентричные, дружелюбные и безобидные люди зачастую выражали свой протест в ироничной, а вовсе не в раздраженной манере.

Конечно, большинство из них, казалось, совершенно не занимал тот факт, что то же самое общество, производя различные блага, собственно, и делали возможной их жизнь почти без хлопот, не говоря уже об общем санитарном контроле, поддержании общественного порядка и всем прочем, что, наверное, и входит в понятие общества. А широкое распространение курения марихуаны, возможно, не особенно вредное само по себе, привело к культу ЛСД и др. галлюциногенов, гораздо более опасных. Грязь, мусор, венерические заболевания и недостаточное питание распространялись среди них все шире и шире. И преступления тоже. В настоящее время район Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско — некогда Мекка хиппи — стал определенно опасным после наступления темноты, поэтому даже те из хиппи, что там еще оставались, практически все выехали. Теперь лишь единицы сохраняются на коллективных фермах за городом; всех прочих поглотило более активное и энергичное «движение протеста».

Больше всего я сочувствую тем родителям, чьи дети ушли в хиппи и совершенно их забыли. Эти родители не могут понять, в чем провинились. Так, одна леди говорила о своем сыне: «Вот его сестра кончала школу: она совершенно обожает его, а он все толковал о „любви“ — но даже не позаботился прислать сестре открытку».

С другой стороны, слишком просто было бы осудить движение в целом. Конечно, многое пошло не так, и не только в Америке, но и в научно-техническом прогрессе вообще. (Если я правильно понимаю, то и многие молодые люди в Советском Союзе не принимают его тоже). И конечно, я сам знаю несколько человек, кому удалось сохранить первоначальные идеалы простоты, доброты и безгрешности. По моему мнению, если движение хиппи само по себе никуда не привело, неплохо было бы не отмахиваться от этого симптома и попытаться разобраться, что именно в нашей цивилизации вызвало это тихое восстание.

В общем-то, я не собирался так долго распространяться на эту тему. Но мне показалось, что Вам, насколько я мог судить, будет небезынтересно услышать об этом из уст свидетеля происходившего.

В январе этого же года со мной произошел один случай, заставивший меня взглянуть на все с другой стороны. Как Вы, возможно, знаете, у Калифорнийского университета несколько кампусов. Расположенный в Сан-Диего осуществляет программу «для приглашенных лекторов»: человека приглашают пожить в кампус на пару дней, оплачивают проживание и питание; он читает одну публичную лекцию, а затем отдает свое время в распоряжение студентов. Администрация любезно пригласила меня вместе с женой. Данный кампус имеет выраженную естественно-научную базу; к примеру, там расположен штаб Гарольда Юрея. Таким образом, мне представилась исключительно хорошая возможность подробно поговорить со студентами инженерно-технического профиля. Они не выказывали особого недовольства обществом; если они и считают, что в обществе что-то не так, то верят,

что это можно поправить со временем, проявив терпение, добрую волю и разумный подход.

С такими людьми мне приходилось встречаться и раньше, но эти последние усилили мое впечатление о том, что они способны с легкостью превратиться в людей вне научно-технического мира. Если согласиться с тем, что настоящее творчество нынешнего века, в основном, определяется научно-техническими достижениями, а традиционные виды искусства находятся в плачевном состоянии, а это, конечно, можно утверждать, то те, кто оказываются отторгнутыми от этих важнейших областей деятельности, могут ощущать себя отчужденными и обиженными.

Это не касается моего замечания относительно того, что в мире многое не так. Например, следует бороться против нефтяного загрязнения пролива Санта-Барбара и озера Байкал индустриальными отходами. Избыток утилитаризма, как и недостаток его, ведет к измельчанию культуры и является в равной степени разрушительным, по крайней мере, я так думаю. Но как найти необходимое равновесие?

В марте мы с женой явились свидетелями двух интересных событий. Во-первых, мы посетили район Лос-Анджелеса и присутствовали на обеде, посвященном присуждению региональных премий американским писателям-фантастам. Это активно действующая ассоциация, единственное в стране объединение, которое действительно что-либо делает для писателей. Накануне состоялась однодневная конференция в парке Диснейлэнд (удивительно, кстати!) для небольшой аудитории, на которой в числе выступающих были Рэй Брэдбери, Фрэнк Хэрберт, Р.С.Ричардсон. Самое интересное выступление сделал Джозеф Мартино, который работает в области технологического прогнозирования. Он объяснил, каким образом современная промышленность предсказывает, какие направления возникнут в будущем. Он строит свои планы, исходя из этих прогнозов. Поскольку он использует более надежные средства, чем писатели (компьютеры), такая деятельность может привести к устареванию научной фантастики, по крайней мере, в этой сфере.

А в конце месяца нам крупно повезло. В Рио-де-Жанейро проходил международный кинофестиваль. Одним из фильмов был «2001». В связи с этим ожидалось присутствие Артура Кларка для получения премии. Используя это как предлог, энтузиасты научной фантастики неизвестно каким образом подбили бразильское правительство на проведение недельной конференции по научной фантастике, пригласив большое число писателей, издателей и прочего народа, и оплатив все расходы. Нам с женой повезло, и нас включили в список приглашенных.

И вот мы прилетели в Рио и провели там 10 дней в компании таких людей, как Роберт Хайнлайн, Филипп Хосе Фармер, Фредерик Пол, Гарри Гаррисон, Роберт Блох, А.И. ван Вогт, Роберт Шекли, Альфред Бестер, Брайан Олдисс, Джон Браннер и др. Кроме американских и английских писателей, там были представители Франции, Уругвая, Аргентины, Испании и, конечно, самой Бразилии. Симпозиум включал 5 утренних заседаний, а остальное время мы были свободны, и нам даже предложили какие-то частные экскурсии. Проживали мы в отеле Копакабана-бич. Я никогда так не наслаждался серфингом, хотя волны чуть не потопили меня дважды.

Рио — восхитительный город, странная смесь старого и нового, прекрасного и отвратительного, богатства и ужасающей бедности. Люди,

почти без исключения, замечательные, причем не только интеллектуалы, проявившие исключительное гостеприимство, но и совсем простые люди, которых мы встречали повсюду — добрые, отзывчивые, готовые помочь, улыбочивые. (С другой стороны, движение на дорогах просто убийственно! Возможно, кариоки¹¹⁷ вымещают всю свою злобу за рулем!) Еда и питье просто изумительные даже в дешевых ресторанчиках, хотя, конечно, следует избегать определенных продуктов, могущих вызвать инфекционные заболевания, включая водопроводную воду. Время года было не особенно благоприятное: погода стояла влажная и жаркая, но мы постепенно к этому привыкли. Просто надо одеваться легко и стараться не очень много двигаться. Пейзажи там до невероятия красивые. В один из дней нам удалось выехать за город в зеленые горы. Так как никто из нас прежде не пересекал экватор, мы особенно хотели увидеть Альфу Центавра, для чего специально захватили звездную карту, и хорошо сделали. Хотя все бразильцы наперебой показывали нам Южный Крест, никто из них, даже сами фантасты, казалось, представления не имели, где расположена Альфа Центавра, тогда мы им показали.

Приехав домой, мы некоторое время никуда не выезжали. Я много работал за пишущей машинкой, а жена — в саду и по дому. На несколько дней к нам заехал Франсуа Борде (Ф.Карсак), приехавший в США по приглашению в качестве эксперта. Мы выехали с ним в воскресенье на побережье и там, по чистой случайности, он повстречался со своим коллегой, исследующим первобытную историю в Калифорнийском университете. Кругом валялась масса прекрасных камней, и эта парочка тут же уселась и полчаса усердно оббивала новенькие наконечники для копий и каменные топоры.

Состоялись также два турнира в нашем средневековом обществе. В последнем и я принял участие, после долгого перерыва, и должен признать, что сам удивился, насколько хорошо выступил, да и другие того же мнения. Но тем не менее я все же собираюсь оставить эти сражения через год-другой: силы, может, еще и остаются, но в скорости реакции с противниками на 20 и более лет моложе уже не сравниться. Если наш план удастся, то вскладчину мы купим китобойное судно и станем практиковаться в средневековых методах навигации.

Конечно же, мы неотступно следим за полетом последнего «Аполлона», а в следующем месяце, когда предполагается высадка на Луну, вообще не будем отходить от телевизора.

Но уже поздно, надо написать еще несколько писем, поэтому кончаю. Посылаем Вам с женой наилучшие пожелания и поздравления и ждем от Вас вестей.

Искренне Ваш,
Пол Андерсон.

* * *

17 июня 1970 г.

Дорогой профессор Ефремов,

Прошу прощения, что не смог написать Вам раньше. Прежде, чем объяснить Вам причины этого, как и причины по которым это письмо

довольно коротко, хочу выразить надежду, что у Вас и у Ваших близких все в порядке.

Здесь события развивались в бешеном темпе. Последнюю пару месяцев я работал почти не смыкая глаз. Это было необходимо, чтобы закончить книгу до нашего отъезда в Европу, и выдержать указанный в контракте срок. (На самом деле, если бы я опоздал, никаких ужасных последствий не было бы; но нам понадобятся деньги, и, кроме того, точность определенно является нематериальным активом писателя!) Более того, Карэн болела пару недель, как раз когда она должна была готовиться к путешествию. В результате пришлось отложить отъезд до конца этой недели, и мы так и не успели кое-что уладить.

Самое печальное — мы, скорее всего, так и не сможем посетить Вас. Времени в обрез, а еще столько надо сделать. Более того, мы едва успели получить наши паспорта, и нет никакого шанса получить советскую визу.

Может быть, удастся решить этот вопрос в консульстве в Европе. Мы будем обговаривать там маршрут и проверим все возможности, способы и т.д. На данном этапе мы планируем приземлиться в Осло, взять напрокат машину и поехать по Скандинавии около месяца, прежде чем направиться на юго-запад. Есть шанс, что путешествие из, к примеру, Хельсинки в Ленинград и Москву окажется возможным. Но сейчас это выглядит маловероятным.

Если что-нибудь прояснится, мы, разумеется, сообщим Вам заранее. А если Вы захотите связаться с нами, в начале месяца мы будем в Дании по известному Вам адресу.

Нам очень хочется посетить Вашу страну, но по возможности когда у нас будет время поехать по ней и увидеть больше, чем набор достопримечательностей. Предположительно, нам удастся сделать это года через два. Наша дочь тогда будет в колледже и, скорее всего, будет жить там же, далеко от дома, что позволит нам путешествовать не только летом; и мы рассчитываем поехать в Грецию в марте или апреле и вместе с весной следовать к северу. Так что, даже если нам не удастся приехать в этом году, мы скоро сможем вырваться!

Дата нашего возвращения еще неизвестна. Как и Вы, я был приглашен в Японию, но неофициально, через третье лицо, а оставаться все лето дома, ожидая официального письма, не представляется возможным. Человек, который будет присматривать за домом в наше отсутствие, сможет переправить нам приходящие письма. В то же время, чтобы быть уверенными, что вернемся вовремя, мы зарезервировали места из Люксембурга на 1 сентября. Так как это исландский самолет, мы сможем задержаться на несколько дней в этой стране и посетить такие места, как Тингвеллир и Суртси. Но, разумеется, в Японии побывать было бы еще более интересно!

Ну, достаточно об этом. Как говорить, не интересно обсуждать личные заботы; что интересного в работе без отдыха? Я все-таки построил драконью голову и хвост для «корабля викингов», но еще не успел опробовать новую модель на воде, и теперь придется ждать осени. Дракон выглядит довольно дружелюбным. На одном из средневековых турниров, я повредил плечо, и оно беспокоило меня несколько недель, но теперь уже прошло. Между прочим, так как рыцарь нашей дочери победил на предыдущем турнире, на этом она была королевой! Также мы нашли время посетить первый в мире съезд, посвященный детективным рассказам, в память Энтони Бучера, чье имя Вы, возможно, знаете. Это

было немногочисленное, но приятное собрание, которое понравилось бы и ему самому.

Книга, над которой я работаю может заинтересовать Вас, и я пошлю Вам экземпляр, когда она будет опубликована. Это роман о путешествии во времени, а один из действующих лиц — из Киевской Руси. Основное действие происходит на фоне падения морского владычества Минойского царства. Чем больше я изучал это время, тем больше мне нравились минойцы и тем большее сожаление вызывало падение их цивилизации. Для книги я использовал теорию Галанопулоса о причинах ее гибели. Извержение вулкана на острове Тера, произошедшее около 1400 года до н. э., было примерно в четыре раза сильнее извержения Кракатау; вызванные им приливные волны уничтожили критский флот и таким образом открыли путь завоеваниям менее цивилизованных греков времен Гомера. Сама Тера (или, точнее, первоначальный остров, который теперь существует как группа мелких островов Санторин) становится источником легенд об Атлантиде, которые записал Платон. (Он запутался в цифрах, из-за чего ему пришлось перенести свою страну в океан, так как ей не хватало места в Средиземноморье; но именно при переводе с древнеегипетского на греческий, можно легко спутать порядок чисел. Если даты и размеры, упомянутые Платоном, в равных масштабах уменьшить, его описания Атлантиды станут поразительно похожи на Санторин.)

Это письмо оказалось значительно длиннее, чем я предполагал, и мне уже пора вернуться к приготовлениям. Итак: мы посмотрим, удастся ли нам приехать в этом году в Россию, но, к сожалению должны сказать, что это маловероятно; мы надеемся, что у Вас все в порядке и посылаем наши наилучшие пожелания.

Искренне Ваш
Пол Андерсон.

Теперь вы знаете...

Айзек Азимов
Стабильная середина¹¹⁸

Вчера вечером я сидел за пианино и наигрывал что-то одной рукой. У меня не было своего инструмента до 1950 года, но даже в том возрасте я великолепно помнил, чему меня учили в четвертом классе про нотные линейки, ноты, диезы и бемоли.

Когда у меня появилось пианино, я начал наигрывать ноты знакомых мелодий (у меня хороший слух) и пытался сравнивать их с музыкальной записью. Таким образом, я постепенно научился читать ноты, хотя и очень примитивно.

И вчера вечером, прислушиваясь к мелодиям *«Мой старый дом в Кентукки»*, *«Старики у себя дома»* и некоторым другим простым песням, которые я подбирал без нот, я вздохнул и сказал моей дорогой жене Дженет: *«Если бы у меня в детстве было пианино, и я мог бы потратить на него сколько угодно времени, то я бы, наверное, долбил бы его до тех*

пор, пока не научился брать аккорды и играть серьезную музыку на слух. Кто-нибудь наверняка помогал бы мне в самых сложных местах, и к зрелым годам я вполне бы смог развлекать себя игрой, хотя вряд ли можно было ее считать превосходной».

Дженет, которая в детстве брала уроки игры на пианино и как раз может развлекать себя игрой, тепло посочувствовала, как обычно.

Но потом я стал искать в этом положительную сторону, поскольку не люблю расстраиваться подолгу, и сказал: *«Конечно, пришлось бы при этом потратить кучу времени и безвозвратно убить при этом довольно значительную часть своей жизни».*

Это Дженет поняла, потому что она давно смирилась с мыслью, что я привык считать бесцельно потраченным любое время, когда не пишу (за исключением тех минут, что провожу с ней — если это не слишком долго).

А потому и восполняю время, проведенное вчера вечером за пианино, тем, что пишу об этом эпизоде — и теперь, чтобы не терять больше времени, я продолжу писать, хотя и совершенно о другом.

Все мы знаем, что можно извлекать энергию из ядер атомов, если делить их на более мелкие части (ядерное расщепление), или соединять в более крупные (ядерный синтез).

Тут кому-нибудь в голову может прийти, что можно получить неограниченное количество энергии, попеременно то расщепляя, то соединяя ядра между собой снова и снова. К сожалению, злонамеренная природа предусмотрела подобную идею и предотвратила её посредством законов термодинамики.

Действительно, можно расщеплять тяжёлые ядра и получать энергию, но продукты распада нельзя слить воедино и получить исходное ядро, не приложив по меньшей мере столько же энергии, сколько получилось в результате реакции распада.

Точно так же и лёгкие ядра, которые дают энергию в результате реакции синтеза, нельзя расщепить, не затратив по меньшей мере столько же энергии, сколько выделилось при синтезе.

Если мы проанализируем стихийные изменения, происходящие во Вселенной, то увидим, что тяжелые ядра в другом случае появляются ядра, обладающие меньшим энергетическим потенциалом, чем те, которые были вначале; это значит, что частицы, из которых состоит конечный продукт, в целом легче, чем те, из которых состоят исходные ядра.

Если мы представим себе этот процесс, где тяжелые ядра становятся легче, а легкие — тяжелее, мы увидим, что можно вычислить ядро, где содержится наименьшее количество энергии и частицы с минимальной относительной атомной массой. Подобное «среднее» ядро не может далее отдавать энергию, увеличиваясь или уменьшаясь. В дальнейшем с ним не будет происходить никаких изменений.

Стабильная золотая середина представлена ядром железа-56, которое состоит из 26 протонов и 30 нейтронов. К подобному соотношению и количеству протонов и нейтронов в ядре стремятся прийти все ядерные реакции.

Давайте для примера рассмотрим некоторые факты.

Атомная масса ядерной частицы водорода-1 — 1,00797. Двенадцать ядерных частиц углерода 12 имеют относительную атомную массу 1,00000 (это величина, которая определяет единицу ядерной массы).

Шестнадцать ядерных частиц кислорода-16 имеют относительную атомную массу 0,999884. (Разница в массе, конечно, невелика, но даже небольшая потеря массы может означать огромное увеличение потенциальной энергии).

С другого конца таблицы Менделеева, 238 ядерных частиц урана-238 имеют относительную атомную массу 1,00012. Масса 197 ядерных частиц золота-197 имеют относительную атомную массу 0,99983, 107 ядерных частиц серебра-107 — 0,99910. Как мы видим, с обоих концов таблицы Менделеева ядра элементов стремятся приблизиться к атомной массе железа-56, в котором атомная масса для ядерной частицы наименьшая. Железо-56 обладает наименьшим энергетическим потенциалом, поэтому этот элемент является наиболее стабильным.

Наиболее распространенные ядерные реакции в нашей Вселенной — реакции синтеза. В первые моменты большого взрыва Вселенная состояла из водорода и гелия (у которых легкие ядра) и больше ничего. С момента большого взрыва 15 миллиардов лет всей истории Вселенной состоят из ядерного синтеза легких ядер в тяжелые.

При этом процессе сформировалось значительное количество тяжелых ядер, одних разновидностей чуть больше, чем других (в зависимости от скорости реакций синтеза), включая количество железа, которого гораздо больше, чем элементов с близкой атомной массой. Таким образом считается, что ядро Земли в основном состоит из железа, что, вероятно, справедливо и в отношении ядер Венеры и Меркурия. Многие метеориты — на 90% из железа. И все это потому, что железо — стабильная *золотая* середина.

Конечно, встречаются элементы более тяжелые, чем железо. Так как существуют такие условия, при которых скорость реакции ядерного синтеза водорода в железо огромна, и часть энергии не успевает выделиться, а вместо этого поглощается атомами железа, которые увеличивают энергетический потенциал до уровня урана и даже элементов с более тяжелыми ядрами.

Эти более тяжелые ядра присутствуют во Вселенной в ничтожно малых количествах. Собственно, за все 15 миллиардов лет ее существования только небольшая часть материи Вселенной преобразовалась в ядра с атомной массой равной массе железа и меньше. Из всех веществ, образующих Вселенную, водород все еще составляет 90%, а гелий — 9%. Все остальные вещества, образованные в результате синтеза, составляют только 1% от общего количества.

Почему же так происходит? Причина в том, что для того, чтобы процесс синтеза пошел, необходимо соблюдение ряда условий. Ядра должны столкнуться со значительной силой — но при обычных условиях этому препятствуют электроны. И даже если удалить препятствуют электроны. И даже если удалить электроны, все ядра будут иметь положительный заряд и станут отталкиваться друг от друга.

Поэтому для того, чтобы произошла реакция синтеза, должны соблюдаться такие параметры, как высокое давление и температура, что достижимо только в ядрах звезд.

Для того, чтобы вытеснить электроны из атомов водорода и затем столкнуть чистые ядра (отдельные протоны), преодолевая силу отталкивания их одинаковых зарядов, должна быть приложена огромная энергия. Как тогда мы можем говорить о синтезе как о *самопроизвольном изменении*, когда необходимо затратить столько энергии, чтобы

произошла реакция?

Дело в том, что эта энергия является *энергией активации* и служит для того, чтобы процесс начался. Как только процесс пошел, освобождаемой энергии хватает для его продолжения, даже если большая часть излучается наружу. Таким образом, при синтезе выделяется гораздо больше энергии по сравнению в небольшом первоначальном импульсом. Поэтому в целом, сам по себе синтез является самопроизвольной энергопорождающей реакцией.

Если это трудно понять сразу, давайте рассмотрим пример с обычной спичкой. При комнатной температуре она никогда сама по себе не возгорится. Но если чиркнуть ею по шершавой поверхности, то головка спички от трения нагреется и воспламенится. Вскоре тепло от огня поднимет температуру находящихся рядом материалов до точки их возгорания. Это может продолжаться до бесконечности, и поэтому единственная непогашенная спичка может стать причиной огромного лесного пожара, выжигающего бесчисленные гектары леса.

Даже в центре звезды процесс ядерного синтеза проходит относительно медленно и постепенно. Процессы синтеза в нашем Солнце продолжаются уже почти 5 миллиардов лет при весьма незначительных внешних переменах, и этот процесс будет продолжаться, по крайней мере, еще 5 миллиардов лет.

Процесс преобразования водорода в гелий называется *основной последовательностью*. Этот процесс длится долго, так как при преобразовании водорода в гелий выделяется огромное количество энергии.

На протяжении миллиардов лет основной последовательности все больше и больше гелия скапливается в ядре Солнца, которое тем самым постепенно становится все массивнее. Усиливающееся гравитационное поле сжимает ядро все сильнее, увеличивая при этом температуру и давление, пока, наконец, параметры не достигнут такой величины, чтобы сообщить достаточную энергию активации для синтеза ядер атомов гелия в ядра с большей массой.

После начала процесса гелиевого синтеза остальная реакция протекает сравнительно быстро, так как все процессы, следующие за синтезом гелия, производят лишь одну пятую энергии, которая высвобождается при первоначальном синтезе гелия из водорода. Более того, с началом гелиевого синтеза звезда начинает коренным образом изменяться снаружи, и в этом случае о ней говорят: *«отошла от основной последовательности»*. По ряду причин она сильно расширяется и при расширении ее поверхность (но не ядро) начинает остывать и краснеть. Такая звезда становится *красным гигантом*, после чего дни этого небесного светила как объекта дальнейшего процесса синтеза сочтены.

У звезды, масса которой приблизительно равна массе Солнца, процесс синтеза будет проходить до того момента, пока ее ядро не будет состоять преимущественно из ядер углерода, кислорода и неона. Для дальнейшего синтеза должны быть обеспечены такие параметры температуры и давления, которых сила тяготения звезды и ее ядра не могут обеспечить.

Таким образом, звезда не может произвести на данный момент достаточное количество энергии для процесса синтеза, позволяющего ей увеличиваться до бесконечности, и тогда безжалостная сила гравитации заставляет ее сжиматься. Это сжатие увеличивает давление и поднимает

температуру во внешних слоях звезды, в которых еще много водорода и гелия. В этих областях процесс синтеза происходит быстрее, и частицы выбрасываются сияющим облаком. Большая часть массы звезды сжимается, и она превращается в *белого карлика*, состоящего почти полностью из углерода, кислорода и неона, и лишенного водорода и гелия.

Белые карлики довольно стабильные небесные тела. В них не происходит процесса синтеза, они лишь постепенно теряют оставшуюся в них энергию, и затем очень медленно остывают, тускнеют, пока, в конце концов, не перестают совсем излучать видимые лучи и становятся *черными карликами*. Процесс этот настолько медленен, что, возможно, в течении всей истории Вселенной ни у одного *белого карлика* не было возможности остыть до состояния *черного*.

Но что, если звезда значительно больше Солнца и массивнее его в 3–4, или даже в 20–30 раз? Чем больше звезда, тем интенсивнее ее гравитационное поле, и значит сильнее будет сжато ее ядро. Температура и давление в нем будут во много раз выше, чем вероятные на Солнце. Углерод, кислород и неон могут синтезироваться в кремний, серу, аргон и, в конце концов, в железо.

Однако на этой стадии процесс должен остановиться, так как железо само по себе не может ни синтезироваться, ни расщепляться. Процесс выделения энергии ядром постепенно уменьшается, и тогда звезда входит в стадию коллапса. Процесс значительно ускоряется под воздействием силы притяжения звезды-гиганта, в которой все еще остается большое количество атомов водорода и гелия. В течении сравнительно короткого промежутка времени происходит много взрывов водорода и гелия, и на протяжении нескольких дней или даже недель звезда сияет в миллион раз ярче обычной звезды.

Вот это мы и называем *сверхновой звездой*.

Гигантский взрыв сверхновой разносит ядра с самой различной атомной массой по межзвездному пространству железа, а приданная им энергия позволяет даже части атомов железа стать еще тяжелее.

Сверхновая выбрасывает в огромнейших количествах элементы с ядрами большой атомной массы в межзвездные туманности, состоящие только из гелия и водорода. Звезда, сформированная из такой туманности, насыщенной веществами с тяжелыми ядрами (например, Солнце) включает их в свою собственную структуру. Элементы с ядрами большой атомной массы также попадают на планеты подобных звезд и встраиваются в формы жизни, существующие на них.

Тем не менее, в стадии взрыва ядро сверхновой, содержащее наибольшее количество железа и других тяжелых элементов, сокращается до крошечной нейтронной звезды или еще меньшей по объёму черной дыры. Таким образом, ядра с большой атомной массой остаются по преимуществу на своем месте и никогда не рассеиваются в межзвездном пространстве. В связи с этим возникает вопрос, были ли сверхновые причиной появления всех элементов с ядрами большой атомной массы, обнаруженных во Вселенной?

Однако описанный мной вид сверхновой звезды отнюдь не является единственным.

В течение последних 50 лет было изучено около 400 сверхновых звезд. (Все они находились в других галактиках, поскольку в нашей, к

большой досаде астрономов, не было обнаружено ни одной Сверхновой после 1604 года). Сверхновые звезды делятся на два класса, которые называются тип I и тип II.

Тип I обладает большей светимостью, чем тип II. Сверхновая звезда II типа может достигать светимости, в миллиард раз превышающей светимость нашего Солнца, причем сверхновые звезды I типа могут быть в 2.5 миллиарда раз ярче Солнца.

Если бы это была единственная разница, то мы могли бы заключить, что особо крупные звезды, взрываясь, образуют сверхновые звезды I типа, в то время как звезды меньшего размера после взрыва образуют сверхновые звезды II типа. Это кажется звезды II типа. Это кажется настолько очевидным, что было бы заманчиво прекратить на этом исследование данного вопроса.

Однако существуют другие различия, делающие такое заключение нелогичным.

Например, более тусклые сверхновые звезды II типа почти всегда встречаются в рукавах спиральных галактик. Именно там обнаруживается наибольшая концентрация газов и космической пыли, и, следовательно, встречаются крупные и массивные звезды.

Несмотря на то, что более яркие сверхновые звезды I типа иногда встречаются в рукавах спиральных галактик, их также можно наблюдать и в центральных областях, и даже в эллиптических галактиках, где концентрация пыли и газа невелика. В таких областях, свободных от пыли и газа, обычно формируются звезды средней величины. Из-за их месторасположения может показаться, что это сверхновые звезды II типа, образующиеся в результате взрыва звезд-гигантов, но на самом деле это сверхновые звезды I типа, которые формируются после взрыва звезд меньших размеров.

И, наконец, третье различие заключается в том, что сверхновые звезды I типа после пика своей светимости тускнеют очень равномерно, в то время как сверхновые звезды II типа гаснут неравномерно. Здесь мы опять могли бы предположить, что звезды меньшей величины будут вести себя более пристойно, чем их крупные собратья. Тогда следует ожидать, что более мощные взрывы должны иметь более хаотичную эволюцию с повторными взрывами и т.д.

Учитывая как месторасположение в галактике, так и характер угасания, следовало бы ожидать, что сверхновые звезды I типа происходят из звезд меньшего размера, нежели II типа. Но в таком случае почему светимость сверхновых звезд I типа иногда больше, чем вдвое, превышает светимость сверхновых звезд II типа?

И еще одна особенность! Относительно небольшие звезды — явление гораздо более распространенное, чем крупные. Поэтому логично было бы предположить, что сверхновые звезды I типа, если они образуются из малых звезд, встречались бы примерно в десять раз чаще сверхновых звезд II типа. Однако этого не происходит! Оба типа встречаются примерно с одинаковой частотой.

Возможное решение этой проблемы может быть найдено путем анализа спектров этих двух типов звезд, который дает совершенно противоположные результаты. Сверхновые звезды II типа имеют спектр с ярко выраженными водородными линиями спектра. Это типично для звезды-гиганта. Даже если ее ядро переполнено железом, все равно наружные слои будут богаты водородом, синтез которого обеспечит запас

энергии, поддерживающей яркое свечение такой сверхновой звезды.

В спектрах сверхновых звезд I типа водород отсутствует. Видны лишь такие элементы, как углерод, кислород и неон. Но это же состав белых карликов!

Может ли сверхновая звезда I типа быть белым карликом в стадии взрыва? В таком случае, почему сверхновые звезды I типа так малочисленны? Может быть, лишь некоторая часть белых карликов подвергаются взрыву, поэтому число сверхновых звезд I типа не больше, чем II типа. Почему взрывается только небольшое количество звезд? И почему они вообще взрываются? Разве я ранее не говорил, что белые карлики очень стабильны и постепенно гаснут в течение многих миллионов лет, не претерпевая резких изменений?

Ответ на этот вопрос возник при исследовании *новых* звезд. (Не сверхновых, а обычных новых, которые вспыхивают, достигая яркости в 100 000–150 000 раз ярче Солнца.)

Такие *новые* звезды встречаются гораздо чаще, чем сверхновые, и не являются результатом серьезного взрыва звезды. Иначе перед взрывом они были бы красными гигантами и светились гораздо ярче в момент взрыва и после него почти совсем гасли. Но вместо этого, новые оказываются обычными звездами основной последовательности как до, так и после вспышки средней интенсивности с небольшими, если это вообще имеет место, видимыми изменениями, являющимися результатом этого процесса. В действительности отдельная звезда может становиться *новой* снова и снова.

Но затем в 1956 году американский астроном Мерли Ф. Уокер заметил, что звезда, названная DQ Геркулеса, которая прошла через стадию новой в 1934 году, была в действительности двойной звездой. Она состояла из двух звезд, так близко расположенных друг к другу, что они почти соприкасались.

Были приложены все усилия для того, чтобы изучить обе звезды по отдельности. Более яркая звезда — класса основной последовательности, а более тусклая оказалась белым карликом! К тому времени, как это выяснилось, ряд других звезд, о которых известно, что они прошли стадию новой в определенный момент своей истории, были определены как близкие двойные звезды, и в каждом случае выяснялось, что одна из звезд в паре была белым карликом.

Астрономы сразу решили, что белый карлик и был той звездой в паре, которая прошла стадию новой звезды. Звезду основной последовательности обычно и наблюдали, а с ней значительных изменений не происходило, — вот почему казалось, что светимость была одной и той же до и после вспышки. Белого карлика вообще не наблюдали, поэтому истинную эволюцию новой понимали неверно.

Но теперь все иначе. Вот что, по мнению астрономов, должно происходить.

Мы начнем с двух звезд основной последовательности, образующих двойную звезду. Чем больше масса звезды, тем быстрее она использует водород, находящийся в ее ядре, поэтому более тяжелая звезда начинает расширяться до тех пор, пока не превращается в красный гигант. Некоторые из возникающих в ходе расширения веществ перетекают к более легкой звезде, все еще остающейся в основной последовательности, в результате чего срок жизни этой звезды сокращается. Через некоторое время и наконец, красный гигант в результате коллапса превращается в

белого карлика. Еще через некоторое время оставшаяся звезда из основной последовательности, чей срок жизни уже сокращен, начинает расширяться до тех пор, пока не превращается в красный гигант, а часть ее массы не перетекает в пространство вокруг белого карлика. Эта избыточная масса вращается вокруг белого карлика по спиральной орбите (по *диску аккреции*). Когда в диске аккреции собирается достаточное количество газа, диск распадается, а содержащиеся в нем вещества перетекают на поверхность белого карлика.

Вещество, попадающее на поверхность белого карлика, ведет себя иначе по сравнению с попадающим на обыкновенную звезду. Сила притяжения на поверхности белого карлика в тысячи раз больше, чем на обыкновенной звезде. В то время как вещество, попадающее на обычную звезду, просто добавляется к ее общей массе, вещество же, попадающее на поверхность белого карлика, сдавливается под действием гравитационной силы и включается в процесс синтеза.

С исчезновением диска аккреции, возникает волна света и энергии, и бинарная система начинает светить приблизительно в 100 тысяч раз сильнее. Это может происходить снова и снова, и каждый раз белый карлик будет превращаться в новую звезду, и приобретать массу.

Тем не менее, масса белого карлика не может превышать массу Солнца более чем в 1,44 раз. Это было доказано в 1931 году астрономом индийского происхождения Субраманьяном Чандрасекаром. Открытую им величину называют границей Чандрасекара. (В 1983 году Чандрасекар получил за свое открытие давно заслуженную Нобелевскую премию по физике.)

Соппротивление электронов дальнейшему сжатию препятствует уменьшению белого карлика в размерах. Однако, когда белый карлик проходит границу Чандрасекара, гравитационное поле становится настолько сильным, что сопротивление электронов преодолевается и начинается новое сжатие.

Белый карлик уменьшается с катастрофической скоростью, и в течение этого процесса ядра углерода, кислорода и неона, из которых состоит белый карлик, претерпевают синтез. Вырабатываемая энергия *полностью* разрывает звезду на части, оставляя от нее лишь газообразные, мелкие, как пыль, осколки. В этом и заключается причина того, что сверхновая I типа, образовавшаяся из звезды с меньшей массой, светит гораздо ярче, чем сверхновая II типа, из звезды с большей массой. Белый карлик взрывается полностью, а не частично, и его взрыв протекает значительно быстрее, чем взрыв звезды-гиганта.

Однако не каждый белый карлик взрывается, поэтому сверхновые I типа встречаются не так часто. Белые карлики, не имеющие парной звезды, или находящиеся слишком далеко от нее (как, например, белый карлик основной последовательности Сириус-B), практически не имеют возможности приобрести массу. Лишь белые карлики двойных звезд способны набрать необходимую для преодоления предела Чандрасекара массу.

В этом случае многие различия в характеристиках двух типов сверхновых звезд объяснимы, но одно из них до сих пор остается загадкой. Почему сверхновые звезды I типа тускнеют обычным образом, в то время как потускнение звезд II типа происходит неровно?

В июне 1983 года в относительно близкой галактике M83 вспыхнула сверхновая звезда I типа, и в 1984 году астроном Джеймс Грэм обнаружил

следы железа в спектре этой звезды. Это было первое прямое свидетельство того, что в результате синтеза в недрах сверхновой звезды I типа накапливается железо.

Грэм полагает, что сверхновая звезда I типа может быть вообще не видна. Если синтез завершился образованием железа, то звезда должна расширить свой объем в сотни тысяч раз так быстро, что продукты взрыва могли бы остыть, почти не излучая света. Хотя синтез прошел все стадии до образования железа, несмотря на это, светимость высока.

По мнению Грэма, кроме собственно синтеза, должен быть иной источник энергии, более медленно отдающий энергию и свет. Он предположил, что внутри белого карлика синтезировалось не железо-56 (с ядром, содержащим 26 протонов и 30 нейтронов), а кобальт-56 (с ядром из 27 протонов и 29 нейтронов).

Как было сказано ранее, обычная масса 56 частиц железа-56 — 0,99884, в то время как 56 частиц кобальта-56 имеют вес 0,99977. Количество дополнительной энергии в кобальте-56 столь незначительно, что переход кобальта-56 в железо-56 достаточно легкий, чтобы синтез приостановился на кобальте-56.

Но законы термодинамики не могут быть нарушены, и хотя кобальт-56 образуется, он не может существовать долго. Ядра кобальта радиоактивны, и в конце концов каждое отдает один позитрон и испускает гамма-излучение. При потере позитрона протон становится нейтроном и ядра кобальта-56 превращаются в ядра, в которых количество протонов на один меньше и присутствует один лишний нейтрон, то есть в ядра железа-56. Эта полная радиоактивная замена всех запасов кобальта-56 в звезде и является тем источником свечения, которое мы видим в сверхновых звездах I типа.

Есть ли какое-нибудь свидетельство в пользу этой гипотезы? Да. Если общий нуклеосинтез от кислорода до кобальта может быть делом нескольких секунд, то распад кобальта-56 и его переход в железо-56 намного более постепенный процесс, так как его период полураспада составляет 77 дней. Если радиоактивный распад кобальта-56 поддерживает свечение сверхновых звезд I типа, то тогда оно должно уменьшаться с той же постепенностью, с которой падает радиоактивность. Замечено: сверхновая звезда I типа тускнеет кратно 77 дням, что красноречиво указывает на присутствие кобальта-56.

Из этого следует, что хотя тяжелые ядра включены в межзвездную материю сверхновых звезд обоих типов, наиболее тяжелые, начиная с железа, сохранены по преимуществу в сжавшихся нейтронных звездах и черных дырах, возникающих на месте сверхновых II типа, а при глобальных взрывах сверхновых I типа они вместе со всем прочим разбрасываются по Вселенной.

Значит, большая часть железа, которое находится в земной коре, так же как и железо в нашей крови, когда-то было заключено в недрах белых карликов, которые потом взорвались вспышкой сверхновой.

Cyberspace

С двух лучше всего, на наш взгляд, разработанных русских сайтов (выражаясь русским языком — гульбищ), где вы сможете найти

единомышленников или просто интересную свежую информацию о фантастике мы начинаем публиковать.

Фантастические ресурсы Internet.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

• <http://www.kulichki.com/tolkien/> «Арда-на-Куличках».

Сайт, посвященный творчеству Дж. Р.Р.Толкиена, собрал вокруг себя множество фанатов.

Разделы: «Кабинет Профессора» (биография Дж. Р.Р.Т., неоконченные произведения и др.), «Каминный зал Ривенделла» (музыка, картинки, карты, поэзия и проза фэндом), «Златые рощи Лориена» («живые» ролевые игры. Хоббитские игрища), «Роханские ристалища» (конкурсы поэзии и прозы Средиземья), множество ссылок на другие толкиенские страницы мировой паутины, указатели на различные электронные средства общения толкиенутов — от mail-листов до online chat'a, а также раздел под названием «Гарцующий Пончик» — своеобразный околотолкиенский юмор.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

• <http://www.securities.ru:8000/~bkirill/dv/sf/index.htm>

«Русская фантастика»

Очень хороший русскоязычный сайт, посвященный SF&F. Авторы, произведения, новости, фотографии, словарь терминов фантастики, список часто задаваемых вопросов, раздел с фэнзинами (представлены журналы: «Двести», «Вестник КЛФ МГУ», «Сизиф», «Фэн Гиль Дон», «Страж Птица», «Та Сторона»).

Премии русской фантастики, досье на авторов и фэнов, коллекция отборных откомментированных ссылок.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

Тем, кого заинтересовал телесериал «Вавилон-5», предлагаем заглянуть по адресу:

• <http://www.babylon5con/cmp/scifi.htm>

Там можно найти (правда, только по-английски) биографии создателей сериала, героев и актеров, множество ссылок на другие фантастические ресурсы.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

• <http://www.magicdragon.com/Ultimate SF/authors.html>

Библиография произведений множества известных и малоизвестных пока у нас англоязычных фантастов.

@@@@@@@@@@@@@@@@@@@@

В Москве доступ в Интернет — 247-62-08.

Хроника

В 1996 году Копенгаген был объявлен главной Культурной Столицей Европы. Существующий с 1974 года «Круг научной фантастики», который объединяет в основном любителей, а также желающих примкнуть к нему профессиональных писателей, критиков, художников, уже проводил в 1977 и 1980 годах в датской столице два фестиваля, прошедших с успехом. Идею проведения в Копенгагене нового фестиваля, получившего название «Фабула-96», с самого начала поддерживали Брайан Олдисс и

Гарри Гаррисон. Собирался прибыть и Фредерик Пол, но его жена Элизабет Халл, известная исследовательница нф и писательница, баллотировалась как раз в дни фестиваля на выборах в Конгресс. Среди приглашенных гостей были известный читателям «Сверхновой» Брюс Стерлинг и новозеландская писательница Шерил Джордан.

Помимо писателей поддержка датского министерства научных исследований позволила также привлечь к участию видных ученых, что определило успех Круглого стола «Наука встречается с фантастикой». Основными темами дискуссий стали: исследование Марса, искусственный интеллект, искусственные имплантанты, из области теоретической физики — вопрос «Возможно ли путешествие во времени?», нанотехнология, новые взгляды историков на возможности эволюции современной ситуации в мире. Организаторы сетовали лишь на то, что не удалось получить достаточных средств, чтобы расширить представительство любителей и специалистов из других стран. Поэтому аудитория состояла по преимуществу, из датчан и шведов.

В фестивале «Фабула-96», проходившем с 12 по 14 октября 1996 года в новеньком корпусе Королевского университета ветеринарии и сельского хозяйства, оснащенный по последнему слову техники, приняло участие свыше тысячи человек (зарегистрировавшихся официально). Встречи, включенные в программу, проходили по четырем основным направлениям: открытые интервью авторов (из датских авторов больше всего внимания привлекли Эрвин Нетцки-Вулф и Инге Эриксен), чтение писателями новых произведений, кинонаправление, дискуссии на общепанастестические и общечеловеческие темы... Продажа книг и нф-параферналии дополняла атмосферу фестиваля. Из запланированного не состоялась только театральная постановка. И мы благодарим одного из организаторов, Йохана Хейе, который поделился с читателями «Сверхновой» рассказом о прошедшем фестивале, высказав при этом надежду, что на «Фабулу-99» удастся пригласить и участников из России.

19 апреля 1997 года были объявлены результаты голосования на лучшие произведения, отмечаемые премиями «Небьюла» за 1996 год. В категории рассказа лучшим был признан «День рождения» Эстер Фризнер, с которым мы познакомим читателей в следующем номере. Там же мы поместим и рассказ, не получивший приза, но стоявший в первом ряду при голосовании — «Верёвочку» Кэтлин Энн Гунан, также публиковавшийся в F&SF В 1995 году, для сравнения.

А вот список победителей во всех категориях:

Роман: Никола Гриффит «Медленная река» («Slow River» by Nicola Griffith)

Повесть: Джек Данн «Да Винчи на взлете» («Da Vinci Rising» (Novella) by Jack Dann)

Рассказ: Брюс Холланд Роджерс «Спасательная шлюпка (Novelette) в горящем море» («Lifeboat on a Burning Sea» by Bruce Holland Rogers (Short Story) Эстер Фризнер «День рождения» («A Birthday» by Esther M.Friesner)

Все произведения были опубликованы в 1995 году, из них два — Роджерса и Фризнера — в «F&SF».

Объявления

УВАЖАЕМЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ!

Ежемесячный журнал «Сверхновая. F&SF», пользующийся исключительным правом публикации материалов из «Magazine of Fantasy and Science Fiction», признанного в 1994 году лучшим среди журналов фантастики в США, — принимает заказы на размещение информации о новых (и, естественно, сверхновых) изданиях, технологиях и событиях.

«Сверхновая» имеет объем 200 страниц, тираж 10 тысяч экземпляров, распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира. Есть у нас своя страничка в Интернете: <http://www.netclub.ru/supernova/>.

Мы особенно приветствуем материалы о новых технологиях, медицинской и вычислительной технике, средствах связи, наукоемких товарах и услугах, а также готовы рассказать о тех, кто финансирует развитие науки и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. В таких случаях предусмотрены льготы — до 50 %.

Льготы и для КЛФ, и для книгоиздателей (возможен бартер). На страницах «Сверхновой» открыт «Книжный клуб» со сбором заказов на фантастику, интеллектуальную прозу, развивающую литературу — нашим читателям многое интересно.

Расценки (даже без льгот) на данный момент фантастически низкие:

4-я с граница обложки (четырёхцветная печать) — 1000 у.е.,

2-я и 4-я страницы обложки (четырёхцветная печать) — 800 у.е.

то же — черно-белая печать — 500 у.е.

1 полоса — 300 у.е.

1/2 полосы — 150 у.е.

Наш адрес 119899, Москва, Ленгоры, Научный парк МГУ, к 512, журнал «Сверхновая. F&SF» Тел.: 932-90-69,

факс (095)932-90-46, e-mail. [supernova\(a\)netclub.ru](mailto:supernova(a)netclub.ru)

Подписной индекс «Сверхновой»- 45467 в каталоге «Книга-сервис».

Главный редактор — Михайлова Лариса Григорьевна

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим обратить внимание на изменение координат «Сверхновой»! Наш новый адрес: 119899, Москва, Ленгоры,

Научный парк МГУ, коми. 512.

Тел. (095) 932-90-46 факс (095) 932-90-46 E-mail: supernovafainetclub.ru Мы по-прежнему на связи!